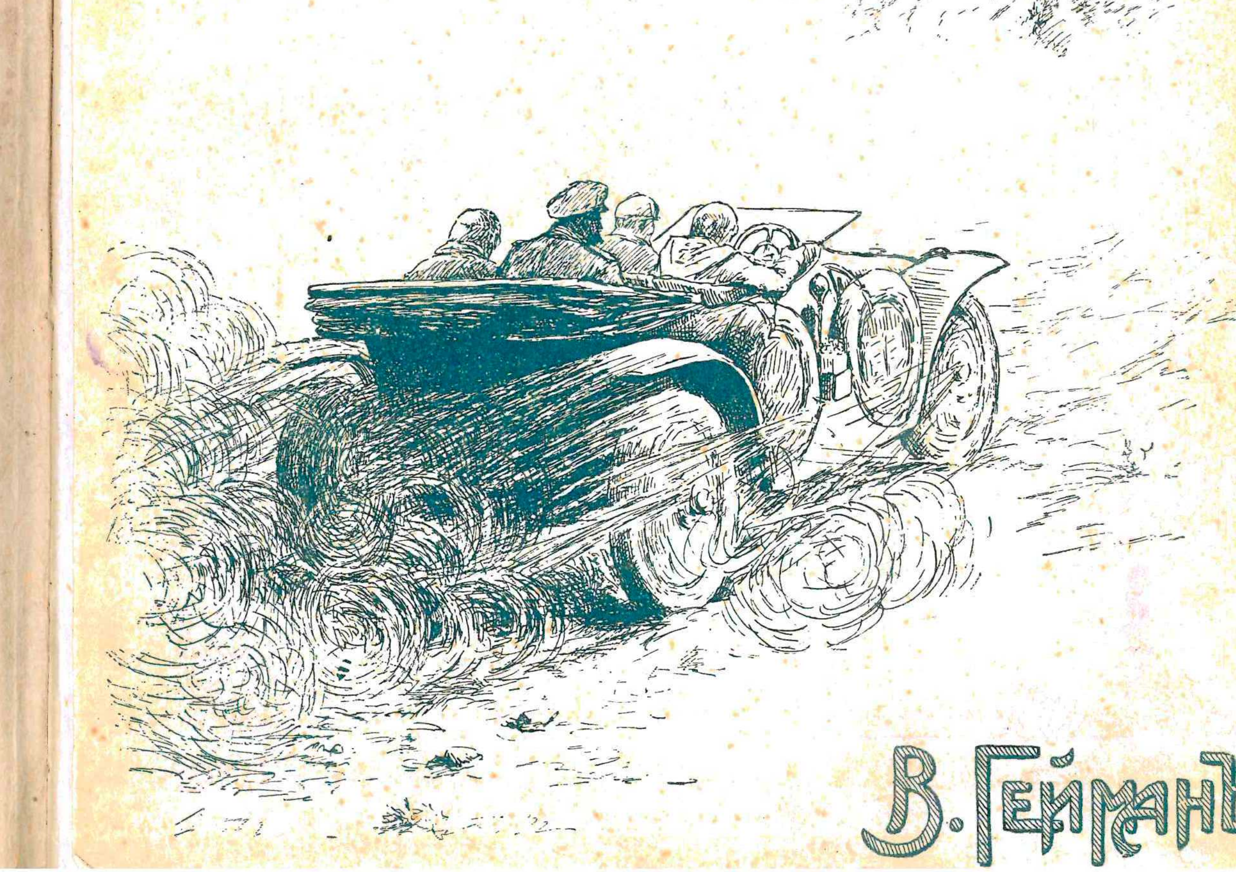
По градамъ и весямъ родной земли.

10000 верстъ

на

автомобилѣ.

В. Гейманъ

В. ГЕЙМАНЪ.

По градамъ и весямъ родной земли.

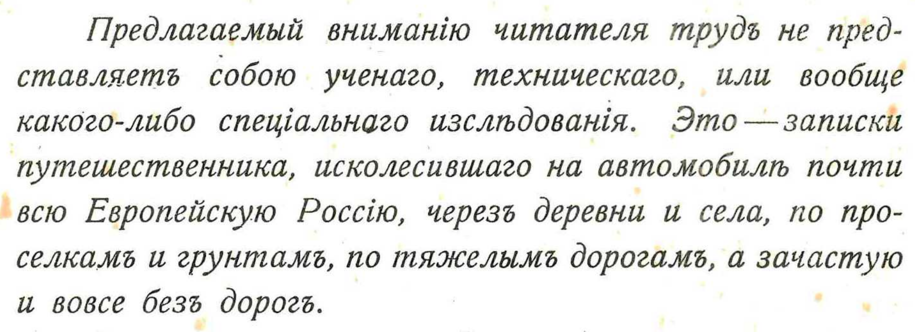
(10.000 верстъ на автомобилѣ).

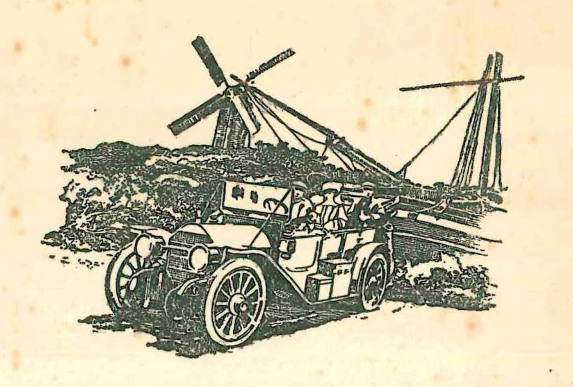
Изданіе
Техническаго Издательства Инж. Н. Кузнецова,
С.-Петербургъ, Николаевская, 77.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко.
СПБ., Екатерингофскій просп., № 87.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ не представляетъ собою ученаго, техническаго, или вообще какого-либо спеціальнаго изслѣдованія. Это — записки путешественника, исколесившаго на автомобилѣ почти всю Европейскую Россію, черезъ деревни и села, по проселкамъ и грунтамъ, по тяжелымъ дорогамъ, а зачастую и вовсе безъ дорогъ.

Авторъ проситъ снисходительно отнестись къ нему и постараться вмѣстѣ съ нимъ проникнуться красотой и величіемъ Руси, — этой неисчерпаемой сокровищницы всяческаго знанія и истинной мудрости.

— Что же, ѣдемъ?

— Ѣдемъ.

— А когда?

— Ну, это довольно трудно сказать. Все-таки нужно осмотрѣть машину, сообразить насчетъ бензина, подумать какъ и что...

— Двѣ недѣли довольно?

— Поспѣемъ.

Этимъ закончились предварительные разговоры и поѣздка наша въ принципѣ была рѣшена.

Въ основу пробѣга легло желаніе объѣхать на этотъ разъ Европейскую Россію. Было интересно отправиться на автомобилѣ по нашимъ дорогамъ и непремѣнно больше по грунту, чѣмъ по шоссе.

Въ самомъ дѣлѣ, Россія такъ необъятна и своеобразна, что сколько бы не ѣздить по ней, все будетъ новое и особенное.

Она — какъ поле въ лѣтнюю пору. Что новаго можетъ быть въ небѣ, подъ которымъ родился, въ какомъ нибудь василькѣ, который знаешь, какъ свои пять пальцевъ, во ржи, чьи колосья такъ знакомы съ дѣтства? Но вотъ бросишься въ эту рожь — и какъ въ сказкѣ выростаетъ

по щучьему велѣнію волшебное царство: по новому бѣгутъ въ небѣ облака, не такъ, какъ давеча, блеститъ золото ржи и совсѣмъ другимъ смотритъ изъ-за колосьевъ синій цвѣтокъ.

А необъятная родина скуетъ вамъ желѣзную волю и вдохнетъ духъ пониманія красоты, — освятится душа ваша и станетъ чуткой и понесетъ въ себѣ Бога.

По камешкамъ журчитъ быстрая рѣченька, въ зеленомъ хороводѣ сплелись надъ ней кудрявыя березы, дрожитъ въ листвѣ алмазная осыпь студеной росы и огненныя стрѣлы сыплетъ на землю горячее солнце, что за красота, что за роскошь, что за прелесть... Это ты, родимый русскій ландшафтъ, это ты, родная мать сыра-земля!

А длинная дорога подаритъ вамъ ясныя зори и звѣздныя ночи, зеленые холмы, веселыя поля и дубравы, и грудь досыта надышится ароматомъ травъ и цвѣтовъ полевыхъ, допьяна напьется всей луговой силушкой.

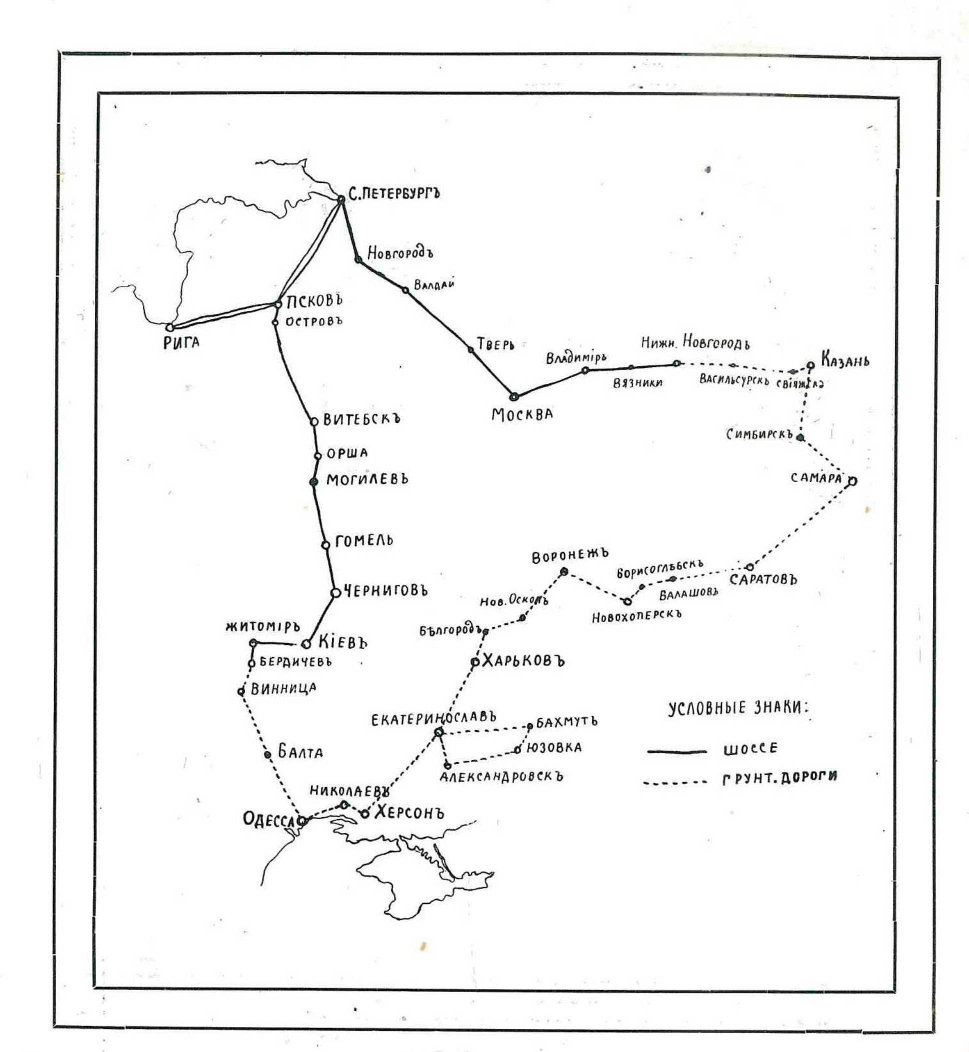
Итакъ, во главу угла поставилъ я хотя-бы самое поверхностное описаніе всего того, что встрѣтится на длинномъ пути. А путь предстоялъ не малый и заключалъ въ себѣ по предположенію ни болѣе, ни менѣе какъ 10 тысячъ верстъ.

Средства передвиженія?

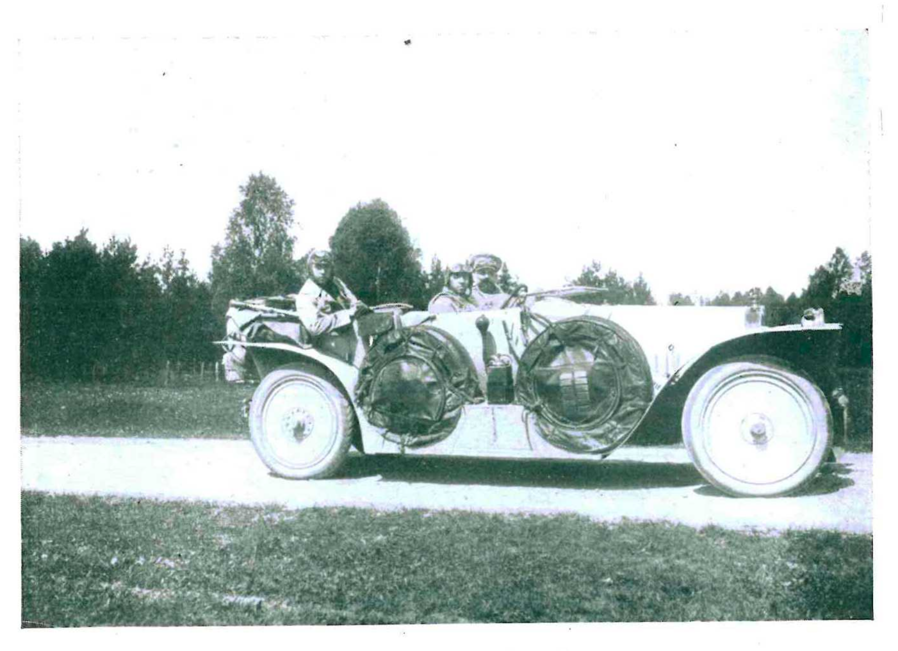
Конечно, автомобиль.

Финансы?

Это уже было труднѣе, но все обошлось прекрасно и прежде всего пришло на помощь „Новое Время“, поддержавшее мою мысль и давшее мнѣ средства. Русско-Балтійскій заводъ далъ автомобиль и взялъ на себя бензинъ и прочее путевое довольствіе. „Проводникъ“ далъ безплатно шины и распорядился, чтобы всѣ отдѣленія этой фирмы оказывали всяческое содѣйствіе.

Маршрутъ пути.

Подкрѣпившись въ Павловскѣ, поѣхали дальше.

Русско-Балтійскій заводъ.

Мы имѣли и почти оффиціальное порученіе, придавшее интересъ нашей поѣздкѣ. Императорское автомобильное общество, будучи озабочено подготовкой предполагавшагося большого международнаго пробѣга на Императорскій призъ и разрабатывая различныя направленія, просило моихъ спутниковъ и меня произвести развѣдку путей въ восточномъ направленіи, на Москву—Нижній—Казань—Самару—Саратовъ—Воронежъ. Для этого мы ввели въ нашъ маршрутъ соотвѣтствующія поправки и распредѣлили работу такъ: мнѣ—составленіе путевой съемки, Нагелю—общее наблюденіе автомобилиста, Оцупу—дневникъ и фотографіи.

Двѣ недѣли промелькнули какъ сонъ. Различные переговоры съ заводомъ, хлопоты съ картами, покупка всякихъ нужныхъ и ненужныхъ въ дорогу вещей, шлемы, куртки, гетры, бидоны, клаксоны и множество прочихъ подробностей занимали насъ съ вечера до утра и съ утра до вечера.

Самое трудное было выработать маршрутъ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили ѣхать такъ: Петербургъ, Новгородъ, Тверь, Москва, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Воронежъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Херсонъ, Одесса, Житоміръ, Кіевъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ, Псковъ, Рига, Псковъ, Петербургъ. Была еще сладкая мечта заѣхать по дорогѣ въ Крымъ—рѣшили такъ: будетъ время—заѣдемъ, а нѣтъ, такъ откажемся. При такомъ маршрутѣ мы пользовались шоссе отъ Петербурга до Нижняго-Новгорода и отъ Кіева до Петербурга; все остальное предстояло сдѣлать по грунту. Ну что-жъ,

Лѣтъ черезъ пятьсотъ дороги вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:

Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой.

А въ ожиданіи пока эти обѣщанныя 500 лѣтъ истекутъ, намъ придется порядкомъ помучиться безъ шоссейныхъ дорогъ. Но это не смущало ни меня, ни моихъ спутниковъ. А вотъ мостики насъ очень смущали; какіе ужъ тамъ чугунные, — дай Богъ хоть деревянные, да только лишь-бы не гнилые...

Ѣдемъ мы вчетверомъ, причемъ каждый долженъ былъ исполнять свою спеціальную функцію.

Номеръ первый — А. П. Нагель. Человѣкъ пожирающій пространство и закусывающій шинами. Маленькаго роста, сухощавый, ловкій, фанатикъ автомобильнаго дѣла. Сидитъ на рулѣ и распоряжается нашими жизнями.

Номеръ второй — С. А. Оцупъ, — въ близкомъ родствѣ съ телеграфной проволокой и потому фанатически любящій телеграммы всякаго рода. Элегантенъ, молодъ и занимается, между прочимъ, фотографіей. Сидитъ въ автомобилѣ и снимаетъ всѣ попутныя достопримѣчательности. Ему поручена казна.

Номеръ третій — шофферъ Александръ — автомобильная душа, великолѣпно знающая свое дѣло. Не умытъ, не чесанъ — настоящее чупирадло. Очень дѣятельный, на рѣдкость невозмутимый, погибель для женщинъ всего міра: на всѣхъ остановкахъ у него всегда бывалъ романъ, начинавшійся немедленно послѣ пріѣзда и кончавшійся немедленно послѣ отъѣзда.

Номеръ четвертый — автомобиль — почтенное созданіе Русско-Балтійскаго завода, уже сдѣлавшее пятьдесятъ двѣ тысячи верстъ и создавшее славу Нагелю, которому

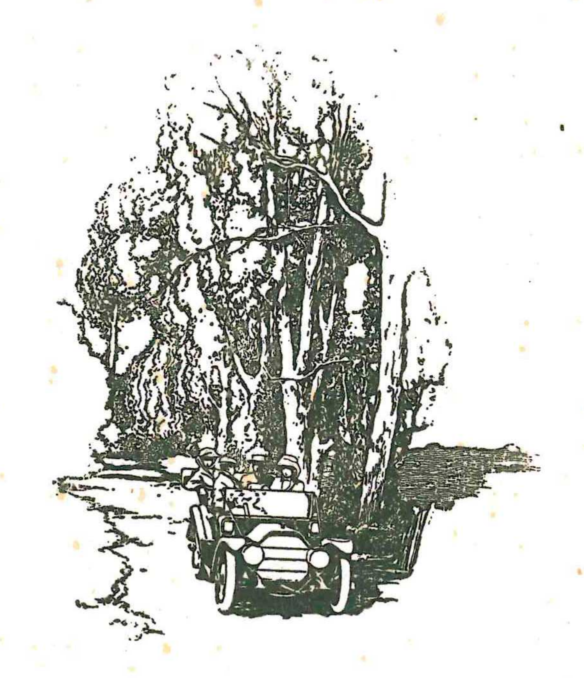

эта машина всегда сопутствовала. Автомобиль оригиналенъ, очень подвиженъ и великолѣпно понимаетъ малѣйшій намекъ руля.

Номеръ пятый — чемоданы и различныя вещи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, три четверти ни на что не нужны и ни куда ни годны.

Номеръ шестой — авторъ этой книги.

Отъѣздъ рѣшено было назначить на одиннадцатое іюля. Стартъ — Эртелевъ переулокъ, гаражъ Русско-Балтійскаго завода, въ двѣнадцать часовъ дня.

II.

Одиннадцатаго іюля тысяча девятьсотъ тринадцатаго года, въ ясный и жаркій лѣтній день машина наша въ полной готовности была у старта.

Вокругъ съ озабоченнымъ видомъ ходитъ Нагель. Онъ въ сѣрой дорожной курткѣ и въ бѣломъ шлемѣ. Автомобильныя очки, поднятые высоко на лобъ, напоминаютъ два луча на знаменитомъ Моисеѣ Микель-Анджело.

Длинная худощавая фигура Оцупа, въ бурской шляпѣ и суровомъ полотнѣ, мечется съ треногой отъ фотографическаго аппарата. Молодой человѣкъ нѣсколько нервничаетъ и волнуется. Впрочемъ это кажется обычное состояніе его экспансивной натуры. Возможно, что его нервность оправдывается присутствіемъ среди провожавшихъ... дамской шляпки. Эта шляпка тоже не совсѣмъ хладнокровна. Молодость, какъ ты счастлива! Впрочемъ, я заглядываю въ чужіе секреты, — опустимъ завѣсу. Шофферъ Александръ забрался подъ автомобиль и что-то поправляетъ у него въ животѣ. Немножко поодоль собралась небольшая группа провожающихъ и любопытныхъ.

Наконецъ все готово, — время отправляться.

В. И. Строгоновъ, одинъ изъ Балтійскихъ директоровъ, отводитъ меня въ сторону:

— Позвольте пожелать вамъ счастливой дороги. Вы пожалуйста намъ пишите, если что нужно... съ такимъ разсчетомъ, чтобъ мы могли все заранѣе исполнить. Дай Богъ благополучнаго возвращенія.

Мы крѣпко жмемъ другъ другу руки.

Я сажусь въ автомобиль рядомъ съ Нагелемъ. Онъ уже вцѣпился въ руль и слился въ одно цѣлое съ машиной.

— Готово?

— Готово.

— Съ Богомъ!

Автомобиль, постепенно прибавляя ходъ, все скорѣе и скорѣе двигается впередъ. Сворачиваемъ по Жуковской, ѣдемъ по Литейному. Вотъ промелькнулъ Невскій, весь залитый солнцемъ. Какая-то дама въ платьѣ-сверткѣ и въ модномъ манто машетъ намъ платочкомъ. Кто это незнакомка? Не знаю. Но на ея милый привѣтъ мы отвѣчаемъ автомобильнымъ привѣтствіемъ, поднимая руки. Нагель дважды хрюкаетъ въ свой клаксонъ.

Вотъ уже Забалканскій проспектъ. Направо массивные металлическіе быки бойни, памятникъ всему множеству убитаго здѣсь скота. Налѣво горятъ на солнцѣ купола Ново-Дѣвичьяго монастыря... Еще немного — и мы уже въ полѣ.

Жара отчаянная, солнце жжетъ, какъ въ тропикахъ. Спасаетъ автомобиль: на немъ во время быстраго хода никогда не бываетъ жарко, — зноя не чувствуешь. Но зато стоитъ уменьшить ходъ и становится вдвое жарче: словно на васъ пахнула горячимъ своимъ дыханіемъ гигантская печка, изъ которой только что вынули хлѣбъ.

Отъ раскаленнаго шоссе такъ и пышетъ жаромъ. Бѣлая его лента протянулась далеко впередъ, теряясь въ дымкѣ испареній знойнаго поля.

Дорога до Новгорода скучна и однообразна. Легкая тряска автомобиля убаюкиваетъ, а подъ равномѣрное жужжаніе мотора хочется протянуться и заснуть. Нагель бодро сидитъ за рулемъ. Но вижу, что Оцупъ уже клюетъ носомъ, а Александръ безпомощно клонитъ голову въ разныя стороны и тромбонъ его испускаетъ ноты различнаго тона и напряженія. Чувствую, что еще немного и я, утомленный тряской машины и истомой жаркаго дня, послѣдую примѣру моихъ спутниковъ. Чтобы этого не случилось, — углубимся въ исторію.

Еще у древнихъ римлянъ были попытки освободиться отъ лошадиной тяги, по большей части неудачныя и не остроумныя.

Затѣмъ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ подобныя попытки повторялись нѣсколько разъ. Много работалъ въ этомъ направленіи знаменитый Леонардо-да-Винчи.

Въ Китаѣ въ глубокой древности были извѣстны экипажи подъ парусами.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ голландскій математикъ Стернъ построилъ экипажъ, который современники прозвали гаагскимъ чудомъ и видѣли въ немъ дьявольское навожденіе.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Нюренбергѣ Іоаннъ Гаучъ построилъ самодвижущій экипажъ, который шелъ при помощи рычага со скоростью полторы версты въ часъ. Экипажъ этотъ вызвалъ бурю восторговъ и толпа устроила изобрѣтателю внушительную овацію.

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка въ Парижѣ появились механическія наемныя дрожки. Онѣ просуществовали недолго и были запрещены по протесту академіи, ввиду возможныхъ столкновеній.

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія начали уже примѣнять силу пара. Въ тысяча семьсотъ шестьдесятъ девятомъ году артиллерійскій офицеръ Кюньо строитъ паровую телѣгу. Она была очень несовершенна, но по справедливости должна считаться родоначальникомъ автомобиля. Эту телѣгу можно видѣть и сейчасъ: она хранится въ Парижѣ, въ музеѣ искусствъ и ремеслъ.

Изобрѣтеніе Кюньо дало толчекъ работамъ въ этомъ направленіи и самъ знаменитый Уаттъ взялъ патентъ на подобный экипажъ, но не воспользовался имъ, ибо занялся разработкой неподвижной паровой машины. Онъ настолько увлекся этой разработкой и ждалъ такихъ большихъ коммерческихъ выгодъ отъ нея, что сталъ убѣжденнымъ противникомъ движущихся паровыхъ машинъ. И когда служившій у него инженеръ Мердокъ построилъ нѣсколько моделей, Уаттъ вмѣстѣ со своимъ компаньономъ Бультосомъ недозволилъ ему работать дальше.

Конечно, это не помѣшало другимъ работать на томъ же поприщѣ, что и Мердокъ. Американскій инженеръ Миренсъ построилъ самодвижущій экипажъ, причемъ на испытаніи его присутствовало двадцать тысячъ зрителей. Въ Англіи появилась паровая карета братьевъ Симингтонъ и наконецъ выступилъ со своей знаменитой машиной Третвикъ. Однако эта самая совершенная по тому времени машина, такъ называемый „пышущій дьяволъ“ дѣлала не болѣе 15 верстъ въ часъ. Такъ-какъ плохое состояніе дорогъ сильно тормозило дѣло, Третвикъ обратилъ вни-

маніе на рельсы; Стефенсонъ пошелъ еще дальше и заявилъ, что безъ рельсъ паровой экипажъ ничто. Все-таки въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Англіи было около 100 паровыхъ автомобилей, причемъ наибольшей извѣстностью пользовались экипажи Ганкока, которые были снабжены цѣпной передачею.

Однако положеніе нарождавшагося автомобилизма было очень трудное. Въ городахъ всякую конкуренцію убили желѣзныя дороги. Въ селахъ и въ деревняхъ старались испортить встрѣчавшіяся машины, набрасывая на дорогу деревья и куски желѣза. Въ Лондонѣ толпа остановила машину и насмѣхалась надъ пассажирами. Правительство тоже не было на сторонѣ піонеровъ автомобильнаго дѣла. Несмотря на всѣ усилія друзей идеи самодвижущихъ экипажей, въ Англіи прошло назначеніе высокой платы на заставахъ за проѣздъ и изданъ драконовскій законъ: ввиду опасности для движенія, за 50 саженей до каждаго автомобиля долженъ итти человѣкъ съ краснымъ флагомъ. Этотъ законъ былъ отмѣненъ только въ тысяча восемьсотъ девяносто пятомъ году.

Наконецъ въ тысяча восемьсотъ шестидесятомъ году французскій механикъ Лянуаръ изобрѣлъ газовую машину, усовершенствованную нѣмецкимъ купцомъ Оттомъ. Но все-таки первымъ родоначальникомъ современнаго автомобиля слѣдуетъ считать мотоциклъ Даймлера, который былъ снабженъ бензиновымъ двигателемъ его-же системы. Изобрѣтеніемъ Даймлера заинтересовались французскія фирмы Панаръ-Левассоръ и Пежо, которыя купили патенты на его двигатель. Попутно съ Даймлеромъ, въ Германіи, въ Мангеймѣ, производилъ испытанія въ этомъ же направленіи инженеръ К. Бенцъ, который и явился піонеромъ автомобильнаго дѣла на своей родинѣ. Ему удалось создать легкій четырехтактный двигатель съ электрическимъ зажиганіемъ, и въ 1886 году фирма Бенцъ взяла первый патентъ на автомобиль своей конструкціи.

Въ тысяча восемьсотъ девяностомъ году появился первый автомобиль Панаръ-Левассоръ, который былъ вообще первымъ автомобилемъ пригоднымъ для движенія по большимъ дорогамъ. Наконецъ съ тысяча восемьсотъ девяносто второго года автомобили появились на рынкѣ и стали быстро завоевывать себѣ положеніе.

Такимъ образомъ, отцами современнаго автомобилизма по справедливости нужно считать двухъ нѣмецкихъ инженеровъ, Даймлера и Бенца. Ихъ изобрѣтеніе подхватили французскія фирмы, примѣнили на практикѣ и выпустили годные для передвиженія по дорогамъ автомобили.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи вставить здѣсь маленькое примѣчаніе относительно скорости. Скорость, развиваемая автомобилями въ 1895 году (гонка Парижъ—Бордо—Парижъ) была 24 километра въ часъ. Въ 1899 году бельгійскій инженеръ Женаци на своемъ электрическомъ автомобилѣ „Jamais contente“ развилъ скорость въ 105,8 километровъ въ часъ. Въ 1906 году на гонкахъ во Флоридѣ паровой автомобиль Стенлей показалъ 200 километровъ въ часъ. И, наконецъ, послѣдній всемірный рекордъ скорости въ 1910 году поставилъ 200-сильный автомобиль Бенцъ, — 211 километровъ въ часъ. А неоффиціальный рекордъ скорости еще выше: въ 1912 году гонщикъ Дисброу на автомобилѣ Фіатъ въ 300 лошадиныхъ силъ, развилъ скорость въ 286 километровъ въ часъ.

Развитіе автомобилизма улучшаетъ дороги, улучшеніе дорогъ способствуетъ развитію автомобилизма. Въ наши дни безрельсная механическая тяга постепенно, но вѣрно вытѣсняетъ другіе виды передвиженія, а моторъ внутренняго сгоранія начинаетъ занимать центральное мѣсто почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Мало того: автомобиль играетъ трагическую роль въ событіяхъ современной исторіи. Такъ, въ смутныя дни Оттоманской имперіи былъ убитъ въ автомобилѣ Махмудъ-Шеѳкетъ-паша; его убійцы стрѣляли въ него также изъ автомобиля и скрылись на автомобилѣ-же.

Америка, всегда идущая впереди по пути всевозможныхъ открытій, приспособила автомобиль для мошенническихъ предпріятій. Атаманъ шайки ньюіоркскихъ бандитовъ Тейлоръ показалъ на допросѣ, какъ онъ попалъ на эту дорогу. Однажды онъ почему-то потерялъ сознаніе и, очнувшись, очутился въ странномъ незнакомомъ ему домѣ. За нимъ ухаживала очень красивая женщина. Ужъ это намекало на будущее появленіе автомобиля, ибо красивыя женщины всегда почему-то сопутствуютъ автомобилю: недаромъ какой-то мудрецъ сказалъ, что женщины есть видоизмѣненный моторъ внутренняго сгоранія.

Выздоровленіе тянулось нѣсколько недѣль. За это время таинственная женщина выучила его курить опіумъ и употреблять морѳій. Черезъ мѣсяцъ, или два, женщина предложила ему заработать много денегъ, если онъ приметъ участіе въ шайкѣ изъ десяти воровъ-джентльмэновъ.

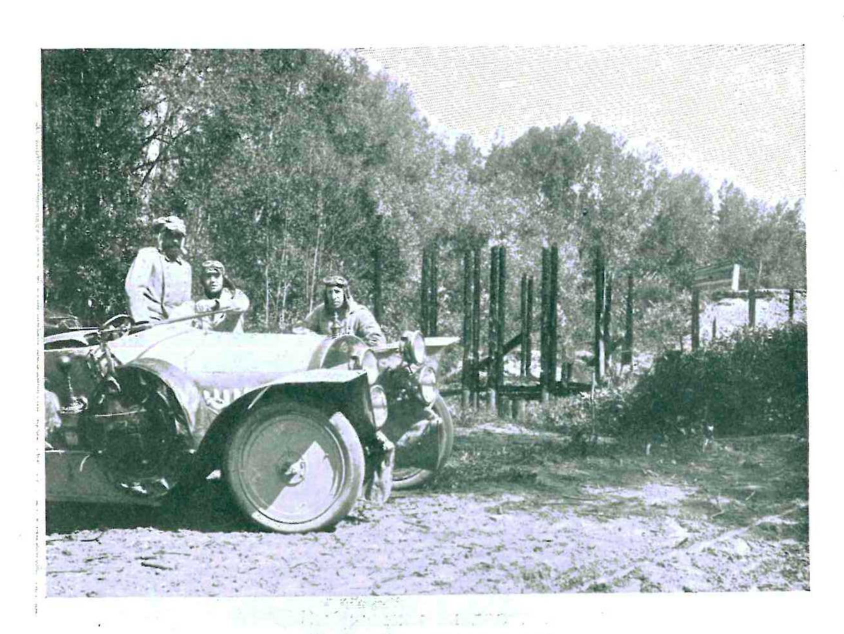
Тейлоръ познакомился съ нѣсколькими изъ нихъ; эти милые люди украли много автомобилей, съ которыми потомъ и дѣйствовали среди бѣла дня. Первымъ пред-

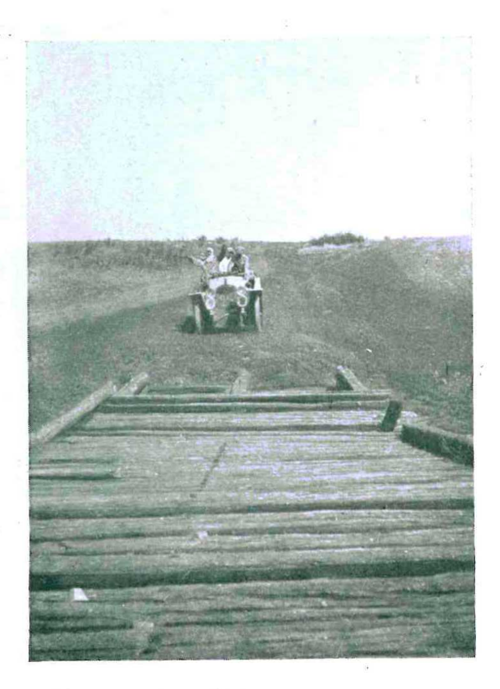
Приключеніе подъ Нижнимъ: сгорѣвшій мостъ.

Ищемъ проѣзда.

Выбираемся на дорогу.

По дорогѣ на Свіяжскъ: неожиданное препятствіе.

пріятіемъ Тейлора была самостоятельная кража автомобиля. Красивая наружность, властный характеръ и смѣлость быстро подчинили ему всю шайку. Съ ея помощью онъ выслѣдилъ владѣльца кафэ въ Нью-Іоркѣ, везшаго въ мѣшкѣ деньги своему банкиру. Бандиты убили жертву и отправились на маленькій островокъ въ Гудзоновомъ заливѣ. Но, приступивъ къ дѣлежу добычи, они нашли въ мѣшкѣ только нѣсколько дюжинъ салфетокъ, нѣсколько серебряныхъ вилокъ и полдюжины сандвичей. Послѣ этого они стали наводить болѣе точныя справки, отправляя для этого впередъ, иногда на нѣсколько дней, одинъ изъ своихъ автомобилей. Передъ каждымъ грабежомъ они дѣлали репетицію, чтобы заранѣе хорошенько знать свои роли. Такимъ образомъ они успѣшно ограбили ресторанъ, банкъ, почтовое отдѣленіе, наконецъ остановили курьерскій поѣздъ въ 50-ти миляхъ отъ Нью-Іорка.

Тейлоръ не назвалъ своего настоящаго имени, но заявилъ, что грабилъ всегда какъ „истый джентльмэнъ" и автомобиль его всегда былъ лучшей фирмы.

Конечно, трагическая роль автомобиля меркнетъ передъ его положительными качествами, которыя буквально неисчислимы и улучшаются съ каждымъ днемъ. Тотъ, кто побывалъ на послѣдней международной автомобильной выставкѣ въ Петербургѣ, имѣлъ случай убѣдиться, какое разнообразное примѣненіе имѣетъ автомобиль и въ частной, и въ общественной, и въ коммерческой жизни. О значеніи автомобиля и его примѣненіи можно было-бы написать множество томовъ...

Батюшки,—вотъ уже и Новгородъ! Темно, часъ поздній, на улицѣ горятъ фонари, сгущая вокругъ себя темноту. Все-таки успѣваю разсмотрѣть зубчатыя кремлевскія стѣны и древнюю звонницу у Софійскаго собора. Гро-

мада стариннаго собора дремлетъ въ ночномъ сумракѣ, вспоминая былое вѣче, концы новгородскіе и Волховъ быстрый.

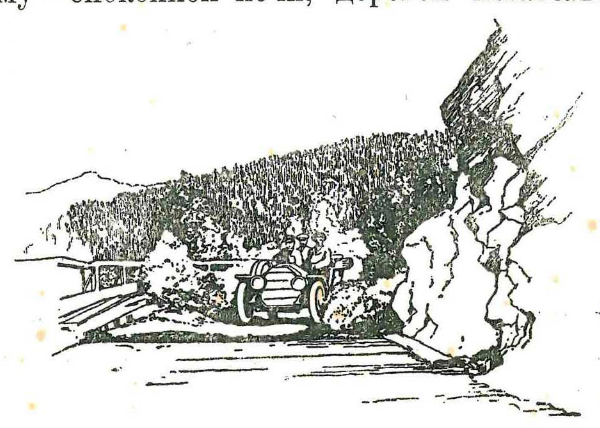
Тихимъ ходомъ ѣдемъ по мосту черезъ Волховъ. Надъ рѣкой стоитъ туманъ,—мерещатся въ немъ тѣни потопленныхъ новгородцевъ.

Жутко ѣхать черезъ Волховъ въ позднюю пору, хотя бы даже на желѣзномъ конѣ двадцатаго вѣка съ пронизывающими тьму прожекторами. Сѣдая старина обступаетъ васъ со всѣхъ сторонъ.

„И бысть Рюрикъ старѣйшина въ Новѣ-городѣ, а Синеусъ старѣйшина бысть на Бело-озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ...“ такъ говоритъ лѣтописецъ. А ученый арабъ добавляетъ: „А когда у кого изъ Руси родится сынъ, то отецъ кладетъ предъ дитятею мечъ. Не оставлю тебѣ никакого имущества—будешь имѣть только то, что имъ проібрѣтешь. Мечи у нихъ Соломоновы“. Значитъ отличные, кованные геніями Соломона.

Все-таки пріятно, поужинавъ европейскими кушаньями, протянуться на бѣлоснѣжной простынѣ въ мягкой кровати, въ недурномъ номерѣ новгородской гостинницы.

Поворачиваю выключатель и погружаюсь въ пріятную тьму—спокойной ночи, дорогой читатель!

III.

Выѣхали мы изъ Новгорода раннимъ утромъ другого дня. Улицы Новгородскія еще спали, но солнце уже успѣло нагрѣть воздухъ и послѣдніе остатки холодной сѣверной ночи таяли въ тѣневой сторонѣ.

По дорогѣ мы остановились у древняго Софійскаго собора. Золотой средній куполъ его горѣлъ на солнцѣ; нельзя не подивиться чувству мѣры старинныхъ мастеровъ, позолотившихъ одинъ именно этотъ главный куполъ и оставившихъ остальные четыре темными, благодаря чему вся массивная постройка кажется легкой и уносится въ высь, къ далекому синему небу. Соборъ былъ запертъ, здѣсь лѣтомъ не служатъ, и немалаго труда стоило намъ вызвать сторожа изъ лѣтней церкви и упросить его открыть соборъ. Здѣсь подъ высокими сводами, среди узкихъ переходовъ почиваютъ новгородскіе святители и князья. Въ соборѣ господствуетъ торжественная тишина, но весь онъ полонъ неизъяснимой прелестью музыки прошлаго, что возноситъ хвалу Спасу многомилостивому, глядящему на васъ съ высокаго купола. Позднѣйшая реставрація испортила старыя стѣны. По счастью она не осмѣлилась коснуться этой фрески, почитающейся въ Новгородѣ чудотворной. Благословляющая десница не благословляетъ,—

она изображена съ полусогнутыми пальцами. Существуетъ преданіе, что художникъ, писавшій эту икону, на утро увидѣлъ, что десница не благословляетъ, а сжалась въ кулакъ. Художникъ перерисовалъ, рука снова сжалась, и такъ было трижды. Такъ и оставили ее, не смѣя больше передѣлывать изображенія. Но вотъ, когда Иванъ Грозный разгромилъ Новгородъ, десница на половину разжалась. А когда разожмется совсѣмъ, придетъ конецъ Новгороду Великому.

Въ глубинѣ собора, передъ серебряной гробницей теплится неугасаемая лампада. Здѣсь почиваетъ святой епископъ Никита, молитвенникъ Новгородскій; знаетъ Новгородъ, что крѣпокъ его молитвой и не убываетъ масло въ лампадѣ у святого.

Помолившись въ домѣ св. Софіи, мы отправились дальше на Москву. Опять однообразное длинное шоссе, опять жара и пыль. Нѣкоторое разнообразіе вноситъ деревенская дѣтвора, встрѣчающаяся по дорогѣ,—дѣвочки отдаютъ честь по военному, а мальчики привѣтствуютъ рукой. Очень красива мѣстность у Вышняго-Волочка, особенно на перевалѣ, когда передъ вами внезапно открывается широкій кругозоръ съ веселыми перелѣсками, лугами и большимъ озеромъ. Просто досадно становится, когда видишь этотъ живописный уголокъ Валдайской возвышенности, и въ то же время своими собственными боками чувствуешь неблагоустроенное, отвратительное шоссе. Бѣдному валдайскому земству вѣроятно порядочно икалось во время нашего пробѣга,—мы часто поминали его недобрыми, чтобы не сказать больше, словами и тогда, и позже въ своихъ воспоминаніяхъ.

Съ наслажденіемъ посадилъ бы я валдайскихъ отцовъ земства въ автомобиль и до конца дней своихъ возилъ

бы и таскалъ бы ихъ безъ устали взадъ и впередъ по скверным ихъ шоссе.

Вносятъ разнообразіе и попутные города. Хотя-бы, напримѣръ г. Торжокъ; сколько не ѣзживалъ я по Россіи, а такой дрянной дороги, какъ въ Торжкѣ, я не встрѣчалъ. Не потому ли весь Торжокъ наполненъ колесными лавками? Или Клинъ: тутъ ремонтируется мостъ и чтобы по нему не ѣздить, мостъ перегороженъ низенькимъ дощатымъ заборомъ. Такъ вотъ, за этимъ заборомъ, словно въ сказкѣ о спящей красавицѣ, буйной зарослью раскинулся пышный бурьянъ и даже выросла маленькая березка Долго видно ремонтируютъ въ Клину мосты! Клинъ тѣмъ болѣе поразилъ меня, что предыдущая Тверь бросилась въ глаза своимъ благоустройствомъ и красотой.

А вотъ и Москва! Наконецъ кончена давно знакомая дорога, хорошо извѣстная каждому автомобилисту: Петербургско-Московское шоссе. Она однообразна, скучна, и довольно-таки не благоустроена. Кромѣ того, на этотъ разъ пришлось вдоволь наглотаться шоссейной пыли. Если не будетъ дождя, а его кажется не будетъ, придется глотать ее отъ Москвы до Нижняго, а тамъ пойдетъ уже совѣмъ иная, не шоссейная дорога, незнакомый грунтъ...

Такъ вотъ и Москва! Думалъ-ли когда-нибудь бояринъ Федоръ Кучка, что изъ его скромнаго помѣстья выростетъ огромный городъ, оплотъ и центръ Русской земли? Онъ сложилъ упрямую непокорную голову за свою маленькую Москву; но пролилась его кровь, а изъ этой крови выросла большая Москва. Кровью и слезами выстроены московскія стѣны, зато же и спасли онѣ Русь отъ татарскаго ига. Здравствуй, бѣлокаменная, исполать тебѣ, крѣпкая и златоглавая!

Поднявшись спозаранку я отправился бродить по городу. Я сразу окунулся въ московскій духъ. Безконечно длинныя улицы, то поднимающіяся въ гору, то опускающіяся куда-то внизъ; пятиэтажные дома направо и налѣво, среди которыхъ возьметъ, да и приткнется гдѣ нибудь старый деревянный плохенькій домишко. Точь въ точь ветхая старушонка съ чепцомъ на головѣ и съ редикюлемъ въ рукахъ. А въ редикюлѣ непремѣнно лежитъ носовой платокъ, видъ на жительство, прошеніе въ дворянскую опеку, гофманскія капли и старый дырявый портмонэ съ билетами отъ трамвая и мелочью.

Иногда дорогу пересѣкаетъ великолѣпный трамвай. Увы, старая конка канула въ вѣчность,—старая, особенная московская конка, высокая, узкая, рыжая, съ смѣшными визжащими по поросячьему колесами и съ невозможными клячами вмѣсто лошадей. Канула въ вѣчность и былая отвратительная мостовая и сроднившаяся съ ней грязь и пыль. А все-таки, Москва осталась все та же. Москва—это точно добрая старая бабушка. Она вяжетъ чулокъ и безпрестанно киваетъ головой, поправляя сползающія на носъ очки, перевязанныя на переносицѣ черной ниточкой.

Въ комнатѣ пахнетъ мятой и свѣжимъ бѣльемъ, въ углу теплится лампадка, подъ образомъ висятъ сухія травы, за божницей заткнута верба. А у стѣнки, какъ разъ противъ постели съ периной, стоитъ пузатый орѣховый комодъ, предметъ мечтаній внуковъ и правнуковъ. Тамъ, среди бѣлья и порыжѣлыхъ отъ времени писемъ лежатъ разныя вкусныя вещи, мармеладъ, монпасье, пряники и леденцы. И всякому то даетъ эта добрая старушка Москва сласти и угощенія, а нищему сама выноситъ дрожащими отъ старости руками хлѣбъ и подаяніе.

И я твой внукъ, милая бабушка Москва, и за меня ставишь ты по субботамъ свѣчи. Это не то, что сухой и чопорный Петербургъ съ гладко выбритымъ подбородкомъ, съ туго накрахмаленными воротничками и съ мундиромъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы. Правда, тамъ окно въ Европу. Но подчасъ такою дрянью несетъ изъ этого окошка, что просто ужасъ, немудрено и флюсъ заполучить.

Москва поразила меня чистотой улицъ и превосходными мостовыми. Нѣтъ и отдаленнѣйшаго намека на безобразныя загородки, вывороченные камни и ѳермопильскія ущелья, которыми изобилуетъ лѣтній Петербургъ. А по улицамъ ходятъ огромные грузовые автомобили-поливальщики. Машина извергаетъ цѣлые фонтаны воды,—на воду здѣсь не скупятся и въ результатѣ улица полита быстро, ровно и чисто, безъ лужъ. Несмотря на хорошій ходъ и ѣзду зигзагами, автомобили эти совершенно не стѣсняютъ уличнаго движенія, не слышно ни криковъ, ни ругани и нѣтъ несчастныхъ случаевъ. И рядомъ съ такимъ культурнымъ явленіемъ — отвратительнѣйшіе московскіе извозчики.

Конечно, я былъ въ Кремлѣ, поклонился по дорогѣ и Иверской. Успенскій соборъ заставленъ лѣсами, тамъ производится ремонтъ. Въ Чудовомъ монастырѣ шла всенощная; народу было, какъ говорится, не продохнуть. Длинный рядъ богомольцевъ прикладывался къ мощамъ св. Алексѣя-митрополита, открыто почивающимъ въ серебряной ракѣ. Прикладывались истово и чинно, безъ толкотни, и послѣ брали благословеніе у іеромонаха. Здѣсь не замѣтилъ я ни одного полицейскаго чина,—порядокъ поддерживается уваженіемъ къ святому мѣсту. Передъ самымъ отъѣздомъ меня поймалъ знакомый инженеръ.

— Я разыскиваю васъ по всей Москвѣ. Пойдемте посмотрѣть новый холодильникъ, — на 100.000 пуд. рыбы. Мнѣ хочется, чтобы вы объ этомъ написали, — вѣдь интересно.

Я отнѣкивался. Но инженеръ зналъ, чѣмъ подкупить меня.

— Вы понимаете, все до послѣдней гайки въ машинахъ сработано русскими руками, — пойдемте!

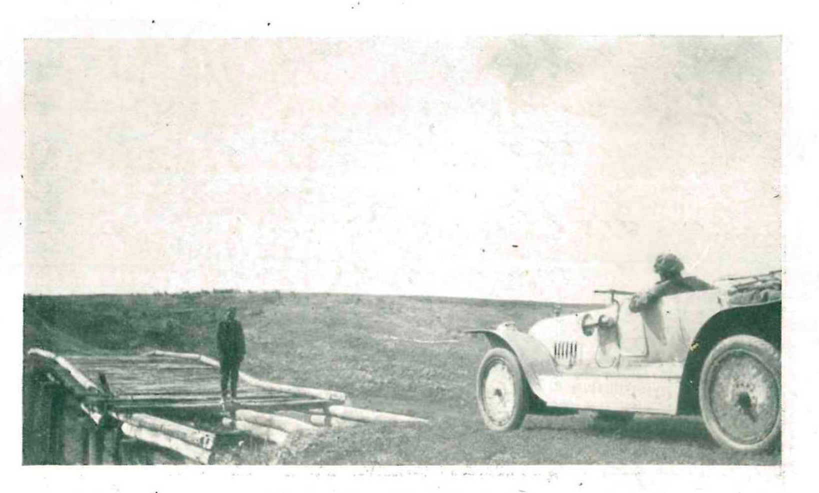
Я согласился, и не раскаялся.

Холодильникъ — это большое четырехэтажное зданіе строгаго стиля съ тяжелыми желѣзными воротами, черезъ которыя вы входите въ обширный дворъ. Чистота на этомъ дворѣ, какъ и во всемъ помѣщеніи, прямо идеальная. Въ первомъ этажѣ установлены два компрессора по 150.000 калорій каждый. Здѣсь сжижается амміачный газъ, который идетъ въ змѣевики въ другомъ помѣщеніи, гдѣ расширяется, поглощая при этомъ окружающую теплоту. Змѣевики находятся въ соляномъ растворѣ. Этотъ растворъ гонится по трубамъ по всѣмъ этажамъ и такимъ образомъ температура помѣщеній доходитъ круглый годъ до 18—20° Ц. Все это объяснилъ мнѣ инженеръ, но все это ничего не говорило ни уму, ни сердцу, пока я не поднялся по подъемной машинѣ въ самые склады, гдѣ сохраняется мороженная рыба.

— Одѣньтесь теплѣе, тамъ очень холодно — предупредилъ инженеръ.

— Ну, это, ты братъ, хватилъ, подумалъ я. На улицѣ жара несосвѣтимая, а ты рекомендуешь одѣться потеплѣе. Очевидно это говориться такъ для красоты стиля.

Машина остановилась, проводникъ открылъ тяжелыя двери и оттуда пахнуло настоящей зимой. Впечатлѣніе еще усилилось, когда при свѣтѣ электрической лампочки

Печальныя размышленія.

Васильсурская хозяйка.

Чада Васильсурска.

Паромъ подъ Казанью.

я увидѣлъ осѣвшій на трубахъ снѣгъ. Недурно: на улицѣ 30-ти градусная жара, а тутъ морозъ щиплетъ уши и зубъ на зубъ не попадаетъ. Я посмотрѣлъ на градусникъ — было 13° Ц., — холодновато! Инженеръ оказался правъ и я былъ посрамленъ.

Громадное помѣщеніе все положительно набито рыбой. Здѣсь осетры, сомы, бѣлуга, шипы, все крупные экземпляры, твердые, какъ камень. Судаки въ отдѣльныхъ ящикахъ, остальная рыба сложена рядами, какъ дрова. Рыбнаго запаху нѣтъ вовсе: рыба заморожена на совѣсть, и кромѣ того, все зданіе прекрасно вентилируется электрической тягой. Сейчасъ здѣсь рыбы на 60.000 пуд., доставлена она преимущественно съ Каспійскаго и Черныхъ морей.

— А вотъ, не угодно ли посмотрѣть экземплярчикъ,—бѣлуга въ 40 пудовъ, хвасталъ инженеръ.

Однако стоятъ на морозѣ въ лѣтнемъ пальто не особенно пріятно, да и не безопасно. И распрощавшись съ мерзлыми бѣлугами, сомами и судаками, я не безъ удовольствія вернулся къ московскимъ чертогамъ. Холодный инженеръ просилъ меня упомянуть, когда буду писать, что все оборудованіе сдѣлано заводомъ Францъ Крулль въ Ревелѣ. Съ чистой совѣстью исполняю его просьбу, потому что, повторяю, здѣсь все до послѣдней гайки сработано русскими руками и сработано превосходно.

Черезъ часъ автомобиль нашъ уже катилъ по Владимірскому шоссе. Оказывается, вовсе не такъ-то легко выбраться изъ Москвы. Только раскатишься, — стопъ. — застава.

— Сколько силъ?

— ?! —

— Пожалуйте шесть гривенъ...

Такихъ заставъ нѣсколько и устроены онѣ отвратительно. Спущенный шлагбаумъ какъ разъ на такой высотѣ, что того и гляди расшибешь себѣ голову, что и случилось съ однимъ англичаниномъ въ 1912 году, при чемъ случай этотъ былъ далеко не первый. Вспоминаю, что еще до этой печальной катастрофы Императорское Россійское общество обратило вниманіе на опасность, представляемую подобными шлагбаумами, и обратилось къ московскому губернатору съ просьбой о необходимости или устроить соотвѣтствующее освѣщеніе, или установить на шлагбаумахъ красный фонарь, что является международнымъ сигналомъ опасности. Послѣ же случая съ англичаниномъ общество возбудило ходатайство о томъ, чтобы устроить шлагбаумы ниже, дабы автомобиль въ крайнемъ случаѣ ударялся радіаторомъ, и дѣлать шлагбаумы изъ тонкаго бруса, чтобы при ударѣ брусъ разламывался, только смявъ радіаторъ.

Бывшій тогда московскимъ губернаторомъ генералъ Джунковскій ходатайство уважилъ и потребовалъ отъ земства соотвѣтствующихъ распоряженій. Но земство фонари поставило, а шлагбаумы оставило по старому.

Наконецъ проѣхали послѣднюю заставу,—передъ нами большая Владимірская дорога. Шоссе очень хорошее, идемъ со скоростью 75 верстъ въ часъ.

Воздухъ какой! Онъ свѣжъ и живителенъ, вдыхаешь его полной грудью и упиваешься имъ досыта. А по бокамъ лѣса и поля съ перелѣсками, холмы да пашни. Порой съ горы бѣлѣетъ прямая, какъ стрѣла, дорога, и тѣснитъ ее справа и слѣва сырой боръ,—такъ вотъ и задушитъ въ зеленыхъ своихъ объятіяхъ. Но тонкой ниткой прорѣзала боръ дорога и уже змѣей спускается къ оврагу. А въ оврагѣ рѣка, какъ зеркало, и въ зеркало это любуются, глядятъ на себя, заневѣстившіяся березы. Кудрявыя онѣ, бѣлыя, да чистыя,—а кругомъ буйной зарослью пошли пышные кусты и разостлалась пестрымъ ковромъ зеленая мурава съ полевыми цвѣтами. И далеко, далеко блеститъ на солнцѣ извилистая рѣчка, словно свѣтлая лента въ русой дѣвичьей косѣ.

Что за прелесть, что за роскошь этотъ русскій видъ! А деревни какія... Вынырнетъ изъ-за холма колокольня суздальской постройки, а тамъ, смотришь, и вся деревня предъ тобою: избы, что барскія хоромы, чистыя, опрятныя, вытянулись вдоль дороги, и за версту выбѣгаетъ дѣтвора поглядѣть на диковинную машину. Народъ зажиточный и привѣтливый,—мы уже больше тысячи верстъ отмахали, а нигдѣ не слыхали ни одного грубаго слова. И пьянаго ни одного не видали, даромъ, что были праздничные дни. Читалъ я страшныя слова, что иные пишутъ про деревню; не знаю, что будетъ дальше, а пока отъ Москвы до Нижняго, кромѣ хорошаго, ничего не видѣлъ.

Къ вечеру проѣхали Владиміръ, въ которомъ не пришлось, къ сожалѣнію, задержаться: нужно было поспѣть засвѣтло на ночлегъ. Тутъ, въ старину, при Татарахъ, погибла вся семья великаго князя Юрія Всеволодовича. Здѣсь несчастная, обманутая Лжедмитріемъ, Ксенія Годунова окончила свои печальные дни. Здѣшнимъ церквамъ завидовала когда-то Москва...

Миновавъ Владиміръ, мы остановились у Боголюбова монастыря; отсюда съ горы открылся чудный видъ. Косые лучи солнца золотили дымкой древній городъ,—онъ былъ весь, какъ на ладони, съ строгими, полными неизъяснимой прелести старинными церквами и съ потонувшими въ дымкѣ знойныхъ испареній бѣлыми домами. На

небѣ пламенѣлъ багровый закатъ и все оно рдѣло пурпуромъ, изумрудомъ и бирюзой. А здѣсь, на горкѣ, уже свѣжѣло и впереди насъ, за лѣсомъ, протянулись лиловыя тѣни.

Оцупъ, никогда не видавшій ничего подобнаго, пришелъ въ неистовый восторгъ и никакъ не могъ установить треногу своего „моментальнаго“ аппарата. А Нагель сосредоточенно щелкалъ кодакомъ на радость окружившимъ насъ монахамъ.

Испортивъ нѣсколько пластинокъ и пленокъ, мы двинулись дальше.

У Панкина переѣхали черезъ Клязьму и, поднявшись, наткнулись на закрытый шлагбаумъ,—медленно шелъ поѣздъ.

— Наддай ходу! Наддай, люди ждутъ,—крикнулъ я машинисту.

Окружавшая насъ дѣтвора такъ и прыснула со смѣху. Но машинистъ развелъ руками,—въ гору, молъ, трудно,—не могу. Такъ посрамили мы гордую желѣзную дорогу и, когда шлагбаумъ былъ открытъ, быстро перегнали поѣздъ. Впрочемъ, поѣздъ былъ товарный.

Въ Вязники мы пріѣхали поздновато, что-то около 9-ти часовъ: перегонъ довольно большой и съ отъѣздомъ изъ Москвы немного позадержались.

Вязники—это небольшой городишко, расположенный очень красиво. Столбовая дорога бѣжитъ внизъ крутымъ спускомъ; небольшіе дома кучей спускаются по склону съ одной стороны, съ другой бѣлѣетъ колокольня. А на горѣ, на самомъ верху, садъ и живописно расположенное зданіе строящейся гимназіи. Главная улица привела насъ на небольшую площадь. Не знаю, по какому случаю здѣсь шло веселье: визжала гармоника, крутилась карусель и

стояла почти сплошная толпа, среди которой я замѣтилъ нѣсколько интеллигентовъ іудейскаго образца. Автомобиль нашъ, конечно, произвелъ впечатлѣніе свалившагося съ неба левіафана. Куча народа облѣпила машину со всѣхъ сторонъ, а мальчишки старались дотронуться пальцемъ либо до шины, либо до кожуха. Одинъ прикоснулся къ радіатору и отскочилъ въ сторону.

— Вишь ты! Онъ горячій... Полегче, братцы!

Устрашающее впечатлѣніе дополнилось ревомъ гудка. Гудокъ этотъ дѣйствительно отчаянный: сначала шипъ, предостерегающій, потомъ гнѣвный, и все заканчивается хриплымъ хрюканьемъ. Я подхватилъ одного мальчугана, лѣтъ десяти, посмѣлѣе, и взялъ его на машину.

— Есть у васъ тутъ какая-нибудь гостиница? Вали,—командуй дорогу!

— Есть. Номера „Свѣтъ“. Тамъ завсегда всѣ господа останавливаются. А если покушать, такъ надо въ клобъ, тамъ дадутъ.

— Клобъ? Это что за клобъ такой?

— Собираются, общественное, значитъ. Очень хорошо тамъ: огни всякіе и барышни танцуютъ.

Въ номерахъ къ намъ вышелъ сѣдой израильтянинъ почтеннаго вида и съ гордостью водилъ по помѣщенію. Оказывается, онъ былъ подъ Плевной, въ отрядѣ у М. Д. Скобелева.

— Вотъ, ваше в-діе,—я былъ солдатомъ, а теперь, видите, номерами занимаюсь. Ужъ вы простите, это пока... Изволили видѣть насупротивъ кирпичное зданіе? Это я гостиницу строю. Будетъ все, какъ слѣдуетъ, и ванны, и электричество, первый сортъ, по наукѣ.

А пока номера, счетомъ всего три, оказались очень хорошими, хотя и не „по наукѣ“. Но питаться пришлось

поѣхать въ „клобъ“; дорогу показывалъ все тотъ-же мальчуганъ, по имени Сергѣй, попутно занимавшій насъ разговорами и выложившій всю вязниковскую подноготную.

Собраніе помѣщается на самомъ верху горы въ саду. Это родъ деревяннаго элеватора, къ которому пристроена танцовальная зала. Буфетчикъ, восхищенный автомобилемъ, счелъ насъ за знатныхъ иностранцевъ и ни за-что не хотѣлъ позволить ужинать въ общей столовой. Онъ повелъ насъ во второй этажъ, и принудивъ войти въ деревянное стойло, сказалъ:

— Вотъ, здѣсь въ кабинетикѣ-съ, вамъ будетъ удобно, — пожалуйте. А то, можетъ быть, еще выше? Есть и еще, — на крышѣ-съ, угодно?

Но мы предпочли землю небесамъ и спустились внизъ. Здѣсь веселье шло въ самомъ разгарѣ и въ открытыя двери можно было любоваться танцующими. Танцовали все больше подростки, Шерочка съ Машерочкой. Иногда въ плясъ пускались и кавалеры съ взрослыми барышнями. Они схватывали другъ друга полусогнутыми руками около плечъ и, упиваясь пріятной близостью, носились по полу. А небольшой оркестръ ревѣлъ чортъ знаетъ что; но отъ этого было еще веселѣе. Хрипѣлъ контрабасъ, сморкалась большая труба и завывалъ еще какой то готтентотскій инструментъ; въ общемъ выходило недурно, но кошмарные звуки преслѣдовали меня все-таки даже и во снѣ.

На утро, зайдя въ испорченный реставраціей соборъ и поклонившись мѣстной чудотворной иконѣ Божіей Матери, мы отправились дальше, на Нижній Новгородъ. День выдался ясный и солнечный, но свѣжій. На автомобилѣ вообще никогда не бываетъ жарко, а тутъ стало настолько холодно, что пришлось остановиться и надѣть фуфайки. Это заняло секунду, и мы покатили дальше

уже безъ задержки. Дорога вначалѣ была такъ же хороша, какъ и въ предыдущіе дни: шоссе, какъ паркетъ, и хотя подъемы и спуски стали встрѣчаться чаще, но машина брала ихъ шутя. Попутныхъ городовъ на этотъ разъ не встрѣчалось, такъ что не пришлось, слава Богу, пользоваться городскими шоссе: отвратительныя городскія шоссе это — аксіома. Но пейзажъ измѣнился. Не было смѣющихся перелѣсковъ, не видать и воды, а вѣдь поле безъ воды, что лицо безъ глазъ. Такой сонный ландшафтъ сопутствовалъ намъ на послѣднемъ перегонѣ почти повсюду. А столбъ на границѣ Нижегородской губерніи ознаменовалъ и перемѣну дороги. Шоссе поросло травой забвенія, стало невозможнымъ, все въ рытвинахъ и ухабахъ, и если мы не поломали себѣ рессоръ, такъ исключительно потому, что онѣ были русскаго производства. Смѣло говорю это, опираясь на опытъ двухъ предыдущихъ пробѣговъ, во время которыхъ русско-балтійскія рессоры вообще ни разу не ломались.

Послѣ фатальнаго столба намъ все чаще и чаще стали попадаться пьяные. Количество ихъ росло по мѣрѣ приближенія къ Нижнему и стало уже солиднымъ подъ знаменитой ярмаркой.

Ни гудки, ни окрики не дѣйствовали на встрѣчныхъ,—приходилось поминутно останавливаться во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Кони взвивались на дыбы и бросались въ сторону. Иногда на землю вываливалось сонное пьяное тѣло. Движимые вполнѣ понятнымъ чувствомъ, мы, какъ одинъ, выскакивали изъ автомобиля, и бѣжали къ потерпѣвшему. Но тѣло поднималось, ухмылялось во весь ротъ, что-то бормотало и, съ трудомъ взгромоздившись на телѣгу, снова засыпало въ увѣренности, что второго автомобиля не будетъ. Зато у трезвыхъ и

лошади трезво смотрѣли на дѣло и совершенно спокойно относились къ нашей машинѣ.

Наконецъ, около двухъ часовъ, совершенно разбитые и усталые, мы подъѣхали къ Нижнему.

Городъ очень красивъ со стороны Оки. Дома бѣгутъ пестрой толпой внизъ съ крутого холма, къ самой рѣкѣ, — дальше синѣетъ широкая красавица Волга, и съ горы смотрятъ кремлевскіе кресты церквей на Понизовскія земли. Маленькіе и большіе дома тѣснятъ другъ друга, жмутся, ссорятся, оспариваютъ мѣсто поближе къ рѣкѣ. А надъ домами, то здѣсь, то тамъ возвышаются бѣлыя колокольни церквей. Имъ не нужно оспаривать мѣста; они спокойно и величественно глядятъ на суетливую жизнь копошащуюся у ихъ подножья.

Идея божества неподвижна. Она стоитъ внѣ жизни, она господствуетъ надъ земными расчетами и волненіями. И можетъ быть потому-то слабый и жалкій человѣкъ ищетъ въ ней утѣшенія и поддержки на своемъ жизненномъ пути. Трепещущій человѣкъ съ мольбой глядитъ на холоднаго сфинкса. Но сфинксъ молчитъ съ своей вѣчной и загадочной улыбкой. А человѣкъ уходитъ отъ него съ просвѣтленнымъ сердцемъ: ему кажется что въ улыбкѣ сфинкса онъ нашелъ отвѣтъ на свою мольбу.

Воистину сумѣлъ великій князь Юрій Суздальскій выбрать мѣсто для Нижняго, или какъ назывался городъ въ старину, Новгорода Понизовскія земли.

Основывая въ 1221 году городъ, Юрій мечталъ создать въ своихъ владѣніяхъ подобіе Новгорода Великаго, съ его мощью и красотой, съ его торговой и богатой стариной, и прекрасная мечта его осуществилась. Но много пришлось видѣть нижегородскимъ стѣнамъ съ тѣхъ поръ;

Татарское царство.

Въ хлѣбахъ.

Завтракъ на походѣ.

Переправа подъ Симбирскомъ.

обвила ихъ легкой дымкой поэзія, почила на нихъ тяжелая рука исторіи...

Коромыслова башня могла бы разсказать, какъ билась и рыдала молодая купеческая жена, когда живьемъ зарывала ее въ землю суровая княжеская дружина. Съ страшнымъ заклятьемъ бросился мужъ-вдовецъ въ Оку, и съ той поры каждую весну подходитъ рѣка къ башнѣ, желая вымыть бѣлыя косточки.

Хаживалъ на Новгородъ страшный Кудеяръ за прекрасной черничкой изъ Зачатьевскаго монастыря.

Гащивали въ Новгородѣ и татары — до сихъ поръ въ Васильевской слободѣ сохранились развалины Воскресенскаго монастыря, гдѣ всѣ монахини бросились въ Волгу, лишь бы не попасть въ позорный полонъ.

Былъ въ Новгородѣ и св. Сергій Радонежскій,—приходилъ усмирять строптиваго князя, не понимавшаго величія единой русской земли.

Во дни Минина, здѣсь, какъ въ фокусѣ, собрались лучи родной исторіи. Отсюда воспрянула русская земля въ тяжкую годину смутнаго времени; здѣсь развернулась она, могучая и сильная и однимъ молодецкимъ потряхиваніемъ плечъ сбросила съ себя польское иго. Здѣсь скромный нижегородскій мясникъ обратился съ пламенной рѣчью къ народу, умоляя спасти погибающее отечество. И какъ одинъ человѣкъ воспрянулъ народъ. „Заложимъ женъ и дѣтей нашихъ, постоимъ за русскую землю", въ одинъ голосъ рѣшили нижегородцы и пошли выручать Москву.

А теперь?

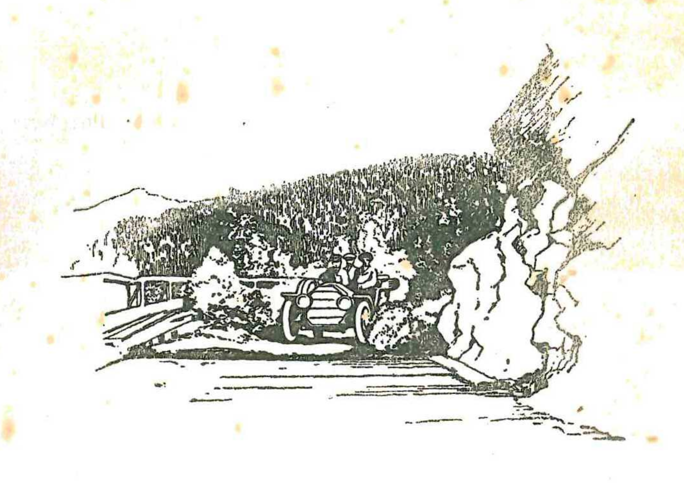
Теперь въ самомъ центрѣ кремлевскихъ святынь стоитъ безобразный деревянный заборъ съ вырѣзаннымъ на немъ контуромъ Минина и Пожарскаго. Я понимаю,

что это временно, но я созерцалъ это удивительное зрѣлище и подивился неуваженію къ славной нашей старинѣ.

Зато Волга осталась безъ перемѣны и, принявъ въ себя Оку, попрежнему, какъ и встарь, катитъ волны свои въ далекое Хвалынское море. Могучая масса воды разлилась по лицу земли; волны ходятъ изъ края въ край по широкой Волгѣ, а въ нихъ отражается и тысячами блестокъ дробится горячее солнце. Оно глядитъ на насъ съ высокаго неба, лаская своимъ свѣтомъ и Волгу, и берега ея, и Нижній, и далекія села и деревни.

Жизнь это тоже могучая широкая рѣка. Откуда то издалека свѣтитъ надъ ней истина. А мы видимъ блестящее дробное и колеблющееся отраженіе ея въ мутныхъ волнахъ бурно текущей жизни.

VI.

Нижегородская ярмарка не произвела на меня того впечатлѣнія, какого я ожидалъ, можетъ быть оттого, что мы пробыли въ Нижнемъ всего нѣсколько часовъ, можетъ быть оттого, что она только что еще открылась.

Вставъ пораньше, мы взобрались на автомобиль и покатили дальше. Несмотря на ранній часъ, городская жизнь уже била ключомъ, и послѣднимъ воспоминаніемъ о Нижнемъ былъ вагонъ конки, у которой лошадь, увидѣвъ машину, стала поперекъ рельсъ, — видъ довольно-таки курьезный.

Ну, и дороги въ Нижегородской губерніи! это что то невѣроятное! Перегонъ до Васильсурска былъ сплошнымъ мученіемъ. Солнце печетъ страшно, раскаленная пыль лѣзетъ въ глаза, ротъ и уши. Историческія березы на большакѣ не даютъ тѣни, потому что большей частью вырублены. Изрытая ухабами и колеями грунтовая дорога извивается, какъ змѣя, — того и гляди свернешь съ нея подъ откосъ. На многихъ спускахъ и подъемахъ она шоссирована; но, Боже мой, что это за шоссе! Лучше бы его вовсе не было. Встрѣчается много пьяныхъ.

пытающихся вступить въ пререканія и доказывающихъ, что мы не имѣемъ права ѣхать имъ навстрѣчу. Въ этихъ случаяхъ я выходилъ изъ автомобиля и дѣлалъ грозное лицо. Этого было достаточно. Урядниковъ не встрѣчалъ. Видѣлъ одного, — почтеннаго старца, съ длинной бородой, снявшаго фуражку правой рукой и одновременно отдавшаго честь лѣвой. Это привело насъ въ чудное настроеніе духа. Разговоры тоже случались любопытные.

— Куда путь держите? — кричитъ намъ встрѣчный батюшка, въ то время, какъ автомобиль медленно сползаетъ по спуску.

— Въ Василь... Далеко ли еще?

— Да верстъ семьдесятъ будетъ. Эхъ, машина хороша, — сѣлъ бы съ вами, да поѣхалъ!

— А ходятъ здѣсь машины?

— Ходятъ, часто ходятъ. Вотъ въ третьемъ году одна шла, да застряла...

Это по здѣшнему называется „часто“.

Отъ Лыскова дорога стала какъ будто бы лучше, но все же пришлось порядкомъ-таки помучиться, и было совершенно темно, когда мы добрались до переѣзда черезъ Суру, подъ самымъ Васильсурскомъ. Здѣсь полноводная Сура впадаетъ въ Волгу, — получается широкое водное пространство. Его нельзя себѣ представить, не увидѣвъ воочію. А теперь, когда уже наступила ночь, оно казалось еще шире: другой берегъ потонулъ въ темнотѣ, а огни Василя были скрыты за изгибомъ нагорной стороны. Оттуда долетали свистки волжскихъ пароходовъ и какой то смутный шумъ. Надъ предстояло ждать не менѣе часа: пароходъ съ баркасомъ только-что отошелъ на ту сторону.

Автомобиль окружила разношерстная толпа, частью ожидавшая перевоза, частью стоявшая изъ любопытства. Какой то мужиченко, вынырнувъ изъ толпы, атаковалъ насъ разговорами. Онъ сыпалъ, словно горохомъ, и никому не давалъ сказать ни слова.

— ... Тутъ машинъ такихъ много, а только не видать. Я ихъ всѣхъ знаю, — все знаю, какъ какая устроена и какъ ходитъ. Вотъ у пресѣдателя съѣзда есть. Какъ поѣдетъ, сейчасъ мнѣ: приготовь номеръ, у Визгалина, значитъ. Или, скажемъ, князь возжелаютъ ѣхать. Сейчасъ тоже. Ну, и ему номеръ. А больше нѣтъ. Вы тоже у Визгалина остановитесь, первѣющіе номера!.. Вотъ къ слову сказать, — Сура. Рѣка, какъ рѣка, да въ ней стерлядка есть, и супротивъ той стерлядки никто не моги, значитъ. Такъ по всей Волгѣ одинъ Визгалинъ, у него на „Чайкѣ“ какова стерлядка? Номера, къ слову сказать, самые лучшіе. И чтобы какая нечисть — ни-ни! Ужъ я-то знаю, служилъ у Визгалина офиціантомъ. Теперь былъ на работѣ, а онъ мнѣ: пріѣзжай, Митрій...

Онъ спрягалъ и склонялъ Визгалина во всѣхъ видахъ и падежахъ и надоѣлъ намъ отчаянно. Въ самый разгаръ разсказа слышу за собой тихій голосъ:

— Не слушай его, баринъ: непутевый онъ, и ничего изъ его словъ не выйдетъ.

Я обернулся. Въ сторонѣ стоялъ степенный мужикъ, вѣроятно, среднихъ лѣтъ; лицо его невозможно было разглядѣть въ темнотѣ, но угадывалось, что оно доброе и обыкновенное. Какъ то незамѣтно вышло такъ, что мы съ нимъ очутились въ сторонѣ.

— Непутевый онъ, не стоитъ слушать. А я вотъ что располагаю: вы издалеча, поди, не здѣшніе? Чай, изъ самаго Питера?

Это было сказано скорѣе утвердительно и во всякомъ случаѣ не въ видѣ вопроса.

— Я былъ званъ туда. Въ Кронштадтъ, на службу. Только не поѣхалъ, мнѣ — другое. Ты, говорятъ, женился бы. А мнѣ другое. Тутъ, въ Макарьевскомъ, жилъ монахъ одинъ, — вотъ онъ мнѣ все и сказалъ.

— Что сказалъ?

— Этого передать нельзя. Вотъ я неграмотный, — значитъ, слѣпой. А ты грамотный, — значитъ, свѣтлый. Ты мнѣ скажи: бываютъ такіе, что знаютъ? Промежъ себя знаютъ, и то, что отъ другихъ сокрыто, имъ вѣдомо?

— Бываютъ.

— Ты хорошо сказалъ, баринъ. И вотъ они другъ друга сейчасъ видятъ, только при другихъ тоже говорить не надоть. Такъ?

У перевоза шла суетня, къ берегу приближался баркасъ. Оттуда доносились голоса, спутники мои возились съ автомобилемъ, скоро нужно было отправляться. А мы здѣсь, въ сторонкѣ, были совершенно одни.

— Вонъ тамъ хлопочутъ. А ты посмотри на небо, — звѣзды тамъ свѣтлыя горятъ... имъ все единственно, что ты, что я, за всѣхъ Богу молятся. Какъ свѣчки въ церкви, — все огоньки, огоньки, — вишь, сколько ихъ! Я такъ располагаю: огонекъ — свѣчкино лицо. Глазъ на лицѣ, — огонь во свѣщи. Такъ?

Онъ помолчалъ немного.

— У меня купецкій сынъ жилъ. Сказывали — въ умѣ поврежденъ. Вотъ тому все было открыто. Отъ писанія толковалъ очень умственно. Онъ мнѣ все передалъ, — только, говоритъ, никому не открывай. Теперь если я что доброе пожелаю, такъ все можно. Только своимъ не моги. Вотъ у меня сынъ пьетъ, самъ я вдовый. Что подѣлаешь? Теперь это зло такъ кругомъ и ходитъ. Наши мужики говорятъ, что, молъ, съ голоду выпьешь, оно и сытно. А только все врутъ, чортъ въ ней сидитъ, въ водкѣ-то.

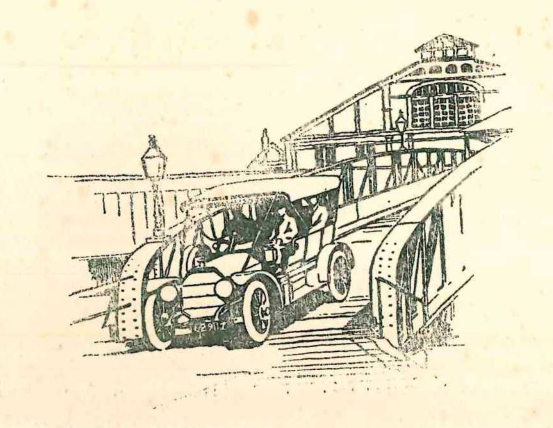

Баркасъ подошелъ, машину погрузили, время было ѣхать.

— Желаемъ здоровья, баринъ. Тебѣ желаю: отъ Бога счастья, здоровья и удачи. Что сказалъ, то будетъ.

Баркасъ тронулся. На Сурѣ было тихо, и въ зеркальную гладь ея смотрѣли съ неба звѣзды. На палубѣ свѣжо и темно; только подъ колесами смутно бѣлѣетъ изъ-за кожуховъ пѣна. За поворотомъ потянулись по водѣ длинныя полосы огней Васильсурска, и вдали, по Волгѣ, какъ сказочное видѣніе, безшумно прошелъ сіяющій огнями большой волжскій пароходъ. Картина была поразительно красива и полна неизъяснимой мистики, съ которой неразлучна природа. Звѣздное небо говорило что-то рѣкѣ, и рѣка отвѣчала небу. А въ закатѣ струй чудились мнѣ странныя слова невѣдомаго мужика. Онъ оказался правъ: слова официанта были ни къ чему. У Визгалина номера не нашли, у Панова тоже, и пришлось намъ пріютиться въ какой-то чайной.

Впрочемъ, хозяйка приняла насъ съ большимъ радушіемъ и, несмотря на поздній часъ, былъ и самоваръ, и закуска. Она уступила мнѣ свою комнату, отправившись сама куда-то въ сарой. И я прекрасно провелъ остатокъ ночи среды карточекъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, бумажныхъ цвѣтовъ, повѣшенныхъ подъ иконой, безструнной гитары въ углу и большихъ черныхъ таракановъ, меланхолически смотрѣвшихъ на меня изъ широкой щели на полу...

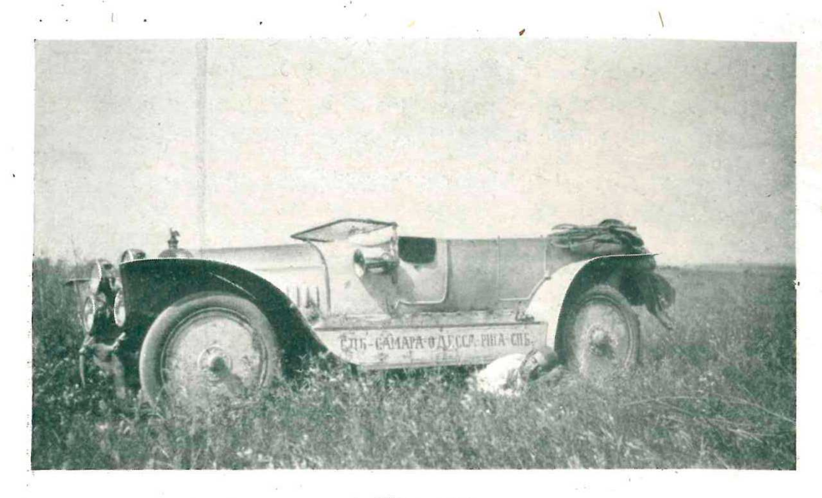

VII.

Утро въ Васильсурскѣ выдалось прямо чудесное,—небольшой городокъ былъ залитъ солнцемъ сверху до низу. Расположенъ онъ на крутой горѣ; живописный видъ еще болѣе выигрывалъ отъ ласковой позолоты солнца. За Василемъ все чаще и чаще стали встрѣчаться намъ татары, попадались и чуваши. Отношеніе населенія было попрежнему самое хорошее. Деревни пошли какъ будто бы побѣднѣе и неряшливѣе. Зато поля хороши. Я не хозяинъ; но и на мой взглядъ профана хлѣба вышли очень хороши и большей частью уже собранное богатство лежало въ [illegible]дахъ на сжатыхъ поляхъ.

При нашемъ проѣздѣ народъ бросалъ работу и съ любопытствомъ глядѣлъ на невиданную машину: въ этихъ мѣстахъ попадались деревни, гдѣ никогда не проходилъ автомобиль. Жаркое солнце золотило здоровыя загорѣлыя лица, съ полей неслось могучее дыханье земли и такъ и чувствовалась ея живительная сила. И несмотря на зной, духоту, пыль и трудную дорогу, путь нашъ былъ легокъ, веселъ и пріятенъ.

Мы миновали Чебоксары, съ удивительными церквами,—мнѣ бросились въ глаза чешуйчатые купола,

Уморился.

Моя симпатія — русскій американецъ.

Песочный спаситель.

Въ степи.

горѣвшіе какъ жаръ, на яркомъ солнцѣ, смотрѣть было больно. Но подъ Свіяжскомъ вышло приключеніе: мы сбились съ пути. Телеграфные столбы вдругъ куда-то убѣжали, а съ ними убѣжала и дорога. Это случилось подъ вечеръ, при выѣздѣ изъ стараго, заросшаго бора. Дорога, оказалось, пересѣкается огромной канавой, пришлось пробираться сквозь чащу, въ объѣздъ. Пробрались — и потерялись. Кругомъ болото; сунешься впередъ — сѣлъ поступицу; двинулся назадъ — еще хуже, а вправо и влѣво — стоячія воды. А Свіяжскъ какъ на ладони. Видишь его на верху горы, надъ рѣкой; видишь его бѣлыя стѣны и купола, старинную твердыню Ивана Грознаго; а никакъ не попадешь. Словно святой градъ Китежъ, куда войти можно только разъ въ годъ, да и то не всякому.

Впрочемъ и Свіяжскъ городъ не рядовой. Еще за пять лѣтъ до его основанія въ 1551 г. старшины черемисскіе, жившіе при устьѣ Свіяги, стали слышать церковный звонъ на „Круглой горѣ". Послали молодыхъ людей узнать, что это за диво такое? Тѣ слышали чудное церковное пѣніе, но никого не видали, кромѣ стараго инока, ходившаго съ крестомъ и кропившаго святой водой на всѣ четыре стороны. Инокъ какъ будто размѣрялъ мѣсто для города, и все мѣсто „исполнилось благоуханія". Инока хотѣли схватить, но онъ становился невидимымъ при попыткахъ къ тому; пытались стрѣлять изъ луковъ, но стрѣлы ломались, не причинивъ ему вреда. То былъ преподобный Сергій, чудотворецъ Радонежскій. Передъ взятіемъ самой Казани опять видѣли того же калугера (монаха), ходившаго ночью по городской стѣнѣ съ крестомъ и святою водою. Грозный царь Иванъ Васильевичъ, придя на мѣсто будущаго Свіяжска, промолвилъ: „здѣсь будетъ городъ христіанскій, стѣснимъ Казань: Богъ вдаетъ ее

намъ въ руки“. Мудрый царь вѣрно понялъ значеніе Свіяжска, и черезъ года два Казань была въ его рукахъ.

Но все-таки послѣ двухчасовыхъ усилій мы добились-таки до Свіяжска. Насъ гостепріимно пріютили въ своей гостиницѣ монахини Свіяжскаго монастыря. Чистота въ гостиницѣ надиво. Деревянныя стѣны пахнутъ свѣжимъ лѣсомъ, по угламъ и на окнахъ растенія и цвѣты, постельное бѣлье сіяетъ бѣлизной, въ углу большая старинная икона, передъ ней лампадка. А напротивъ, въ окнѣ, видны черезъ улицу монастырскія ворота и красивый, весь бѣлый, вновь отстроенный соборъ, рядомъ съ ветхой церковью Іоанна Грознаго; въ этомъ соборѣ чудотворная икона св. Сергія Радонежскаго.

Придя на утро къ ранней обѣднѣ, я видѣлъ исцѣленіе кликуши. Женщина лежала на полу на тюфячкѣ: двѣ монахини осѣняли ее иконой, а діаконъ читалъ въ это время молитву. Женщина отчаянно кричала и вопила истерическимъ голосомъ на всю церковь. Но когда ее осѣнили во второй разъ, она вдругъ успокоилась и приложилась къ иконѣ. Оказывается, такихъ бываетъ каждый день очень много, — привозятъ въ монастырь отовсюду, везутъ изъ Казани, Симбирска, Перми,—больше все сумасшедшіе и „въ нервахъ разстроенные, которые не въ себѣ“ какъ выразилась монахиня.

— И каждому по вѣрѣ и по молитвѣ угодника Господь посылаетъ исцѣленіе, — заключила монахиня нашъ разговоръ. По обычаю въ монастырѣ остаются, послѣ исцѣленія, сорокъ дней; за время житья въ номерѣ ничего не берутъ,—кто сколько дастъ. Мнѣ опять вспомнился васильсурскій мужикъ: я счелъ для себя большой удачей, что былъ въ Свіяжскомъ монастырѣ, видѣлъ то, чего никогда не видалъ, и приложился къ чудотворной

иконѣ. Въ Свіяжскѣ остановки не предполагалось, и если бы мы не заблудились, я никогда туда не попалъ бы.

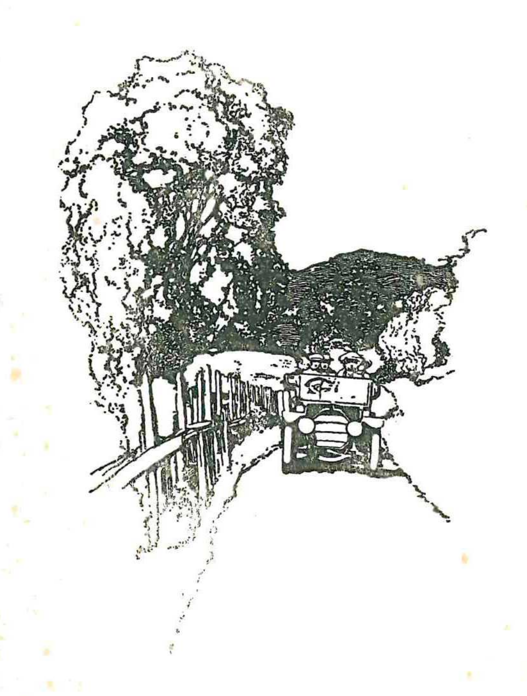
Распростившись съ сестрами Свіяжскаго монастыря и поблагодаривъ ихъ за гостепріимство, мы отправились дальше и безъ особыхъ приключеній пріѣхали въ Казань. Здѣсь снова пришлось переправляеться черезъ Волгу на паромѣ. Такъ называемый Услонъ, дачная мѣстность Казани, прямо прелестенъ. Живописная гора, зелень и множество дачниковъ и дачницъ, окружившихъ автомобиль, несмотря на ранній часъ. Тутъ любопытство возбуждала не машина, а путь, пройденный ею. Среди дачницъ можно было замѣтить много юныхъ и хорошенькихъ лицъ. Самая же Казань поразила меня своей пылью и жарой. Все-таки я успѣлъ полюбоваться стройной Сумбекиной башней и чудными соборами. Времени было очень мало, нужно было спѣшить на перевозъ, а для этого встать чуть ли не въ 3 часа ночи. Не выспавшіеся и злые, какъ осеннія мухи, взгромоздились мы на автомобиль и поѣхали дальше въ Симбирскъ. По счастью день выдался не такой жаркій, какъ предыдущіе; дорога оказалась сносной и мы, безъ особой усталости отмахавъ по проселкамъ около трехсотъ верстъ, къ вечеру пріѣхали въ Симбирскъ. Нужно отмѣтить, что погода все время сопутствуетъ намъ великолѣпная, — дождя ни капли. И только по высыхающимъ лужамъ мы знали, что онъ иногда намъ предшествуетъ.

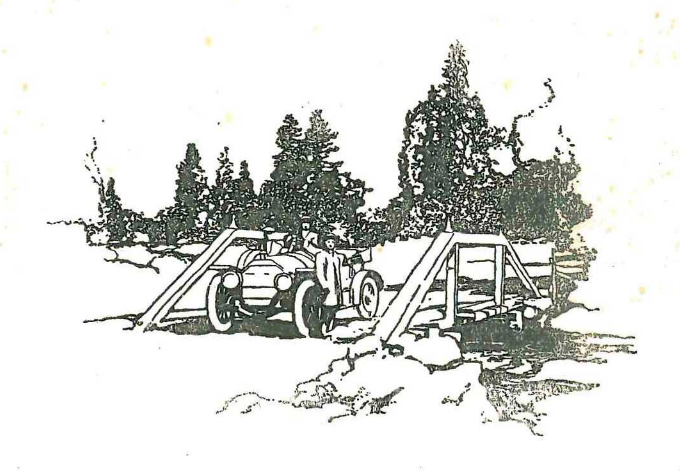
Что сказать про Симбирскъ? Повидимому это городъ сплошного сна. Прежде всего, согласно разъ принятому правилу, мы заѣхали въ магазинъ „Проводника“, на чьихъ шинахъ ѣдемъ, и освѣдомились, нѣтъ ли какой корреспонденціи на наше имя. Тутъ въ магазинѣ еще не спали. Но дальше пошло хуже. Съ большимъ трудомъ

узнали мы про гостиницу. Въ номерахъ сонный швейцаръ не зналъ есть ли у нихъ дворъ, чтобы помѣстить автомобиль. Это не то, что Казань, гдѣ почтенный сѣдой господинъ изъ толпы сказалъ:

— Остановитесь во „Франціи": тамъ останавливаются всегда всѣ знатныя обоего пола персоны.

Коридорный проспалъ назначенный часъ отъѣзда, и вмѣсто пяти мы выѣхали изъ Симбирска только въ девять.

VIII.

При самомъ выѣздѣ изъ Симбирска на Самару намъ пришлось снова переправляться черезъ Волгу. Опять пароходъ везетъ на буксирѣ баркасъ: на немъ стоитъ нашъ автомобиль, окруженный воинской командой, возами съ сѣномъ и кучей всякаго мелкаго торговаго люда. Команда откуда-то возвращалась, солдаты съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читали надписи на нагелевскихъ трофеяхъ: на чахлѣ для запасныхъ шинъ виситъ длинный рядъ мѣдныхъ пластинокъ съ выгравированными на нихъ названіями взятыхъ призовъ. Везли насъ довольно долго, сначала по Волгѣ, потомъ черезъ узкій проходъ между островами, потомъ снова по Волгѣ. Наконецъ, мы на томъ берегу. Быстро проѣзжаемъ черезъ большое село, вижу любезные моему сердцу признаки квартированія кавалерійской части и погружаюсь въ сладкія воспоминанія. Но мечтанія мои были прерваны грубымъ толчкомъ, — автомобиль сразу остановился.

— Сѣли, — сосредоточенно сказалъ Нагель.

— Сѣли, — повторили мы хоромъ.

Пришлось вылѣзать: автомобиль загрузъ въ пескѣ по самое пузо, надо было вытаскивать его на рукахъ назадъ и искать дороги.

Такія приключенія случались нѣсколько разъ: то песокъ, то грязь. Наконецъ, выбрались на дорогу, но тутъ пошли такіе выбоины и ухабы, что не приведи Богъ! Такъ мучились мы часа три и взалкали: залегли въ тѣни деревъ и стали закусывать, чѣмъ Богъ послалъ.

В-з-з-з,—изъ-за кустовъ вдругъ совершенно неожиданно вынурнулъ автомобиль. Кто? Что? Мы выбѣжали на дорогу; влюбленная невѣста не встрѣчаетъ съ такимъ жаромъ любимаго жениха, съ какимъ мы встрѣтили въ этихъ дебряхъ незнакомую машину. Еще одинъ автомобиль! Вѣдь это помощь, вѣдь это конецъ мученіямъ и мытарствамъ! На дорогѣ стоялъ родъ высокаго двухмѣстнаго эшафота, съ котораго слѣзъ солидный человѣкъ русской складки, въ картузѣ и высокихъ сапогахъ.

— Вы что-же тутъ стоите? Али приключилось что? Закусываете? Добре. Издалека-ли?

Объяснили.

— Вонъ оно что! Такъ потрепало васъ? Потому что вамъ никто не объяснилъ: нужно было прямо съ перевозу да влѣво. Сначала дали-бы крюку съ версту, да зато песочекъ миновали, а послѣ у васъ четыре версты въ карманѣ-съ. Интересно-бы на вашу машину взглянуть?

Онъ внимательно осмотрѣлъ автомобиль, потрогалъ шины, заглянулъ въ двигатель: сразу видно, что человѣкъ дошлый и въ корнѣ постигъ автомобильную науку.

— Хороша машина, очень хороша. Вотъ только ходъ низкій, по здѣшнимъ дорогамъ трудновато. Вотъ поглядите-ка у меня: я приспособился.

Онъ подвелъ насъ къ своему автомобилю.

Оказалось, что отъ старой машины ничего не осталось, она была когда-то фирмы Аргусъ, но новый хозяинъ все въ ней передѣлалъ, введя множество усовершенствованій и приспособленій. Передъ нами былъ человѣкъ настоящей русской смекалки и энергіи, умѣющій подхватить иностранную идею и примѣнить ее такъ, какъ нужно въ Россіи. Выдумать обезьяну, какъ нѣмецъ, не штука. А вотъ заставить ее ходить по своему—это дѣло.

— А вотъ, извольте шины. Тутъ по нашимъ дорогамъ никакая шина не выдержитъ, а мнѣ приходится ѣздить, почитай, каждый день. Такъ я сдѣлалъ покрышку изъ морского зайца. Да пришилъ ее, видите? Прекрасно ходитъ, сносу нѣтъ. И цѣна ей всего двадцать рублей шкура. Дешево и хорошо. Попробуйте: если хотите, я вамъ пришлю.

— Откуда-же у васъ эти шкуры?

— Этого добра у насъ много, сколько угодно. У меня, видите-ли, промыслы въ Архангельскѣ, такъ дѣло-то весьма просто объясняется. Что-же, господа, поѣдемте? Я вамъ дорогу покажу, подсоблю, если нужно. Только тамъ дальше, прямо черезъ лѣсъ поѣдемъ, а то тутъ опять пески, не пройдете.

Богъ мой, что это была за ѣзда! Русскій американецъ пёръ на своемъ эшафотѣ безъ всякихъ колебаній, что называется, на проломъ. Мы мчались по горамъ, какъ по зеркалу, пробирались черезъ чащу лѣсную, какъ дикіе вепри, мостовъ и канавъ для насъ не существовало, рытвинъ и ухабовъ мы не знали. Такъ ѣхали мы вѣроятно часа два, а то и больше, и что-же? Доѣхали до Мелекеса безъ всякихъ аварій, безъ единой остановки. Здѣсь спутникъ нашъ остановилъ машину и, выйдя изъ нея, сказалъ:

— А чтобы вамъ, господа, ко мнѣ зайти хлѣба-соли откушать? Закусили-бы, чайку попили, а послѣ я съ вами и дальше поѣхалъ. Милости просимъ!

Я съ удовольствіемъ остался-бы, но мои спутники запротестовали. Насъ ожидали въ Самарѣ, нужно было торопиться. Пришлось отказаться.

— А насчетъ покрышекъ шинныхъ, если что, я вышлю. Такъ и пишите: Дмитрію Николаевичу Масленникову, станція Часовня, за Волгой, а деревня Сосновка. Ну, дѣлать нечего, прощайте, дай Богъ счастливаго пути.

Масленниковъ остался въ Мелекесѣ, а мы поѣхали дальше. Тутъ дорога пошла немного получше и деревень встрѣчалось больше. Въ одной, около церкви, на площади толпа народу, а ограда вся въ флагахъ и гирляндахъ.

— Что это у васъ такое? Праздникъ какой?

— Кресты на церковь поднимали.

Толпа бабъ и дѣвокъ обступила автомобиль со всѣхъ сторонъ.

— Вы бы у насъ погостили, погуляли-бы малость. А то что-же такъ, сейчасъ катить дальше... Вишь вѣдь праздникъ какой! — сказала одна изъ дѣвокъ, блестя зубами.

Зато въ другой деревнѣ видѣлъ я старую церковь въ полномъ запустѣніи, съ покосившимися крестами и сгнившей оградой. Правда, на другомъ концѣ высился новый каменный храмъ, но слѣдовало-бы съ большей любовью и вниманіемъ отнестись и къ старому.

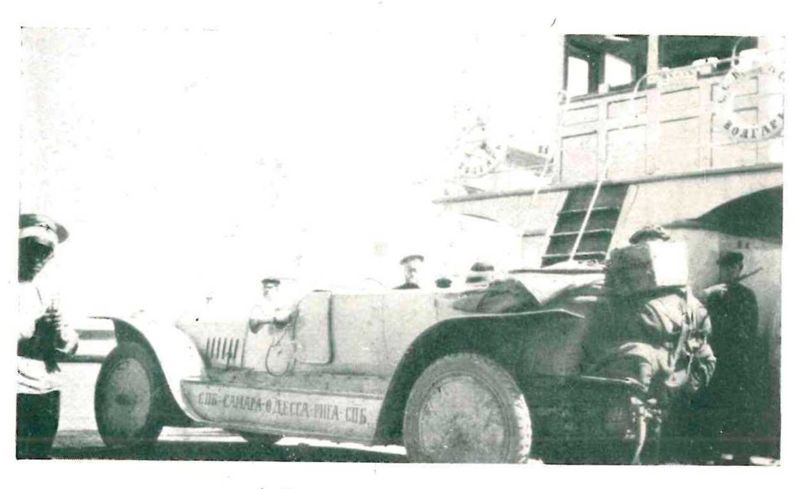
По дорогѣ миновали знаменитыя Жегули, такъ сказать, съ тылу и по самому краешку. Эти мѣста были когда-то базой для Поволжскихъ разбойниковъ.

Котловины межъ горъ — что чаши
Земнымъ виномъ налитыя съ краями...
Гдѣ мѣста привольнѣе и краше?
Что красой сравнится съ Жегулями?

* * *

Трещина на пути въ Самару.

Самарскій яхтъ-клубъ.

Почетные проводы въ Саратовѣ.

Голодное шоссе.

Высоко забрались на шиханы
Темныхъ сосенъ траурныя гривы;
Низко, низко на берегъ песчаный
Плещутъ волнъ, пѣвучихъ волнъ приливы...

* * *

По буграмъ разросся лѣсъ дремучій,
Подъ надъ лѣсомъ гребни да утесы,—
Каждый разъ надъ ними встрѣтясь съ тучей,
Вѣтеръ ей объ нихъ расчешетъ косы.

* * *

Словно хмѣльный ходитъ Жегулями,
А они—все выше, да все краше.
Ходитъ вѣтеръ валкими шагами,—
Ходитъ онъ отъ чаши къ новой чашѣ,
Зеленымъ виномъ наполненной съ краями.

Не высоки Жегули, но живописны. Отъ нихъ вѣетъ стариной и забвеніемъ и только иногда раннею зорькой соловей поетъ свои чудныя пѣсни про удалые набѣги, про слезы, кровь и про любовь.

Одна изъ высшихъ точекъ Жегулей—Дѣвичій Курганъ.

...„Засмѣяли калику перехожаго удалыя дѣвки, даже бороться съ нимъ не хотѣли. Только младшая самая схватилась со старикомъ и опомниться не успѣла, какъ тотъ ее бережно положилъ на шелковую мураву. За нею другая вышла,—постарше,—за другою—третья. Такъ и всѣ онѣ до единой. Но еще пущее диво сдѣлалъ калика перехожій, послѣ честного пира, подъ дубомъ вѣковымъ въ чудномъ подземельи. Вошли туда съ нимъ сестры дѣвушками, а на утро бабами всѣ до единой вышли.

„Гой ты еси калика перехожая, много-ли васъ на Руси богатырей такихъ? спрашиваютъ старика сестры.— Что я за богатырь—сами видите: и сѣдъ, и малъ, и

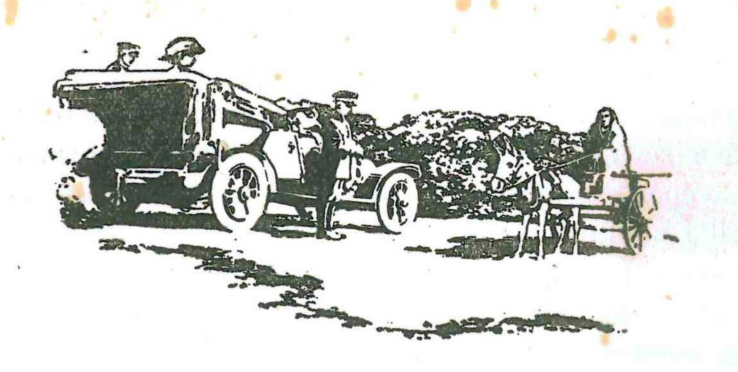
ногами кривъ. Самый я изъ послѣднихъ на Святой русской землѣ, самый немощный изъ придорожныхъ старцевъ.

И затуманились богатырши, видно почуяли, что придетъ сюда изъ Руси сила великая и всю ихъ землю подъ себя возьметъ".

Таково преданіе о Дѣвичьемъ Курганѣ.

Но вотъ и Самара. Самарскіе автомобилисты очень радушно встрѣтили насъ верстъ за тридцать на своихъ автомобиляхъ и доставили прямо въ помѣщеніе мѣстнаго яхтъ-клуба, гдѣ для насъ были отведены каюты. Для сокращенія пути везли по полевой дорогѣ, черезъ хлѣба, свернувъ съ шоссе. Уже вечерѣло. Въ наступившемъ сумракѣ терялись очертанія, вправо и влѣво уходили въ смутную даль поля, еще не остывшія отъ дневного зноя. Узкая дорога змѣей извивается среди высокихъ колосьевъ, среди которыхъ то вдругъ вынырнетъ, то снова спрячется темный силуэтъ ведущаго насъ яхтъ-клубскаго автомобиля, словно какое-то допотопное чудовище невѣдомо откуда забрело въ самарскія поля. Но вотъ сразу разступились колосья, и мы очутились на высокомъ берегу надъ самой Волгой. Красавица рѣка во всю ширь своего простора катила передъ нами темныя волны. За чужимъ берегомъ тянулась багровая полоса заката; солнце уже скрылось за далекіе лѣсистые холмы на горизонтѣ. Небо было въ тучахъ. Въ заревѣ заката онѣ рдѣли горячимъ румянцемъ и таяли въ лучахъ умиравшаго вечера, въ расплавленномъ золотѣ послѣднихъ лучей. А на Волгѣ зажглись огни; оттуда, съ рѣки, поднимались испаренія и шла живительная свѣжесть и прохлада.

Было совсѣмъ поздно, когда усталые и голодные прибыли мы въ Самару.

IX.

Самарскіе яхтъ-клубисты, устроивъ отдѣленіе автомобильнаго спорта, сочли своимъ долгомъ обставить наше пребываніе въ Самарѣ самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Помѣщеніе яхтъ-клуба прямо-таки великолѣпное. Это громадная баржа, съ двухъярусными бѣлыми каютами на палубѣ: здѣсь и столовая, и залъ, и карточная комната, и совѣтская, и библіотека, — все отдѣлано съ большимъ вкусомъ и роскошью. На верхней палубѣ мачты съ полнымъ морскимъ такелажемъ; дежуритъ вахта, бьютъ склянки и свято блюдется церемонія спуска и поднятія флага. Вечеромъ, когда все помѣщеніе залито электрическими огнями, оно кажется ажурнымъ и производитъ впечатлѣніе большого волжскаго парохода. Оно усиливается еще болѣе отъ работы мотора: баржа вся дрожитъ и кажется, что ѣдешь по Волгѣ на какомъ-нибудь „Кавказѣ и Меркуріи".

Дневка въ Самарѣ вышла для насъ, благодаря радушію и внимательности хозяевъ, пріятнымъ отдыхомъ, и все было-бы хорошо, если-бы не ужасныя самарскія мостовыя. Это что-то невозможное: улицы выгнуты горбомъ и на этихъ горбахъ поставлены торчкомъ камни, а гдѣ нѣтъ камней, тамъ рытвины и ухабы.

Здѣсь когда-то владычествовали татары и, только въ 1586 году при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ заложенъ городъ Самара, а съ нимъ и прочный центръ русскаго вліянія. Но бѣдному городу видно на роду было написано страдать отъ всевозможныхъ набѣговъ: ногайцы, калмыки, Стенька Разинъ, Желудякъ, Пугачевъ и другіе, имена которыхъ одному только Богу извѣстны, разоряли Самару и тѣшились ея дѣвушками. Нѣсколько разъ Самару почти совершенно уничтожали пожары, особенно сильный былъ въ 1703 году. Само правительство хотѣло, наконецъ, уничтожить Самару и въ 1770 году она была причислена къ Сызранскому уѣзду. Но городъ съ честью вышелъ изъ всѣхъ злоключеній и 1 января 1851 года послѣдовало оффиціальное открытіе Самарской губерніи.

Самъ по себѣ городъ не представляетъ ничего интереснаго. Классическая пыль, которая лѣзетъ въ уши, ротъ и всюду, куда только можно и даже куда нельзя. Грязная набережная, небольшіе дома. Но зато здѣсь можно достать превосходный кумысъ, хотя нужно знать, гдѣ его покупать.

Распростившись съ милыми нашими друзьями, проводившими насъ верстъ за двадцать, мы отправились дальше, на Саратовъ. Здѣсь уже пошла степь, и все чаще и чаще стали встрѣчаться верблюды. Они не пугались автомобиля и большей частью вовсе не обращали на него никакого вниманія.

Жарища стоитъ несосвѣтимая, вся степь такъ и пышетъ зноемъ, душно, совсѣмъ нѣтъ воздуха. Иногда откуда-то прилетаетъ вѣтерокъ, но это еще хуже: вмѣсто ожидаемой прохлады онъ несетъ съ собой раскаленный песокъ и становится еще жарче. Словно гдѣ-то открыли огромную печь, изъ которой только-что вынули хлѣба: даже чудится запахъ горячаго хлѣба. Множество сусликовъ съ любопытствомъ выглядываютъ изъ своихъ норъ, иногда, въ особенности ночью при зажженныхъ фонаряхъ; такой звѣрекъ долго прыгаетъ передъ автомобилемъ, не зная, куда уйти отъ снопа яркихъ лучей.

Часамъ къ 5 дня на степь надвинулась мгла. Не было тучъ, но небо какъ-то потускнѣло, а солнце превратилось въ бѣлое пятно: отъ него не было свѣта, но жара стала еще сильнѣе. Все покрылось сѣрымъ туманомъ и въ немъ потонулъ горизонтъ; въ этомъ сумракѣ иногда съ трудомъ можно было различить смутные силуэты встрѣчныхъ возовъ. Вдругъ откуда-то налетѣлъ вихрь и все завертѣлось передъ глазами. Въ ушахъ свиститъ, глаза рѣжетъ горячая пыль, губы сохнутъ, кругомъ свистъ и вой; автомобиль клонитъ въ сторону, положительно сдуваетъ съ дороги. Потомъ загрохоталъ громъ и налетѣла гроза съ проливнымъ дождемъ: пришлось остановиться и, забравшись подъ машину, переждать непогоду. Не тутъ-то было,—небеса, повидимому, хотѣли возмѣстить намъ долгое безоблачное путешествіе, и только поздней ночью добрались мы подъ проливнымъ дождемъ до первой деревушки, натыкаясь по дорогѣ на перевернутые возы, сломанныя дышла и колеса. Ураганъ надѣлалъ бѣдъ; по всей дорогѣ встрѣчали мы слѣды пронесшейся бури,— въ одномъ мѣстѣ видѣли кучу обломковъ—все, что осталось отъ мельницы. Позже крестьяне разсказывали, что съ перевернувшагося на мосту воза сдуло бабу: бѣдняжка разбилась на смерть, оставивъ двухъ малыхъ сиротъ.

Наше неожиданное появленіе произвело въ деревнѣ большой переполохъ. Увидя за гумномъ зарево отъ прожекторовъ, крестьяне вообразили, что вспыхнулъ пожаръ, и перепугались: вся деревня, и старъ и младъ, высыпала

на улицу: побѣжали на колокольню бить „сполохъ“. Но все объяснилось очень скоро и смутьяновъ пріютили въ земской съѣзжей. Справили самоварчикъ, угостили чайкомъ и великолѣпнымъ топленымъ молокомъ. Кое-какъ размѣстившись, кто подъ навѣсомъ, кто на землѣ (сѣна намъ почему-то не дали), мы дождались разсвѣта и съ первой зорькой отправились дальше. Я ночевалъ, лежа поперекъ автомобиля,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ ужасно неудобно имѣть длинныя ноги...

Въ Саратовъ мы прибыли очень поздно. Саратовскіе автомобилисты выѣхали встрѣчать насъ верстъ за 30, но мы ѣхали другой дорогой и разминулись; хотѣли дождаться возвращенія встрѣчавшихъ и просидѣли въ одной изъ колонокъ (такъ зовутся здѣсь нѣмецкія колоніи) два лишнихъ часа. Кстати о „колонкахъ“. Здѣсь, по дорогѣ изъ Балакова на Саратовъ, приходится проѣзжать ихъ цѣлый рядъ. Но онѣ не произвели на меня того впечатлѣнія, какого я ожидалъ. Правда, видна и зажиточность, и чистота и акуратность, но колонкамъ далеко до того, что удалось видѣть въ селахъ Владимірской губерніи,—вотъ гдѣ красота и богатство! Можетъ быть на меня повліяло то, что здѣсь встрѣтилъ я всюду типичные бритые подбородки и слышалъ нѣмецкую рѣчь, пришлось скучать, не видя славныхъ лицъ великорусскаго типа. Я спрашивалъ у одного почтеннаго колониста, какъ у нихъ насчетъ пьянства? Оказалось, что выпиваютъ, и даже изрядно, но стыдятся этого. Увы, въ Самарской губерніи, а еще больше въ Саратовской я видѣлъ изобиліе пьяныхъ людей; нѣкоторыя села пьютъ чуть ли не поголовно.

— Нынче кто же непьетъ? Всѣ пьютъ, въ каждой деревнѣ алкоголики,—говорилъ мнѣ парень изъ такой деревни.

Онъ такъ и сказалъ—алкоголики, и это слово опечалило меня больше всего. Оно проникло въ деревню, говорится не зря, а вдумчиво и со вкусомъ. Алкоголикъ,—дескать больной. А супротивъ болѣзни что подѣлаешь? Больной—и все тутъ—значитъ пей, а господа пускай умныя книжки пишутъ и докторовъ присылаютъ. И пьетъ нашъ дивный народъ, пропиваетъ энергію, величіе духа, богатырскую мощь свою, мельчаетъ и вырождается великодержавный типъ, и какъ былинка полевая клонится къ землѣ могучая наша держава.

Въ одной деревнѣ я спросилъ себѣ квасу. Человѣкъ русской складки привелъ меня на задворки, гдѣ въ мгновенье ока выросли столъ, табуретки и стаканы.

— Можетъ пивка прикажете? А то водочки? У насъ все есть, это просто!

И не спрашивая согласія, мигнулъ бабѣ: подавай, молъ.

— Это у насъ обычно, — въ акуратѣ!

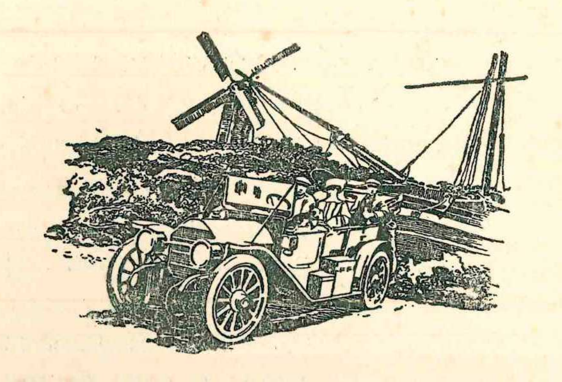
Ударили въ колоколъ.

— Что, праздникъ? — спросилъ я.

— Богъ его знаетъ! Это намъ не интересно. Попы нонче, что ни день то праздникъ выдумываютъ. Врутъ все, — со злобой докончилъ онъ.

Въ этой деревнѣ видѣлъ я казенную „винополію“, но видѣлъ и тайнаго кабатчика, и такихъ деревень много.

И чѣмъ дальше ѣду я, тѣмъ болѣе и болѣе съ великой грустью убѣждаюсь, что пьютъ на Руси много, пьянствуютъ безпросыпно и зловредно... Вотъ съ чѣмъ нужно бороться, пока не поздно, вотъ откуда идетъ на насъ гроза. Въ морѣ водки растворяется здоровая русская деревня, — съ дьявольскимъ пойломъ совсѣмъ не трудно растерять и величіе свое, и исторію, и героическій духъ.

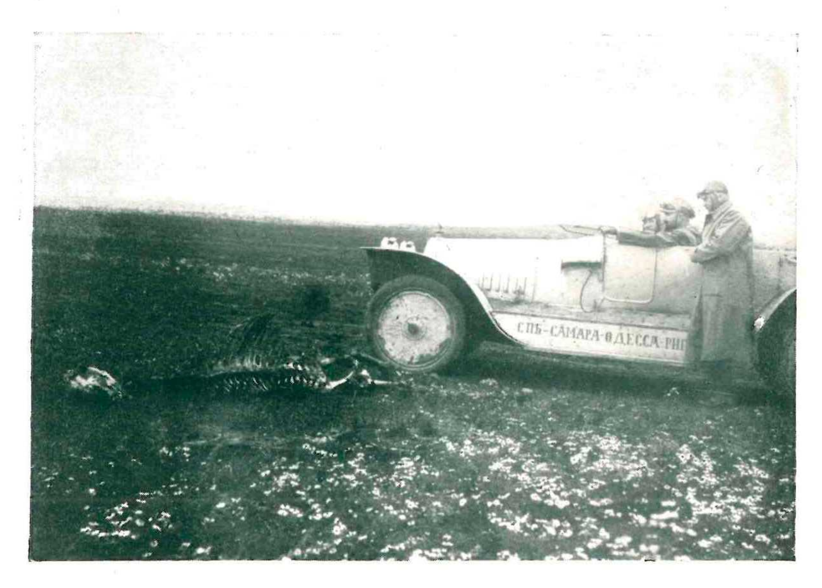
X.

Позднимъ вечеромъ, усталые и сонные, пріѣхали мы въ слободу Покровскую, и въ темнотѣ остановились на берегу Волги. Съ рѣки неслся плескъ воды, пыхтѣнье пароходовъ и громкіе голоса съ баржъ. Иногда острой нотой врывался тонкій визгъ собаки: кто то переправлялся на другой берегъ, оставивъ на баржѣ пса, и тотъ жалобно звалъ назадъ хозяина. Вдали, за темной гладью волнъ, стояло зарево: это сіяли саратовскіе огни. Послѣдній паромъ уже ушелъ, и раньше пяти часовъ утра въ Саратовъ попасть было нельзя, — открывалась непріятная перспектива торчать до разсвѣта. Выручили все тѣ же саратовскіе яхтъ-клубисты. Они догнали-таки насъ тутъ, на самомъ берегу Волги, и мигомъ сладили дѣло: вызвали по телефону свой моторный катеръ, а для автомобиля подвели отдѣльный пароходъ и доставили насъ въ Саратовъ во второмъ часу ночи. Такъ пріятно было вытянуться на мягкой постели, погрузившись въ нирвану послѣ утомительной и долгой ѣзды!

На утро, едва продравъ глаза, пришлось заняться картами и разспросами о дорогахъ. А послѣ насъ подхватили вчерашніе пріятели на хлѣбъ-соль. Намъ пода-

Въ семейной обстановкѣ среди милыхъ самарцевъ.

. . . . Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль и вѣтеръ колышетъ надъ ними ковыль. . . . .

Начинается грязь.

. . . . А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею:
Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замуравѣла. . . .

вали чудную волжскую икру. Я никогда не ѣлъ такихъ прекрасныхъ вещей. Зерно къ зерну, крупная и свѣжая, и вкусная до безумія.

Собственно говоря, человѣчество не имѣетъ никакого нравственнаго права ѣсть икру. Что сказали бы мы, если бы рыба стала ѣсть нашихъ дѣтей? Какая-нибудь хитрая и умная щука, собравши вокругъ себя цѣлую ватагу ловкихъ вьюновъ, занялась бы ловлей прекраснѣйшихъ изъ нашихъ дамъ. Наиболѣе красивыхъ она сажала бы въ клѣтку и продавала китамъ и акуламъ для украшенія ихъ гостиныхъ. А дѣтей, въ соленомъ, или свѣжемъ видѣ пускала бы въ продажу на фунты по высокой цѣнѣ. Они подавались бы за столомъ у кашалотовъ каждый день. А маленькіе и жалкіе пискари могли бы пользоваться этой роскошью только двадцатаго числа. Старый сѣдой пискарь, выпивъ рюмку зубровки и закусивъ доброй порціей дѣтей, передалъ бы ихъ толстой пискарихѣ, говоря: „Попробуй душечка, превосходныя дѣти, самаго свѣжаго лова“. А на большихъ и торжественныхъ завтракахъ бѣдные, страдающіе несвареніемъ желудка, сомы съ завистью глядѣли бы, какъ молодые дельфины смакуютъ эту прелестную закуску. Съ какимъ удовольствіемъ скушали бы караси какого-нибудь жирнаго статскаго совѣтника въ сметанѣ! Не дуренъ былъ бы и жареный губернскій секретарь съ кашей и вареный купчикъ съ польскимъ соусомъ. Но безъ сомнѣнія больше всего ликовала бы форель при видѣ вкусныхъ институтокъ въ томатѣ. И стерлядь была бы довольна, скушавъ уху изъ гимназистокъ, или курсистку соусъ пиканъ...

Хозяева наши любезно занимали насъ оживленной бесѣдой, тосты слѣдовали за тостами. Но я избралъ благую часть, и предоставивъ моимъ спутникамъ отвѣчать

на эти тосты и принимать сладкій ѳиміамъ славы, самъ усѣлся за самое маленькое мѣсто стола и погрузился въ операцію извлеченія любимаго омара изъ стоящей предо мною жестянки.

До меня долетали обрывки оживленнаго разговора между саратовцами, Нагелемъ и Оцупомъ. Говорили о шинахъ, о свѣчкахъ, передачѣ, мостовыхъ и черезъ каждыя три слова въ четвертое слышно было слово „шмидтъ", вѣроятно какой-нибудь особый пароль. Но оказалось, что это вовсе не пароль, а фамилія пресимпатичнаго мѣстнаго дѣятеля, являющагося душой саратовскихъ автомобилистовъ. Впрочемъ, я слишкомъ сильно занятъ былъ судьбой омара, чтобы прислушиваться къ бесѣдѣ. Пріятная трапеза очень затянулась и милые, радушные хозяева долго не хотѣли насъ отпускать.

Наконецъ, въ 6 часовъ вечера мы выбрались изъ Саратова, въ сопровожденіи семи автомобилей: саратовцы рѣшили проводить насъ до Аткарска. Такимъ образомъ, для нихъ организовался импровизированный ночной пробѣгъ, протяженіемъ около 200 верстъ. Выѣздъ былъ весьма торжественный и сначала все шло очень хорошо. Впереди, показывая дорогу, мчался на своемъ двухмѣстномъ Оппелѣ Н. Я. Пичахчи, мѣстный адвокатъ, личность въ своемъ родѣ замѣчательная по почти безумной смѣлости въ ѣздѣ: про него разсказывали здѣсь прямо-таки чудеса. Не знаю какъ въ качествѣ адвоката, а въ качествѣ лидера онъ оказался великолѣпенъ и велъ пробѣгъ мастерски. За нимъ шла наша машина, за нами остальные. Но наступилъ вечеръ, и стало темно, пришлось сдѣлать остановку, чтобы зажечь фонари. Пылкій Пичахчи, не оглянувшись, умчался далеко впередъ, мы потеряли его изъ виду. Понемногу, желая показать дорогу, насъ обогнали

и другіе. Тутъ, какъ на зло, у насъ лопнула камера на заднемъ колесѣ. Пришлось мѣнять шину, опять остановка. Это было тѣмъ досаднѣе, что передъ самымъ отъѣздомъ мы похвастались шинами — не мѣняли ни одной отъ самаго Петербурга.

Только что тронулись дальше,—вернулся Пичахчи предупредить, что впереди у подъема песокъ. Здѣсь у кого-то потухли фонари,—опять остановка. Въ концѣ концовъ добрались до Аткарска только къ двумъ часамъ ночи: здѣсь милые саратовцы устроили намъ „отвальную". Около четырехъ утра хозяева, пожелавъ намъ всякихъ благъ, укатили обратно въ Саратовъ. А мы, прикурнувъ тутъ же въ автомобилѣ, рѣшили переждать темноту и съ разсвѣтомъ отправиться дальше. Но мы такъ утомились, что разсвѣтъ оказался очень позднимъ.

Я, конечно, воспользовался случаемъ, чтобы осмотрѣть Аткарскъ. Мѣстечко само по себѣ неважно. Но что въ немъ замѣчательно, такъ это садъ при общественномъ собраніи. Здѣсь множество цвѣтовъ,—съ большимъ вкусомъ и изяществомъ разбиты ковровыя клумбы, роскошная цвѣточная лѣстница ведетъ къ декоративнымъ воротамъ терема, а по бокамъ подобіе огромныхъ цвѣточныхъ гобеленовъ. Нѣкоторые не совсѣмъ удались, но одинъ прямо поразителенъ: на немъ выдѣлана изъ растущихъ цвѣтовъ лошадь въ натуральную величину.

Оказывается, все это устроено заботами городского головы Ф. Н. Павлюкова; такому цвѣтнику не грѣхъ раскинуться и въ Петербургѣ, гдѣ онъ оказался бы далеко не изъ послѣднихъ.

Но, начиная съ Аткарска, пошла намъ незадача, и сторицей возмѣстились намъ и Самара, и Саратовъ. Карты оказались устарѣвшими, мы безпрестанно сбивались съ

пути Распросы мѣстныхъ жителей не служили ни къ чему, приводя большей частью къ безполезной потерѣ времени: зачастую посылали насъ отъ одной деревни къ другой, и въ результатѣ мы возвращались къ первой. А на ходу еще хуже.

— На Новохоперскъ—вправо?

Пейзанъ киваетъ головой и машетъ рукой вправо.

— А можетъ быть влѣво?

Онъ еще радостнѣе киваетъ головой и машетъ рукой влѣво.

— Куда же, чортъ возьми, ѣхать?

Лицо его расплывается въ пріятную улыбку, и онъ растопыриваетъ обѣ руки и вправо и влѣво. Вотъ вамъ и ищите дорогу при такихъ условіяхъ! Верстовые столбы въ этихъ мѣстахъ сплошь, да рядомъ идутъ прямо черезъ поля, наскучивъ, повидимому, слѣдить за проѣзжей дорогой. Дороги вьются извилистой лентой и многія изъ нихъ запаханы. Существуютъ и кусочки шоссе. Эти кусочки—прямо ужасъ и отчаяніе. Ѣдешь по грунту, щупаешь, цѣлы ли собственныя ребра и бранишься, какъ извозчикъ... И вдругъ—шоссе! Оно вынырнуло откуда-то изъ полевыхъ глубинъ, появилось какъ то совершенно незамѣтно. Въѣзжаешь на него,—только что раскатился,—не тутъ то было: шоссе внезапно обрывается. Или передъ вами развертывается великолѣпное шоссе, совершенно готовое,—пользуйся, милый человѣкъ, въ свое удовольствіе. Увы! Оно усыпано острой щебенкой, брошеной здѣсь въ незапамятныя времена и никогда не видавшей тромбовки: такъ, строили себѣ и не достроили. А бываетъ и такъ: среди чиста поля стоитъ кусокъ шоссе иной разъ съ версту, а то и больше, а въѣзда и выѣзда не существуетъ, точно кусокъ пирога, отрѣзаннаго острымъ ножомъ. Нѣкоторые куски поросли травой забвенья, а нѣкоторые вымыты холодными дождями...

Ключъ къ симъ замѣчательнымъ достопримѣчательностямъ очень простой: это такъ называемыя голодныя шоссе. Я понимаю, хотя не соглашаюсь съ этимъ, вопли о безденежьи, непомѣрныхъ расходахъ и прочемъ, но ни какъ не могу взять въ толкъ одного: почему нельзя содержать въ порядкѣ уже построенное, или докончить почти оконченное шоссе?.. Но и рѣдкія оконченныя шоссе заставляютъ вспоминать изреченіе народной мудрости: видитъ око, да зубъ нейметъ. Мудрое начальство въ видахъ экономіи разрѣшаетъ ѣздить по нимъ только въ весеннюю, или осеннюю распутицу; въ обычное же время, какая бы грязь ни была, шоссе закрыты. Что же, такое заботливое отношеніе къ дорогамъ очень способствуетъ развитію авіаціи, ибо въ обходъ шоссе иной разъ не пройти ни пѣшему, ни конному. Изъ собственнаго опыта я убѣдился въ полной возможности утонуть въ грязи, любуясь на возвышающуюся передъ самымъ носомъ насыпь шоссе, заставленнаго рогатками. И теперь мнѣ ясно правдивое основаніе легенды о губернаторѣ, нѣкогда погибшемъ въ дорожной грязи вмѣстѣ съ коляской, стражниками и плюмажемъ на треуголкѣ.

Въ довершеніе всѣхъ благъ погода испортилась окончательно, пошли грозы, разверзлись всѣ хляби небесныя, и мы медленно подвигались впередъ по раскисшей жирной почвѣ, пробиваясь чрезъ сплошную водяную стѣну. Пришлось надѣть на колеса цѣпи, чтобы не скользили шины. Но цѣпи не выдерживали и рвались, нужно было безпрестанно останавливаться, розыскивать ихъ и снова прилаживать къ колесамъ. Нѣсколько разъ могучіе потоки воды положительно смывали автомобиль

въ канаву, и онъ тяжело сползалъ куда-то внизъ, безпомощно вертя колесами, обдававшими насъ комьями липкой грязи; какъ мы вывернулись благополучно изъ этой грязной исторіи, одному Богу извѣстно! Пробившись двое сутокъ, пришлось застрять позднимъ вечеромъ въ деревнѣ, верстъ за тридцать отъ Воронежа: вышелъ весь бензинъ. Буквально по колѣно въ грязи, во тьмѣ кромѣшной, подъ проливнымъ дождемъ пошли мы разыскивать кого-нибудь, чтобы послать за бензиномъ въ городъ. По счастью бензинъ нашелся у сосѣдняго помѣщика, передавшаго черезъ гонца приглашеніе переночевать у него. Еще подъѣзжая къ фатальной деревушкѣ мы встрѣтили этого любезнаго помѣщика, предупреждавшаго насъ о трудности дальнѣйшаго пути. Теперь онъ явился нашимъ спасителемъ, оставивъ благодарную память въ нашихъ сердцахъ, досыта наѣвшихся эпической грязью Воронежской губерніи. Фамилія нашего спасителя Клочковъ. Онъ видимо пользуется большой любовію окрестныхъ крестьянъ. Говоря о немъ, они сулили намъ всякія блага.

— Вѣстимо, спосылайте къ Клочкю. Клочекъ баринъ во какой, настоящій баринъ. Ему все единственно, ёнъ богатый, ёнъ дастъ. Эттаго, эттаго самаго бензину у яго почитай полные дворы!

У Клочкова, повидимому, дѣйствительно всѣ дворы были полны бензину и онъ великодушно отпустилъ его намъ цѣлый пудъ. Но ѣхать ночевать къ „Клочкю“ было бы малодушіемъ, и подкрѣпившись чайкомъ въ крестьянской хатѣ, мы все-таки рѣшили двинуться дальше. Несмотря на позднее время, въ хату набралось множество бабъ и дѣвокъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на нашу трапезу. Мужики были поголовно пьяны. Все-таки пришлось выбрать наименѣе пьянаго изъ нихъ въ качествѣ лоцмана,

и поздней ночью отправились мы вплавь по жидкой грязи дальше на Воронежъ.

Темно, хоть глазъ выколи. Дождь хлещетъ, какъ изъ ведра. Порывы вѣтра рвутъ насквозь промокшій тентъ надъ автомобилемъ. Лучи прожекторовъ перебѣгаютъ по волнамъ грязи. Это именно волны: земли не видно, кажется, что кругомъ необъятное, безпредѣльное и бездонное море. Струйки холодной воды забираются за шею,— непромокабль промокъ насквозь. Сзади между мной и Нагелемъ, помѣстился пьяненькій пилотъ. Онъ обдаетъ насъ волной сивушнаго запаха, голова его качается изъ стороны въ сторону, толкаясь то о мое плечо, то о плечо сосѣда. Но дорогу указываетъ со тщаніемъ, наслаждаясь временнымъ своимъ могуществомъ.

— Прав-ва! Прав-ва держи! Такъ. Лѣв-ва! Такъ. Прав-ва!

Автомобиль лѣзетъ куда-то въ бокъ.

— Да гдѣ же колея? Я ничего не вижу...

— Прав-ва!

— Тьфу! Тебѣ говорятъ: гдѣ колея? Я не могу безъ дороги, изводится Нагель.

— Слухай нассъ! Никакихъ колеевъ. Прав-ва! Пошла-а-а!..

Автомобиль торжественно влѣзаетъ въ яму и останавливается.

— Что этта? Лупи! Выгребай!

— Пошелъ вонъ, дуракъ! Куда ты насъ завелъ? Помогай... Гдѣ дорога?

Мы, купаясь въ холодной грязи, вытаскиваемъ машину. Пилотъ хлопочетъ у колеса.

— Мы съ полнымъ удовольствіемъ завсегда помогимъ,—бормочетъ онъ, угорая все больше и больше. До-

рога? Она во, дорога-то! Все единственно, что дорога, что нѣтъ. Запущай! Пошла-а-а!

Ѣдемъ дальше. Шины хлюпаютъ, цѣпи стучатъ о кожухъ.

— Александръ, смотрите за цѣпями,—говоритъ Нагель шофферу. Цѣпи на мѣстѣ?

Но пилотъ принимаетъ это на свой счетъ.

— Кака така чѣпъ! Ты слухай нассъ! Чѣпъ пряма, на дорогѣ. Лѣв-ва!

— Болванъ!

— Мо-остъ!—оретъ пилотъ. Держи! Держи! Тутъ трясина бездонная! Утопнемъ!

Нагель разводитъ руками. Автомобиль останавливается — у тѣхъ, кто понервнѣе, душа уходитъ въ пятки.

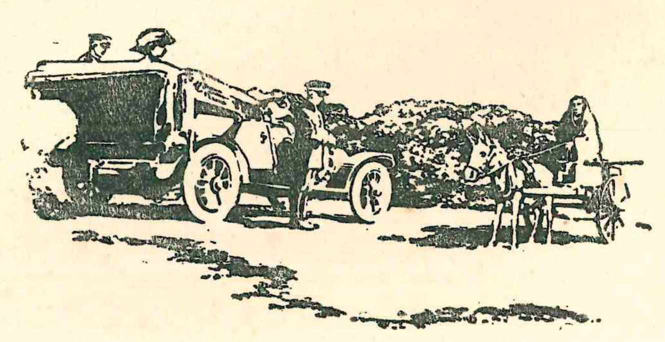
— Гдѣ? Гдѣ трясина?

— Гдѣ? Ну подъ мостомъ. — гдѣ-же ей быть-то еще? Глубоокая?

— ! ?

— Да подъ мостомъ, ну? Чего сталъ? запущай! Тутъ сашà! Вертай прав-ва, на сашу! Гладка пряма до города. Пошла-а!

Выѣхали на шоссе, проѣхали саженъ пятьдесятъ... Стопъ! Поперекъ стоитъ рогатка. Приходится ѣхать назадъ... Такъ ѣхали мы до Воронежа со скоростью 3-хъ верстъ въ часъ и прибыли въ городъ къ разсвѣту. Пилотъ заснулъ гдѣ-то по дорогѣ.

Начинаемъ тонуть.

Эй, дубинушка, ухнемъ!

Грязь воронежская!

Ѣдемъ по киселю...

XI

Утомленный тяжелыми приключеніями ночного пути, я заснулъ въ превосходной воронежской гостинницѣ, какъ убитый, и едва очнулся уже послѣ полудня. Очень хотѣлось посмотрѣть Петровскій яхтъ-клубъ: вѣдь здѣсь Петръ Великій строилъ свой флотъ. Но погода хмурившаяся съ утра, окончательно испортилась и полилъ сплошной дождь, — пришлось отказаться отъ посѣщенія. Я успѣлъ побывать только въ монастырѣ и полюбовался дивнымъ бѣлымъ мраморнымъ иконостасомъ въ монастырскомъ соборѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. Митрофанія, смѣлаго друга, а иногда и обличителя могучаго Петра. Кипучій и неукротимый Петръ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ святителю и искренно горевалъ, узнавъ о его кончинѣ. Я попалъ въ монастырь во время всенощной. Несмотря на службу, къ мощамъ безпрестанно подходило и съ большимъ благоговѣніемъ прикладывалось множество людей всякаго возраста и званія. Къ сожалѣнію, іеромонахъ, стоявшій на чредѣ у гробницы, все время разговаривалъ съ подходившими къ нему другими монахами, безъ всякаго стѣсненія опиравшимися руками

о край раки. Я говорю это не въ осужденіе,—можетъ быть у нихъ были какія-нибудь неотложныя дѣла, и даже навѣрное были. Но слѣдуетъ выбирать другое мѣсто и время для подобныхъ разговоровъ, ибо выходитъ нехорошій соблазнъ. Нужно съ большимъ уваженіемъ относиться къ святителю, прославленному церковью, почитаемому всей Россіей, бывшему при жизни большимъ патріотомъ и во всякомъ случаѣ и въ настоящее время поильцу и кормильцу монастыря.

Выѣхали мы изъ Воронежа раннимъ утромъ и сейчасъ же за городомъ сѣли въ невылазную грязь. Повторилась старая исторія, случавшаяся почти въ каждомъ городѣ. Мѣстные жители охотно и подробно разсказывали о дорогахъ и выѣздѣ изъ города, а на повѣрку оказывается, что никто ничего не знаетъ. И слѣпо довѣрившись мѣстнымъ указаніямъ, мы почти вездѣ долго не могли выѣхать изъ города. Къ стыду многихъ автомобильныхъ организацій и отдѣльныхъ автомобилистовъ, долженъ отмѣтить, что дорогъ они не изучаютъ и даже ближайшихъ вовсе не знаютъ.

— Прекрасная дорога. Проѣдете прекрасно и черезъ три часа будете на мѣстѣ...

Выѣзжаешь радостный и довольный—и попадаешь въ ямы, откуда выбираешься только къ вечеру.

— Долженъ предупредить: дорога отчаянная,—все сплошь рытвины и ухабы. Мы уже писали объ этомъ, жаловались губернатору, въ земствѣ говорили!

А на самомъ дѣлѣ дорога оказывается, что твой паркетъ.

Скоро степь дохнула на насъ острымъ запахомъ чабреца и прибитой пыли. И вдругъ пролился дождикъ. Да какой!

Серебряная его сѣтка сразу накрыла насъ, не успѣли даже и тента поднять. Но онъ прошелъ также скоро, какъ и пришелъ, и солнце снова весело засіяло въ лужахъ на дорогѣ, золотя раскисшую грязь и алмазною пылью разсыпаясь по луговымъ травамъ, пажитямъ и мокрымъ скирдамъ хлѣба. Мы попали въ самый краешекъ бури. Дальше, какъ оказалось, выпалъ градъ, величиною съ яйцо, и побилъ хлѣба, больше всего досталось гречихѣ. Къ вечеру пріѣхали въ Осколъ, и сразу попали въ толпу гулявшихъ на погруженной во тьму главной улицѣ жителей. Полагалась луна и, вѣроятно, поэтому фонари не горѣли.

— Гдѣ у васъ гостиница? Получше, гдѣ бы остановиться и перекусить?

— Поѣзжайте въ собраніе,—отвѣтили намъ изъ толпы.—Тамъ кстати губернаторъ, его посмотрите.

Но, испугавшись губернатора, мы отправились не въ собраніе, а въ какіе-то скромные, но, впрочемъ, очень чистые и удобные номера, гдѣ и переночевали.

Все таки мы не утерпѣли и отправились въ городской садъ, гдѣ происходило блистательное гулянье въ честь пріѣзда губернатора. Садъ сіялъ множествомъ огней. Посерединѣ на открытой сценѣ, обведенной лампочками, шло кинематографическое представленіе. Здѣсь горѣло электричество. А въ отдаленныхъ аллеяхъ обошлись плошками, зато ихъ изобиліе. Въ самомъ отдаленномъ углу мнѣ удалось увидѣть пламенѣющую галошу, налитую керосиномъ; хотя она и распространяла ощутительное зловоніе, но зато выходило торжественно и занятно.

Въ саду была сплошная толпа очень радостно настроенная и съ усердіемъ шлепавшая по раскисшимъ отъ недавняго дождя дорожкамъ, преобладала дѣтвора.

На утро я былъ разбуженъ погребальнымъ пѣніемъ подъ самымъ моимъ окошкомъ. По улицѣ шелъ старенькій священникъ въ потертой ризѣ; за нимъ шестеро подростковъ несли небольшой бѣлый гробикъ. Его сопровождало множество дѣтей, у коихъ по мѣстному обычаю руки выше локтя были перевязаны розовыми лентами. Дѣти съ печальными лицами тонкими голосками пѣли погребальныя молитвы.

— Кого хороните?

— Сосѣдскую дѣвочку....подругу нашу, отвѣтилъ мальчикъ лѣтъ восьми, отставшій отъ толпы.

Милая славная дѣтвора! Это будущіе дѣятели, это тѣ кто снимутъ жатву, посѣянную нами. Они тоже будутъ сѣять, когда придетъ ихъ пора; а когда вѣчный парикмахеръ Время густо напудритъ ихъ головы, они, глядя на подрастающее поколѣніе, въ свою очередь будутъ шептать беззубымъ ртомъ: работайте дружнѣй надъ общей жатвой, носите, не складывая рукъ, камни на постройку дивнаго храма разумнаго, добраго и великаго человѣчества....

Милая, славная дѣтвора! Какой нибудь маленькій Васька, засунувъ палецъ въ ротъ глубокомысленно взираетъ на міръ Божій. Онъ серьезно убѣжденъ, что весь міръ созданъ для него: и не на шутку обижается, когда старшіе не даютъ вкусную конфекту, находя что всѣ должны служить ему. И онъ правъ, этотъ маленькій король; потому что, если бы не было на свѣтѣ этихъ маленькихъ Васекъ, какой смыслъ имѣлъ бы прогрессъ человѣчества на землѣ?

Но и несносна же бываетъ подъ часъ эта дѣтвора, когда съ рожицей, перепачканной вареньемъ и съ вѣчнымъ недоумѣніемъ въ большихъ глазахъ, она пристаетъ къ

вамъ съ тысячами вопросовъ. Какой нибудь гражданинъ отъ семи, или восьми лѣтъ отъ роду, поставитъ васъ втупикъ; а какая нибудь маленькая барышня можетъ сконфузить васъ такъ, что вы долго будете напоминать собою варенаго рака. У одного моего знакомаго есть маленькая принцесса семи лѣтъ отъ роду. Большіе говорили принцессѣ:

— Не нужно шумѣть и безпокоить маму, потому что мама очень больна. А если ты будешь послушна и никому не будешь надоѣдать, то Боженька дастъ тебѣ сестрицу.

Принцесса дѣлала большіе глаза и спрашивала:

— Чѣмъ же больна мама?

— У мамы сильно болитъ животикъ. А если ты будешь приставать, то Богъ разсердится и совсѣмъ возьметъ отъ тебя маму, начинали сердиться большіе.

— А всегда, когда у мамъ болитъ животикъ, Боженька даетъ сестричекъ? не унималась принцесса.

— Да, да,—отстань пожалуйста, кипятились взрослые.

Когда добрый Боженька дѣйствительно далъ принцессѣ сестренку, она возилась съ ней, какъ съ писаной торбой. Она часто просила у Бога, что бы у мамы еще и еще болѣлъ животикъ для того, чтобы побольше было сестрицъ. Однажды у моего знакомаго былъ большой вечеръ: собралось множество гостей, было много хорошенькихъ барышень и прелестныхъ дамъ. Принцесса, въ розовомъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ золотистыми локонами, радостная, какъ весна, весело болтала съ гостями. Она была очень довольна тѣмъ, что ей позволили остаться со взрослыми и серьезно воображала себя большой особой. Но ея отецъ не выходилъ еще: онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Наступилъ психологическій моментъ,—всѣ замолчали, и вдругъ маленькая принцесса сказала:

— А знаете что? А у насъ скоро братецъ будетъ!

— Какъ такъ? изумились гости. Какимъ образомъ? Откуда? Почему?

Ея мать разсердилась.

— Перестань, пожалуйста, говорить глупости, сказала она. Добрый Боженька далъ тебѣ сестрицу три мѣсяца тому назадъ. Зачѣмъ же онъ будетъ такъ скоро давать тебѣ братца?

Принцесса обидѣлась.

— А я говорю правду, заявила она, обращаясь къ гостямъ. — Мама была больна и Боженька далъ намъ сестрицу. А теперь у папы болитъ животикъ, значитъ у насъ братецъ будетъ.

Что вы будете дѣлать съ такой логикой? И всѣ замолчали. А потомъ дамы много смѣялись, а мужчины хохотали до слезъ. И всѣ были очень довольны и вечеръ удался на славу.

Милая, славная дѣтвора! Пользуйтесь и наслаждайтесь беззаботнымъ золотымъ дѣтствомъ, невинными годами наивностей, шалостей, конфектъ и игрушекъ. Потомъ придетъ жизнь. Она избороздитъ ваше ясное чело глубокими морщинами и изъ каждой морщины будетъ выглядывать или горе, или порокъ. Она сгонитъ свѣжій румянецъ съ вашихъ розовыхъ щечекъ, замѣнивъ его желчной блѣдностью и нездоровой желтизной. Она согнетъ вашу крѣпкую спину, наложивъ на плечи тяжесть жизненныхъ заботъ.

Когда усталый и разбитый человѣкъ откажется служить жизни, она дастъ ему въ награду могилу. А когда онъ будетъ лежать въ ней, холодный, прямой, страшный и бѣлый, какъ мраморъ, люди запоютъ о безсмертіи и о томъ чудномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія

ни болѣзней. Его это вовсе не устраиваетъ. Онъ готовъ удрать изъ могилы, онъ готовъ промѣнять это чудное мѣсто на дюжину ревматизмовъ, двѣ дюжины катарровъ и сотню бронхитовъ, лишь бы только прожить еще хоть съ годикъ. Но его родные неумолимы: они засыплютъ его землей и придавятъ его великолѣпнымъ, но тяжелымъ камнемъ, который не сдвинется никогда.

Такъ пользуйтесь же каждой минутой жизни, потому что жизнь на землѣ есть великое благо, которое дается каждому одинъ только разъ. Есть другая жизнь лучшая чѣмъ наша, но ее не всякій получитъ. А нашу получаетъ всякій, и богачъ, и бѣднякъ, и умный, и глупый...

Утромъ я видѣлъ, какъ приготовляли на нашемъ дворѣ лошадей для губернатора и надѣвали имъ на уши красные наушники. Суетилась полиція и обыватели, но изъ невзначай подслушанныхъ разговоровъ я вынесъ впечатлѣніе, что здѣшній губернаторъ пользуется любовью и уваженіемъ и его проѣздъ по губерніи не пугаетъ, а привѣтствуется.

Нѣкоторую часть пути намъ пришлось ѣхать впереди него. Я видѣлъ приготовленія къ встрѣчѣ; крестьяне, завидѣвъ нашъ автомобиль, принимали насъ за ожидаемое начальство и выносили хлѣбъ-соль. Мы усиленно махали руками и знаками указывали назадъ, послѣ чего хлѣбъ-соль ставилась обратно на столъ и крестьяне независимо надѣвали шапки. Чтобы не нарушать впечатлѣнія, мы при первой возможности свернули въ сторону, хотя пришлось ѣхать по не совсѣмъ удобной дорогѣ.

Переночевавъ въ Бѣлгородѣ и поклонившись св. Іоасафу, мощи котораго открыто почиваютъ въ соборѣ, рано утромъ направились мы дальше на Харьковъ. Это было сплошное наслажденіе: погода великолѣпная, шоссе чудное,

мы развивали мѣстами скорость до 85 верстъ въ часъ. Но приходилось быть очень внимательными. Здѣсь на шоссе устроены т. н. „лотки“, углубленія для стока водъ. Издали они совершенно незамѣтны, а на большомъ ходу очень опасны.

Что сказать про Харьковъ? Городъ красивый, университетскій, торговый и пыльный. Очень красивыя зданія, нарядная толпа, и несмотря на удушающую жару — большое оживленіе на улицахъ. Но духота поражающая, дышать нечѣмъ, а раскаленный воздухъ улицы заставляетъ васъ сидѣть дома. Здѣсь я понялъ краснокожихъ. Они давно оцѣнили надлежащимъ образомъ удобство отсутствія костюма. Я вполнѣ раздѣляю ихъ убѣжденія. А тогда въ ту минуту я положительно не могъ понять, для чего люди выдумали одежду. Если они выдумали ее для согрѣванія, то одежду слѣдуетъ носить только въ холодномъ климатѣ. Если же они выдумали ее для красоты, то вѣдь давнымъ давно извѣстно, что на свѣтѣ нѣтъ ничего красивѣе человѣческаго тѣла. Я никогда не повѣрю, чтобы одежду требовала стыдливость и скромность: наши общепринятые костюмы, особенно женскіе заключаютъ въ себѣ гораздо больше идею раздѣванія, чѣмъ идею одѣванія.

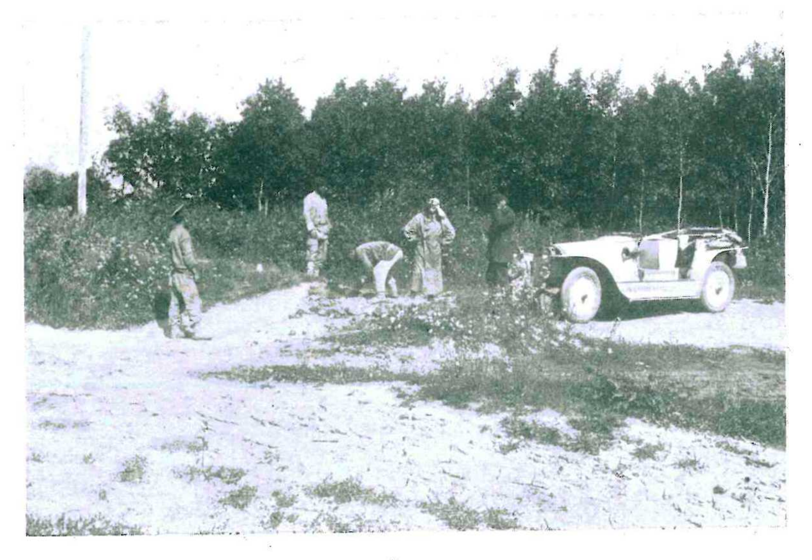
Взгляните на какое нибудь невинное созданіе семнадцати или восемнадцати лѣтъ отъ роду, стыдливо опускающее глаза при разговорѣ съ вами на балу у вашей бабушки. Оно вспыхиваетъ и дѣлаетъ негодующую гримаску, когда вы говорите о красотѣ ея руки. Или посмотрите на молодого человѣка, разговаривающаго на томъ же балу съ вашей бѣлокурой кузиной. Онъ надѣлъ на себя фракъ и серьезно воображаетъ себя вполнѣ прилично одѣтымъ. Я думаю, что если бы папуасъ увидѣлъ фракъ,

Холодная ванна.

По морю, яко по суху.

Постройка собственнаго шоссе.

Красивое мѣстечко на трактѣ.

онъ надѣлъ бы его задомъ напередъ. Тоже самое сдѣлалъ бы и древній грекъ, и римлянинъ, и всякій здравомыслящій человѣкъ. А мы находимъ фракъ красивымъ элегантнымъ и удобнымъ костюмомъ.

Я терпѣть не могу сухую и фальшивую мораль, я оставляю ее старымъ дѣвамъ и состарившимися ханжамъ. Они съѣли свои зубы и ворчатъ теперь на тѣхъ, у кого осталось кое-что во рту. Но мнѣ кажется, что было бы несравненно нравственнѣе и честнѣе открыто признать то, чему мы всѣ поклоняемся еще съ перваго дня нашего существованія на землѣ. Древніе греки давно признали это. Они увѣковѣчили дивную человѣческую красоту вдохновеннымъ рѣзцомъ безсмертнаго Фидія и Праксителя. Они перенесли ее на небо, надѣливъ своихъ боговъ обворожительной наружностью и мускулистымъ тѣломъ, а богинь дѣвственной свѣжестью и стройной гармоніей формъ женщины. Что сказали бы моралисты, если бы Аполлонъ надѣлъ на себя фракъ, а Венера устроила бы себѣ осиную талію, затянувшись въ корсетъ? Положимъ моя философія—это философія 40° жары...

Пробывъ въ Харьковѣ сутки, — здѣсь у насъ была назначена дневка, — и изрядно поскучавъ въ бездѣйствіи, мы направились на Екатеринославъ. Жара была свыше 50°, а приходилось ѣхать по открытому проселку, среди полей.

Въ этихъ случаяхъ автомобиль незамѣнимъ: на быстромъ ходу совершенно не замѣчаешь зноя; зато на остановкахъ сразу попадаешь въ отчаянное пекло и ждешь не дождешься, пока поправятъ шину, или подтянутъ какіе-нибудь ремни у чемодана.

По дорогѣ встрѣтили сонныхъ воловъ съ сонными возницами, спавшими непробуднымъ сномъ на своихъ

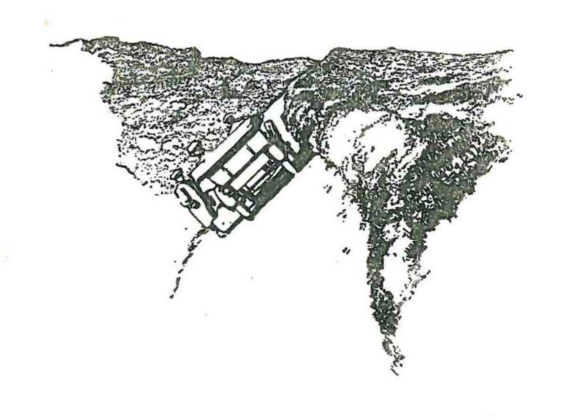
возахъ. Бабы были поживѣе и многія слѣзали съ возовъ, чтобы поглядѣть на машину. На остановкѣ одна изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, спросила, указывая на завернутаго въ хламиду отъ пыли и вооруженнаго очками Нагеля.

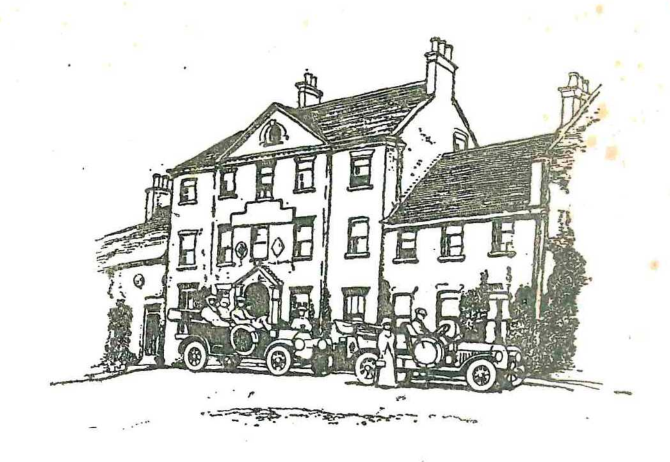
— А это що же везете съ собою?

— Какъ что? Да это же человѣкъ...

— Человікъ? Ну ужъ и кака... ну же и человікъ!

Бѣдные мои спутники, обрившіе по-спортсменски усы и подбородки, дѣйствительно обратились въ „каку“ подъ вліяніемъ зноя и пыли. Впрочемъ и я былъ не лучше ихъ...

XII.

Въ Екатеринославъ прибыли мы довольно поздно и къ гостинницѣ добрались совсѣмъ въ темнотѣ: пришлось долго ѣхать по длиннѣйшему желѣзнодорожному мосту черезъ Днѣпръ, ѣзда допускается только шагомъ.

Днѣпръ здѣсь великолѣпіе и восторгъ. Широкая гладь воды, покрытая мелкой чешуей серебряной зыби, уходитъ вдаль и теряется въ сумеркахъ. А южная ночь уже захватила краемъ темнаго своего полога и Днѣпръ, и берега, и зеленѣющій у самаго моста островокъ. Справа и слѣва, словно нити самоцвѣтныхъ камней, протянулись огни заводовъ. Высокія трубы извергаютъ дымъ и совсѣмъ закоптили облака, отчего Днѣпръ кажется еще темнѣй, еще шире, еще грознѣй.

Миновавъ мостъ, автомобиль направился вдоль по тѣнистому бульвару, идущему во всю длину главной артеріи Екатеринослава. У меня осталось впечатлѣніе, что весь городъ заключается въ этой одной улицѣ, утопающей въ акаціяхъ, а все остальное — придатки, проулочки и переулочки. Впрочемъ, здѣсь есть историче-

скій садъ съ дворцомъ и извѣстный музей Поля; къ сожалѣнію, я, увлекшись заводами, не успѣлъ посмотрѣть этихъ достопримѣчательностей. Второе впечатлѣніе было то, что городъ этотъ никогда не спитъ: всю ночь въ открытое окно несся шумъ экипажей и оглушительный гулъ голосовъ, а раннимъ утромъ бульваръ былъ полонъ народа.

Наконецъ, третье впечатлѣніе это то, что я попалъ въ израильское царство. Бульваръ и сады кишмя кишатъ представителями этого племени. Полногрудыя жирныя іудейки, въ модныхъ платьяхъ, позволяющихъ видѣть ихъ толстыя икры, шли подъ руку съ молодыми израильтянами въ фасонистыхъ штиблетахъ и соломенныхъ шляпахъ.

На утро послѣ пріѣзда я отправился къ М. С. Копылову, о которомъ мнѣ говорили еще въ Петербургѣ, какъ о человѣкѣ, знающемъ весь край, и объ энергичномъ мѣстномъ дѣятелѣ; заручившись его содѣйствіемъ, я рѣшилъ воспользоваться дневкой автомобиля и, посмотрѣвъ заводы въ городѣ, съѣздить по желѣзной дорогѣ на рудники въ Кривой Рогъ, и въ Юзовку на каменноугольныя копи.

Конечно, прежде всего и больше всего приходится говорить о Брянскомъ, или, какъ онъ офиціально называется, Александровскомъ южно-русскомъ заводѣ, едва ли не единственномъ, гдѣ вся администрація исключительно русская. Подобный ему въ этомъ отношеніи еще Сулинскій заводъ. На остальныхъ же, какъ, напр., Днѣпровскомъ, Дружковскомъ, Макѣевскомъ, Константиновскомъ, Таганрогскомъ, Никополь-Маріупольскомъ, Краматорскомъ и проч., иностранцевъ приблизительно раза въ $1^1/_2$—2 больше, чѣмъ русскихъ.

Если вообще наши южные заводы по масштабу и по современности ихъ оборудованія стоятъ на высотѣ лучшихъ заводовъ Западной Европы, то Брянскій, пожалуй, продуктивнѣйшій изъ всѣхъ; до сихъ поръ онъ занималъ первое мѣсто, выплавивъ въ 1912 г. свыше 23.000.000 пуд. чугуна. На заводѣ намъ показали все устройство и провели, начиная отъ доменныхъ печей вплоть до полученія готоваго рельса. Общую площадь земли во владѣніи завода составляютъ 163 десятины, изъ нихъ подъ заводомъ 63 дес., остальныя подъ колоніей. Главныя издѣлія — чугунъ, сталь, рельсы, сортовое и кровельное желѣзо, проволока, чугунные листы и трубы, мосты и желѣзныя конструкціи, шлаковый кирпичъ и проч. При заводѣ имѣется очень хорошо оборудованная больница и прекрасно поставлено школьное дѣло: въ заводской школѣ обучаются свыше 1.000 дѣтей рабочихъ, при учительскомъ персоналѣ въ 29 лицъ.

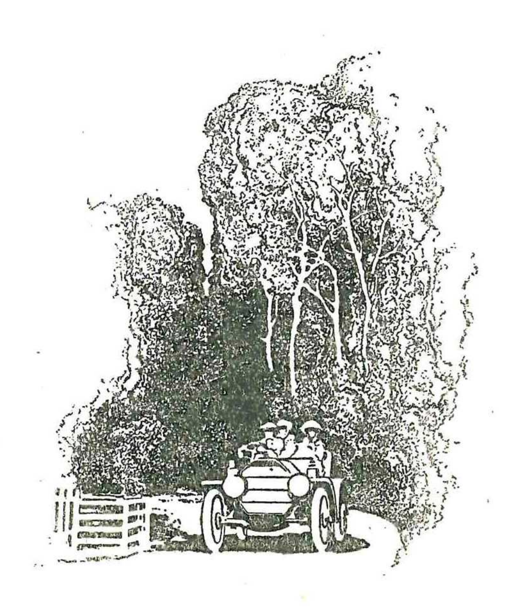
Послѣ Брянскаго завода я видѣлъ рядомъ расположенный трубный заводъ общества русскихъ трубопрокатныхъ заводовъ. Этотъ заводъ имѣетъ четыре мартеновскія печи съ производительностью свыше 5.000.000 пуд. стальныхъ болванокъ въ годъ, и листопрокатную въ 3.000.000 пуд. трубъ въ годъ. Трубы производятъ или сварочнымъ способомъ, или сваркой на водяномъ газѣ и, наконецъ, дѣлаютъ цѣльнотянутыя трубы. Кромѣ того заводъ выдѣлываетъ кровельное желѣзо, 3.000.000 пуд. въ годъ, и сейчасъ строитъ доменную печь на суточную производительность въ 20.000 пуд. чугуна, и одну мартеновскую печь въ 50 тоннъ, которую впервые пустили въ ходъ какъ разъ въ день нашего пріѣзда. Этотъ заводъ исполняетъ между прочимъ заказы морского вѣдомства, и душа моя насытилась, когда я слушалъ жалобы

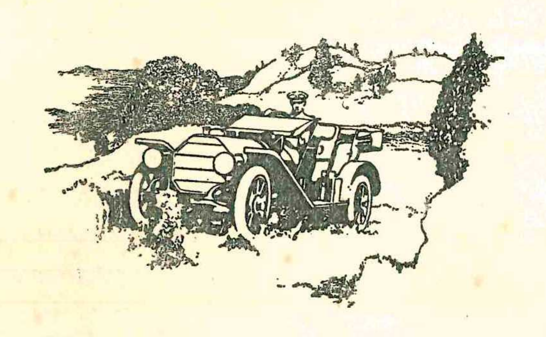
директора на строгость пріемки. Въ добрый часъ! Такая строгость говоритъ очень многое въ пользу морского министерства.

Но все-таки наибольшее впечатлѣніе произвели на меня доменныя печи Брянскаго завода. Это не тѣ толстыя и неуклюжія сооруженія, какія видѣли мы въ старыхъ учебникахъ. Нынѣшняя домна — это не безъ граціи построенная, суживающаяся кверху, башня, кокетливо прикрытая колпакомъ и окруженная свитой огромныхъ кауперовъ, насыщающихъ ее горячимъ воздухомъ. Это милое созданіе съѣдаетъ ежеминутно порціи руды съ соотвѣтствующими примѣсями, подаваемыя наверхъ особой ладьей, емкостью на 400 п. Эта ладья приспособлена такъ, что рабочему нѣтъ нужды стоять наверху и отравляться доменными газами, — изобрѣтеніе нынѣшняго директора завода, Н. Н. Гогоцкаго. Полъ домны охлаждается цѣлыми потоками воды, омывающими ее со всѣхъ сторонъ. А внутри клокочетъ адъ, — сквозь небольшое отверстіе, прикрытое синимъ стекломъ, виденъ кипящій металлъ съ раскаленными шлаками. Выпускъ шлаковъ очень эфектенъ. Они выпускаются изъ домны прямо въ водяной бассейнъ; вода закипаетъ, пары поднимаются надъ раскаленной массою, происходитъ настоящее изверженіе и вода съ шипѣніемъ борется съ огненной лавой. И тутъ же громаднѣйшій аппаратъ, называемый рабочими „ракъ", захватываетъ своими щупальцами остывшій шлакъ и, тяжело повернувшись, передаетъ его на вагонетку. Но еще эффектнѣй выпускъ чугуна. Милліоны искръ, цѣлый фейерверкъ вылетаетъ изъ пылающаго отверстія, какъ только выбьютъ пробку, и чугунъ льется какъ вода, распространяя вокругъ ослѣпительный свѣтъ и адскую жару. Я видѣлъ потомъ, какъ вливали жидкій чугунъ въ бесемеровскую печь. Печь изрыгала пламя, по его цвѣту и напряженію опытный глазъ судилъ о готовности; потомъ печь опрокидывалась и выливала всю готовую сталь. Мартеновская печь деликатнѣе и сталь изъ нея получается болѣе мягкая. Я видѣлъ, какъ кипѣла въ ложницахъ мартеновская сталь, — словно молоко. Потомъ раскаленную болванку тянули черезъ обжимы, обжимы страстно сжимали ее въ своихъ горячихъ объятіяхъ и бѣдная болванка дѣлалась все тоньше и длиннѣе и постепенно превращалась въ длинный рельсъ. Со свистомъ и визгомъ въ тучѣ блестящихъ искръ распиливала рельсъ на части электрическая пила. А въ другомъ отдѣленіи уже готовые рельсы выпрямляли, затѣмъ высверливали гнѣзда, и рельсы длинными рядами отдыхали до пріемки.

Полный впечатлѣній я вернулся домой и, немного отдохнувъ, въ два часа ночи сѣлъ на поѣздъ, чтобы ѣхать въ Кривой Рогъ на рудники.

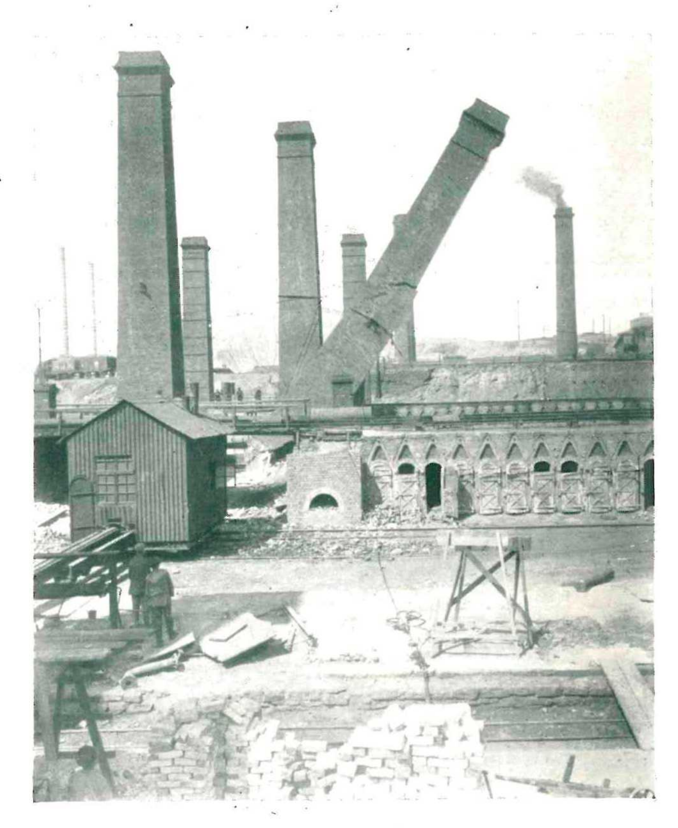

XIII.

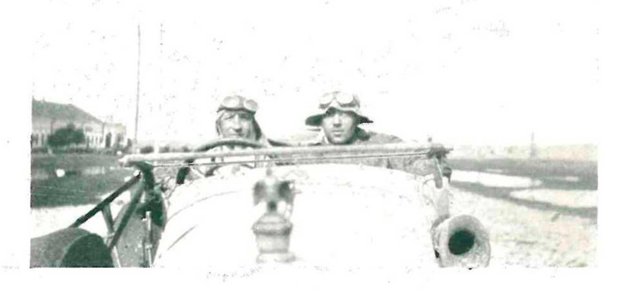
Я пріѣхалъ въ Кривой Рогъ раннимъ утромъ. Былъ день Преображенія, работы не производились, звонили колокола, погода великолѣпная, настроеніе праздничное. Самое мѣстечко очень велико; кажется, уже возбуждено ходатайство о возведеніи его въ рангъ безуѣзднаго города. Можетъ быть тогда новый городъ почистится и приведетъ себя въ порядокъ. А пока здѣсь или море грязи, или облака пыли, — середины нѣтъ. Шоссе не ремонтировалось, по свидѣтельству мѣстнаго языка, уже 15 лѣтъ.

— Земство ничего не дѣлаетъ, а налоги деретъ, — сказалъ мнѣ все тотъ же языкъ.

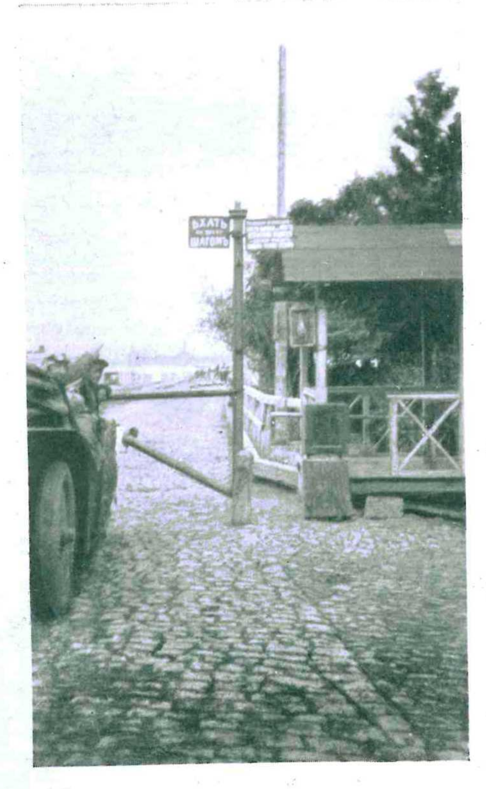
Такъ ли это, — не знаю. Но что криворожцы не сумѣли уберечь памятникъ благодѣтеля края, А. Н. Поля, это вѣрно: бронзовый его бюстъ давно уже украденъ. Я видѣлъ богатые рудники, превосходно поставленную администрацію, хорошо оборудованныя школы и больницы, — не грѣхъ было бы, кому слѣдуетъ, подумать и о бережномъ храненіи памяти человѣка, положившаго начало теперешнему богатству округа. Петръ Великій, глядя на поднесенный ему кусокъ руды, сказалъ:

Валятъ трубу.

Въ пути.

Досадный шлагбаумъ.

Бабушка.

— Сей минералъ не намъ, но потомкамъ нашимъ весьма пригоденъ будетъ.

Черезъ полтораста лѣтъ помѣщикъ Поль, разсматривая бумаги князя Потемкина, нашелъ въ нихъ указаніе на богатства екатеринославскихъ нѣдръ; онъ заарендовалъ у крестьянъ Кривого Рога неудобныя земли, и теперь общество криворожскихъ желѣзныхъ рудниковъ имѣетъ доменный заводъ и рудники. Газы утилизируются для центральной станціи, энергія которой передается на рудники. Крестьяне, получая по договору по 1 коп. съ вывезеннаго пуда руды, имѣютъ до 600,000 руб. годового дохода, не считая перевозки руды на своихъ лошадяхъ, что тоже обусловлено.

Одинъ изъ богатѣйшихъ рудниковъ, а именно рудникъ наслѣдниковъ Галковскихъ интересенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мѣстность была перекрыта кварцитомъ и руду нашли совершенно неожиданно. Громадная котловина рудника совершенно синяя, — вкусно смотрѣть на великолѣпную руду.

Наконецъ я попалъ на знаменитую Дубовую Балку, единственный въ своемъ родѣ рудникъ на югѣ Россіи. Здѣсь находится самая глубокая для желѣзной руды шахта, вырабатывающая около 25.000,000 пудовъ въ годъ, куда я не преминулъ спуститься и откуда вышелъ весь измазанный въ красной землѣ. Я хотѣлъ посмотрѣть и другіе рудники, но нужно было спѣшить на поѣздъ, чтобы ѣхать на юзовскія копи; я едва поспѣлъ, поѣздъ уже подходилъ.

Ночью прошла сильная гроза. Вспышки молніи освѣщали окна вагона и мѣшали спать; раскаты грома заглушали грохотъ поѣзда. Въ вагонѣ душно и не разъ вспоминалъ я милый автомобиль: правда, отъ такого дождя не спасъ бы никакой тентъ, но зато дышалось бы легко

и привольно. Къ утру стало свѣжо. Но вотъ встало румяное солнце, омытое ночнымъ дождемъ. Оно пригрѣло почву, и я, выйдя на станціи Юзово, съ наслажденіемъ прокатился на сытыхъ заводскихъ коняхъ по раскисшей землѣ; администрація Новороссійскаго завода очень любезно выслала за мной лошадей.

Прежде всего я направился на Новосмоляниновскій рудникъ, который привлекалъ меня своими шахтами. Ихъ двѣ; одна для подъема, а другая для вентиляціи и водоотлива. Онѣ самыя глубокія въ Россіи—370 саж.—и самыя опасныя по газу и по каменноугольной пыли, которая имѣетъ способность легко воспламеняться.

— Я попрошу васъ оставить въ конторѣ папиросы и спички,—сказалъ мнѣ директоръ, подписывая пропускъ.—Не снимайте шапки ни въ какомъ случаѣ. Будьте осторожны и не рискуйте.

Съ такимъ предупрежденіемъ я вошелъ въ контору, гдѣ меня подхватили два студента-практиканта. Оба горняка перепачканы въ углѣ, съ черными лицами, одѣты, какъ шахтеры, и съ лампочками у пояса. Меня тоже снабдили лампой, переодѣли, и мы втроемъ отправились въ шахту. Огромная клѣть подъемника уже ждала насъ. Дежурный снова предложилъ сдать спички, табакъ. Рабочій спустилъ желѣзную перекладину у клѣти. Все готово: подается сигналъ.

— Вотъ кулаки убрали, теперь мы висимъ въ пространствѣ,—сказалъ горнякъ.

Мнѣ очень понравилось это „пространство“, болѣе чѣмъ въ два раза превышавшее Эйфеля.

— А оборваться можемъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Машину каждый день осматриваютъ, два часа времени на это уходитъ. Ну, а на случай чего, парашюты, тормоза, все это въ полномъ порядкѣ и по послѣдней системѣ.

— Дѣйствуетъ?

— Какой чортъ, — успокоилъ меня горнякъ. — Какіе же тормоза такую махину выдержатъ? Все срѣжетъ, какъ ножомъ. Да одинъ стальной тросъ чего стоитъ: такъ хватитъ, что любо-дорого...

Клѣть вздрогнула, и мы полетѣли внизъ. Скорость страшная, — весь спускъ занимаетъ всего нѣсколько секундъ. Уши сразу заложило, дыханіе перебивается, и голоса почти не слышно. Вдругъ мы съ еще большей быстротой понеслись вверхъ, потомъ снова внизъ. Но это былъ самообманъ: мѣнялась скорость, какъ объяснили мнѣ горняки. Легкое сотрясеніе,—остановка, мы спустились.

Широкій корридоръ, высокіе своды, сіяютъ электрическія лампы. Гдѣ же страшные узкіе ходы, рудничный газъ и прочіе ужасы, о которыхъ такъ много читалось въ дѣтствѣ? Корридоръ уходитъ вдаль, за поворотомъ нельзя видѣть его длины.

Горнякъ забавляется моимъ смущеніемъ, это видно по его закопченному лицу. Но молодежь вообще тактична, онъ деликатно приходитъ мнѣ на помощь.

— Вы плохо слышите? Это отъ скорости. Сейчасъ пройдетъ, это ничего.

Оба они заботливо свѣтятъ мнѣ своими фонариками, я такъ и иду подъ конвоемъ: одинъ впереди, другой сзади.

— Теперь пожалуйте въ печку...

Батюшки, они кажется собираются меня сжарить! Ихъ двое, я одинъ, кругомъ тьма, электрическихъ лампъ уже нѣтъ, и надъ головой толща земли почти съ версту.

Температура удушающая,—и вдругъ предлагаютъ лѣзть въ печку... Но печкой оказался ходъ, закрытый толстой деревянной дверью, которую едва открыли вслѣдствіе напора воздуха. Приходится пробираться чуть-ли не ползкомъ, а такихъ печей нѣсколько. Горняки великолѣпно знали рудникъ и водили меня повсюду, въ отдаленнѣйшіе уголки. Мы шлепали по черной водѣ, забирались въ оставленные ходы, ходили по заброшеннымъ, уже ненужнымъ галлереямъ; я видѣлъ выпятившуюся обшивку, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ давятъ со всѣхъ сторонъ самый воздухъ мощные пласты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навстрѣчу дуетъ сильный вѣтеръ,—слышенъ ревъ и гулъ воздуха и положительно невозможно открыть дверей. Это работаетъ превосходно поставленная вентиляція. Иногда насъ обдаетъ мелкая водяная пыль, ею борются съ каменноугольной пылью: въ рудникѣ устроены т. н. водяныя зоны.

— Партія-я-я!

Гдѣ-то далеко въ темнотѣ загорается звѣздочка. Она растетъ, — это сигнальный фонарь. Мы прижимаемся къ стѣнѣ, и мимо стремглавъ съ грохотомъ проносится поѣздъ вагонетокъ. Идемъ дальше. Хлопъ! Шапка слетѣла съ головы: я недостаточно наклонился, забывъ про низкій сводъ. Тутъ оцѣнилъ я совѣтъ директора не снимать шапки, — это предостерегающій сигналъ.

Наконецъ я взмолился о пощадѣ и, совершенно измученный, поднялся на дневную поверхность. Подъемъ еще интереснѣе, чѣмъ спускъ, но здѣсь происходитъ обратное явленіе и при переломѣ скорости кажется, что летишь внизъ. Съ смутнымъ чувствомъ покинулъ я клѣть: было радостно, и жалко. Но я понялъ, что здѣсь, въ шахтахъ, должны обостряться нервы и мѣсто всякимъ суевѣріямъ.

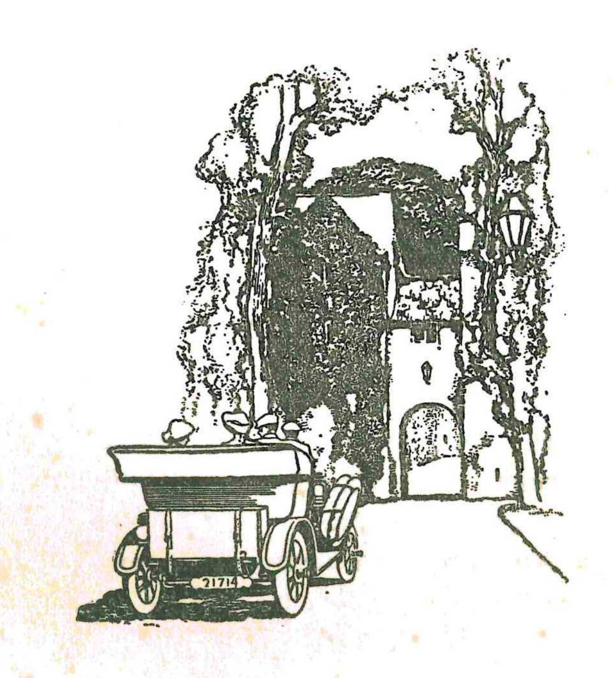
Онѣ существуютъ. Женщина въ шахтѣ приноситъ несчастіе. Передъ катастрофой появляется привидѣніе въ видѣ женщины же. Если мыши, крысы уходятъ изъ шахты и бросаются къ клѣти, — быть бѣдѣ. Такихъ суевѣрій масса, но суевѣрія ли это? Не наблюденія ли и предчувствія, выливающіяся въ особую, не изученную еще пока форму?

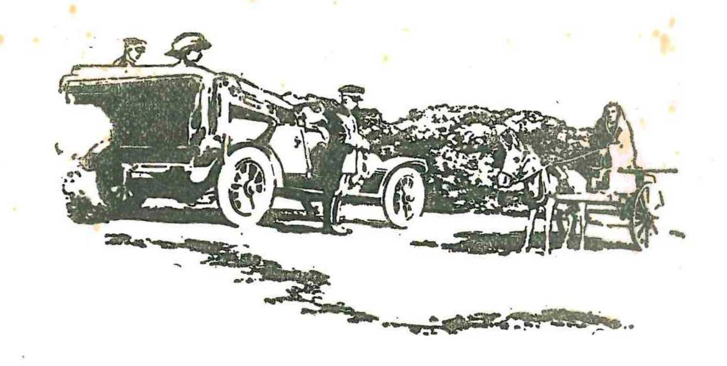
Здѣсь видѣлъ я живое привидѣніе тамошнихъ мѣстъ. Оно сидѣло на скамеечкѣ надъ ямой, среди наваленныхъ кусковъ каменнаго угля и внимательно слѣдило за рабочими. Это привидѣніе очень благожелательно къ заводу и навѣрно приноситъ ему счастье. Во всякое время года и каждый день, какова-бы ни была погода оно показывается на заводѣ, и рабочіе привѣтливо снимаютъ шапку, встрѣтивъ почтенную фигуру библейскаго типа съ сѣдой бородой и острымъ взглядомъ полупотухшихъ глазъ. Это бывшій заводскій врачъ, докторъ Гольгардъ. Онъ служилъ на заводѣ множество лѣтъ, чуть ли не съ самаго основанія, а теперь живетъ на пенсіи. И каждый день приходитъ онъ къ роднымъ мѣстамъ, цѣлыми часами молча сидитъ на любимой скамейкѣ, вперивъ взоръ свой въ пламенѣющій металлъ. Это—духъ завода, это—живой его пантакль; а рабочіе называютъ его „домовикъ“...

Наверху мнѣ показали великолѣпную электрическую станцію и новѣйшій способъ полученія кокса. А вечеромъ директоръ любезно показалъ мнѣ весь заводъ Новороссійскаго общества. Основателемъ общества былъ Джонъ Юзъ, которому выходы пластовъ угля были указаны мѣстнымъ старымъ пастухомъ Я. Древницкимъ. Трудности, встрѣченныя Юзомъ, были громадны. Но онъ побѣдилъ ихъ. Теперь добыча каменнаго угля доходитъ

(беру цифры 1909 г.) до 75.000,000 п. А металлургическій заводъ — одинъ изъ лучшихъ въ Россіи. Число рабочихъ на заводѣ и рудникахъ свыше 15,000 ч.

Поздней ночью сѣлъ я въ поѣздъ и укатилъ изъ Юзовки. А на утро, наконецъ, вновь увидѣлъ свой славный, почтенный, потрепанный дорожными невзгодами, заслуженный автомобиль. Снова я здѣсь, дорогой товарищъ, — поѣдемъ съ тобой дальше по роднымъ дорогамъ, черезъ привольныя степи и зеленые лѣса!

XIV.

Эту главу мнѣ хочется посвятить нѣкоторымъ автомобильнымъ мыслямъ, пользуясь тѣмъ, что Нагель великолѣпно правитъ автомобилемъ и мнѣ совершенно не нужно слѣдить за дорогой и машиной. Къ концу этой главы мы благополучно, — въ чемъ я не сомнѣваюсь, — прибудемъ въ Одессу. А пока займемся, какъ говорятъ солдаты, словесностью.

Прежде всего обратимся къ превосходному „Курсу автомобилизма“ Н. Г. Кузнецова. Почтенный Н. Г. вѣроятно не разсердится на меня за длинную выписку изъ его труда.

Уже съ начала 1895 года,—говоритъ Н. Кузнецовъ,—конструкторы были въ состояніи строить паровые и бензиновые автомобили. Однако сбытъ ихъ былъ затруднителенъ, публика относилась къ нимъ весьма недовѣрчиво и не придавала особеннаго значенія всему автомобильному дѣлу. Необходимо было поразить ея воображеніе, чтобы доказать дѣйствительную цѣнность и значеніе этихъ новыхъ машинъ.

Въ это время Жиффару пришла мысль устроить гонку автомобилей, для чего были собраны разнообразные автомобили и пущены всѣ по одной дорогѣ между Парижемъ и Руаномъ. Публика имѣла возможность выяснить сравнительныя качества всѣхъ автомобилей, принявшихъ участіе въ этомъ состязаніи.

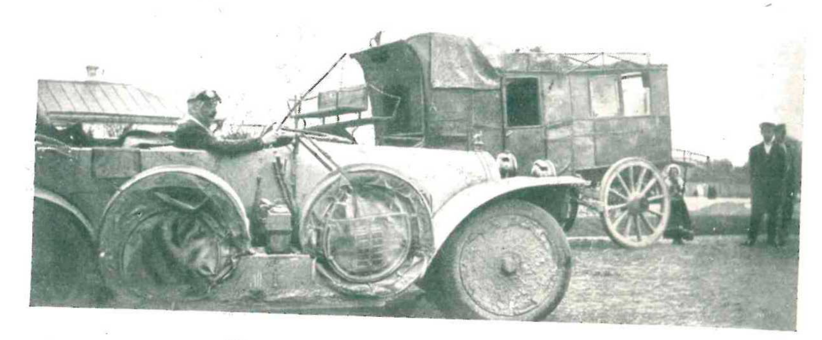
Въ этой первой гонкѣ, организованной журналомъ „Le petit Journal" въ 1894 году между Парижемъ и Руаномъ (разстояніе 126 километровъ), приняло участіе 102 автомобиля: 38 бензиновыхъ, 29 паровыхъ, 5 автомобилей, дѣйствующихъ сжатымъ воздухомъ, 5 электрическихъ и 25 другихъ типовъ.

Побѣдителями были автомобили фирмы Панаръ-Левассоръ и Пежо, между которыми былъ раздѣленъ призъ. Паровой автомобиль Де Діонъ и Лебланъ получилъ второй призъ; далѣе слѣдовали остальные бензиновые автомобили.

Успѣхъ гонки создалъ такую хорошую рекламу этому новому виду спорта, что въ слѣдующемъ 1895 году была организована вторая гонка, на болѣе значительную дистанцію въ 1200 километровъ, Парижъ-Бордо-Парижъ.

Согласно условію гонки всѣ автомобили должны были имѣть не менѣе двухъ пассажировъ, а первый призъ могъ быть присужденъ только четырехмѣстному экипажу.

Эта гонка была на скорость; всего записалось 46 автомобилей, изъ которыхъ было 29 бензиновыхъ, 15 паровыхъ и только 2 электрическихъ. Левассоръ, управлявшій двухмѣстнымъ автомобилемъ Панаръ-Левассоръ, пришелъ первымъ въ 48 час. 47 минутъ; вторымъ былъ четырехмѣстный автомобиль Пежо — въ 59 час. 48 ми-

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій.

Опять по водѣ.

Нужно мѣнять шину.

У руля.

нутъ и, согласно условію гонки, получилъ первый призъ; большинство паровыхъ и электрическихъ автомобилей осталось въ пути, не кончивъ гонки. Эта гонка считается въ исторіи автомобилизма родоначальницей всего автомобильнаго спорта.

Съ 1895 года уже начинается правильное производство автомобилей, спросъ на нихъ начинаетъ быстро возрастать, и надо признать, что 1895 годъ справедливо считается годомъ зарожденія автомобилизма.

Въ 1896 г. была устроена гонка Парижъ-Марсель-Парижъ, на дистанцію въ 1,720 километровъ. Во время этой гонки было примѣнено раздѣленіе всѣхъ автомобилей на категоріи, въ зависимости отъ вѣса машинъ и ихъ размѣровъ. Изъ 52 стартовавшихъ автомобилей было 48 бензиновыхъ и 4 паровыхъ. Автомобиль Панаръ-Левассоръ пришелъ первымъ, сдѣлавъ весь путь въ 67 час. 43 минуты со среднею скоростью въ 25 клм. въ часъ.

Въ слѣдующемъ 1897 году состоялась гонка Парижъ - Ницца - Монте Карло. Эта гонка интересна тѣмъ, что на ней 16 автомобилей было уже снабжено пневматическими шинами.

Въ томъ же году была гонка Парижъ-Дьеппъ, въ которой изъ 52 участниковъ благополучно достигли ѳиниша 41, что уже было весьма хорошимъ результатомъ для автомобилей того времени.

Гонка 1898 года между Парижемъ и Амстердамомъ является въ исторіи автомобилизма одной изъ наиболѣе важныхъ въ отношеніи полученныхъ техническихъ результатовъ. Первый призъ получилъ автомобиль ѳирмы Панаръ-Левассоръ, которымъ управлялъ Шарронъ. Средняя скорость на этой гонкѣ была 44 километра въ часъ.

Гонки автомобилей ясно доказали жизненность и практическое значенiе автомобилизма; продажа автомобилей стала быстро расти; конструкцiя автомобилей, на основанiи результатовъ ежегодныхъ испытанiй, совершенствовалась изъ года въ годъ, причемъ постепенно увеличивалась и скорость, развиваемая автомобилями.

Автомобильныя гонки на скорость, хотя и имѣли громадное значенiе для развитiя и усовершенствованiя автомобильной техники, въ то же время являлись мало полезными для всѣхъ интересующихся автомобилемъ съ чисто практической точки зрѣнiя. Вслѣдствiе этого, попутно съ гонками на скорость, начали устраивать пробѣги автомобилей на выносливость, въ которыхъ главную роль играла не скорость автомобиля, которая правилами состязанiя была ограничена, а выносливость и прочность автомобиля. Особенно интересныя испытанiя на выносливость устраиваются въ Англiи, Америкѣ и, начиная съ 1909 г., также и у насъ въ Россiи.

Можно утверждать, что автомобильныя гонки были одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ конструкторовъ приложить всѣ усилiя къ разработкѣ и улучшенiю конструкцiи автомобилей. Возрастанiе скорости, тяжелыя условiя работы, въ которыхъ находятся автомобильные двигатели, требовали спецiальнаго и внимательнаго изученiя самыхъ мелкихъ составныхъ частей его; фабрикацiя ихъ должна была быть самая тщательная. Понятно, что, соотвѣтственно этимъ требованiямъ, приходилось улучшать и совершенствовать также и инструменты и машины для обработки металловъ; на ряду съ этимъ и металлургамъ необходимо было производить различныя испытанiя и изслѣдованiя для выработки спецiальныхъ сортовъ металла, отвѣчавшихъ предъявленнымъ къ нимъ новымъ условiямъ работы. Полученiе такихъ новыхъ, спецiально отвѣчающихъ своему назначенiю сортовъ стали, дало конструкторамъ возможность довести современные автомобили до высокой степени совершенства, соединяя при этомъ необходимую прочность съ легкостью конструкцiи, такъ выгодно отличающей современное шасси.

Уже съ самаго начала появленiя механическихъ экипажей замѣчалось стремленiе конструкторовъ примѣнить таковые для перевозки пассажировъ и грузовъ. Въ этомъ отношенiи на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Англiя, въ которой уже въ 1880—1885 годахъ были попытки устроить правильные автомобильные рейсы.

Въ послѣднее время правильныя автомобильныя сообщенiя имѣются уже во всѣхъ странахъ мiра, и, какъ показываетъ статистика, почти вездѣ получаются благопрiятные результаты. Во Францiи, Бельгiи и Италiи имѣются нѣсколько линiй значительнаго протяженiя (400—500 клм.), которыя обслуживаются пассажирскими автобусами настолько же правильно и хорошо, какъ и линiи желѣзныхъ дорогъ. Благодаря незначительности первоначальныхъ затратъ, требующихся для открытiя правильнаго автомобильнаго сообщенiя, по сравненiю съ таковыми же при устройствѣ линiи желѣзной дороги, а равно возможности немедленно открыть движенiе, автомобильныя линiи часто являются болѣе выгодными, чѣмъ линiи желѣзной дороги, или трамвая. Въ послѣдне время пассажирскiе автобусы появились кое-гдѣ и у насъ въ Россiи.

Наиболѣе употребительные автобусы для перевозки пассажировъ въ городахъ имѣютъ 35—40 мѣстъ; для автомобильныхъ междугородныхъ линiй обыкновенно употребляются 14—24 мѣстные автобусы.

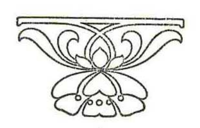
Параллельно съ развитіемъ пассажирскихъ автобусовъ замѣчается въ послѣднее время быстрое развитіе автомобилей грузовыхъ, служащихъ для перевозки товаровъ и грузовъ всякаго рода. Значительное развитіе и распространеніе грузовые автомобили получили въ Англіи и Америкѣ, гдѣ почти всякое крупное предпріятіе имѣетъ грузовики, для быстрой транспортировки товаровъ изъ мѣстъ ихъ приготовленія къ вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, или къ пароходнымъ пристанямъ, находящимся часто на большихъ разстояніяхъ. Грузовые автомобили строятся самыхъ разнообразныхъ типовъ, при чемъ полезная нагрузка бываетъ отъ 1/2 до 10 тоннъ на грузовикъ. Примѣняя прицѣпныя повозки къ грузовику, или пользуясь поѣздами Ренара, полезный грузъ можетъ быть доведенъ до 30 тоннъ при одномъ поѣздѣ, состоящемъ изъ локомотора и нѣсколькихъ прицѣпныхъ вагоновъ. Особенно важное и серьезное значеніе грузовые автомобили начинаютъ получать для цѣлей военныхъ, гдѣ скорость доставки грузовъ играетъ важную роль. Съ цѣлью выясненія всѣхъ преимуществъ грузовиковъ для обслуживанія арміи, во Франціи, Германіи и Англіи ежегодно устраиваются испытанія грузовиковъ. Подобныя испытанія устраивались и у насъ учебной автомобильной ротой въ Петербургѣ. Судя по даннымъ эксплоатаціи грузовыхъ автомобилей въ разныхъ странахъ, получается, что перевозка помощью грузовиковъ обходится почти всегда дешевле конной тяги, особенно же рельефный результатъ получается, если требуется срочность доставки грузовъ и товаровъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ практическихъ завоеваній человѣчества, по пути развитія техники, въ наше время является именно приспособленіе моторовъ, сначала къ экипажамъ, а затѣмъ въ различныхъ перевозочныхъ цѣляхъ. Однако прошло немало времени отъ перваго появленія автомобиля до признанія за нимъ его дѣйствительнаго значенія. Это значеніе, вслѣдствіе обширнаго практическаго примѣненія со спеціальными цѣлями въ различныхъ отрасляхъ народной жизни, приняло теперь общегосударственный характеръ, особенно имѣя въ виду службу автомобиля въ арміи, а значитъ и при оборотѣ государства.

Въ Россіи признаніе экономическаго и государственнаго значенія автомибилизма прошло ускореннымъ темпомъ, главнымъ образомъ благодаря настойчивой и неутомимой дѣятельности нашихъ клубовъ и организацій,— въ особенности же стоящаго во главѣ ихъ Императорскаго Россійскаго Автомобильнаго Общества. Въ 1909 г. совершился рѣшительный поворотъ во взглядѣ правительственныхъ сферъ на автомобилизмъ: развитіе его было признано дѣломъ государственнаго значенія. И съ этой поры разрослась и все болѣе и болѣе разростается полезная дѣятельность Общества. Оно каждый годъ вноситъ что-нибудь новое въ дѣло развитія автомобилизма въ Россіи и привлеченія къ нему общественнаго вниманія. Пробѣги, состязанія, выставки становятся все болѣе и болѣе интересными и начинаютъ выходить за предѣлы собственно автомобилизма, являясь уже событіями культурнаго и государственнаго значенія.

Историкъ развитія автомобилизма на Руси помянетъ добрымъ словомъ своимъ душу этого Общества, В. В. Свѣчина и славнаго моего спутника А. П. Нагеля.

XV.

Въ Одессу прибыли мы совсѣмъ благополучно, если не считать ужаснаго вида путешественниковъ. Густая и липкая грязь покрывала не только автомобиль, но залѣпила очки и маски, и фигуры наши казались изваянными изъ высохшей грязи. Отъ Екатеринослава и до самой Одессы шли дожди, пришлось ѣхать по совершенно раскисшему грунту. Вода была сверху и снизу, автомобиль постоянно загрузалъ, нѣсколько разъ приходилось вытаскивать его на рукахъ, и скорость движенія стала черепашьей. Но все-таки добрались безъ посторонней помощи, но въ какомъ видѣ! Городовой, увидя на щегольской Дерибасовской улицѣ наше грязное чудовище, сказалъ:

— Экъ васъ угораздило! Купались, что ли?

Подъ толстымъ слоемъ грязи онъ не различилъ знаковъ нашего достоинства и не призналъ бѣдныхъ спортсменовъ; среди сіяющихъ улицъ Одессы мы были какъ темное пятно на свѣтлой ткани богатой шелковой мебели. Къ вечеру, отмывшись и переодѣвшись, мы приняли подобающій видъ и даже фланировали по бульвару. Но машину нужно было основательно почистить и здѣсь пришлось посидѣть подольше.

Вообще машина наша до сихъ поръ служитъ превосходно, нѣтъ ни одной поломки, но пыль и грязь проникли всюду; впрочемъ и ѣдемъ-то мы уже второй мѣсяцъ. Шины тоже оказались очень хороши: въ переднихъ камерахъ у насъ петербургскій воздухъ и мы надѣемся привести его и въ самый Петербургъ. Мѣстный автомобильный клубъ принялъ насъ очень радушно, устроилъ особое засѣданіе и угостилъ превосходнымъ завтракомъ въ Лондонской гостиницѣ. Дѣла молодой организаціи идутъ, повидимому, хорошо. Но я слышалъ о недавнихъ несогласіяхъ и раздорахъ, чего не должно бы быть. И еще одно замѣчаніе: нельзя ѣздить по городу съ такой быстротой, какъ ѣздятъ въ Одессѣ.

Я лично большой поклонникъ быстрой ѣзды на автомобилѣ, она увлекательна и великолѣпна, благородный рискъ ея захватываетъ и опьяняетъ. Но если можно рисковать своей жизнью, то не слѣдуетъ рисковать чужими. Чѣмъ виноваты гуляющіе по улицѣ обыватели и дѣти, очень легко могущіе попасть подъ колеса машины при дикихъ виражахъ и преступной скорости? Я видѣлъ шестидесятисильную машину, несущуюся вечеромъ безъ фонарей по улицѣ; считаю подобное явленіе совершенно некультурнымъ и непростительнымъ. На моихъ глазахъ былъ печальный случай съ другой машиной. Я слышалъ о нѣсколькихъ недавнихъ случаяхъ подобнаго рода. И наконецъ, подъѣзжая къ Одессѣ, можно видѣть памятникъ жертвѣ неосмотрительной ѣзды. Все это, вмѣстѣ взятое, вовсе не служитъ развитію автомобилизма, а скорѣе наоборотъ. Если сами автомобилисты еще не усвоили этого,

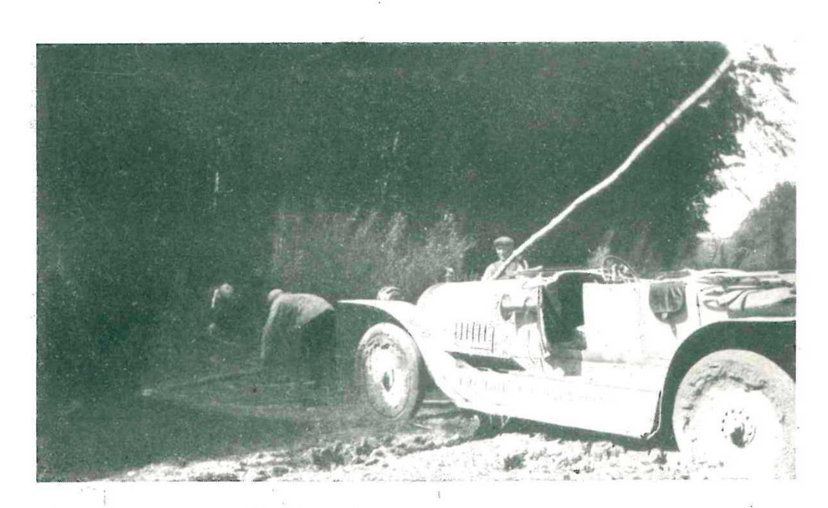
ихъ слѣдуетъ связать строгими правилами и драконовскими взысканіями безъ всякаго сожалѣнія.

Но зато, кто меня утѣшилъ, такъ это здѣшняя автомобильная дружина. Дружинники только что вернулись съ войсковыхъ маневровъ. Я говорилъ съ наиболѣе яркимъ дружинникомъ, М. П. Дмитріевымъ. Если всѣ они относятся къ дѣлу съ такимъ же увлеченіемъ, какъ онъ, то одесская дружина имѣетъ хорошее будущее. Дмитріевъ, членъ Г. Думы, человѣкъ съ солидными средствами и независимый, ярый поклонникъ автомобилизма. Онъ устроилъ здѣсь превосходный гаражъ и прекрасно оборудованныя мастерскія, цѣлую автомобильную фабрику, и является серьезнѣйшимъ піонеромъ автомобильнаго дѣла на Югѣ. Пріятно было видѣть, что начинающееся и уже прочно поставленное крупное дѣло находится всецѣло въ русскихъ рукахъ.

Побывавъ въ мастерскихъ Дмитріева, я отправился посмотрѣть гаражъ и складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ Кейса. Этотъ складъ, или вѣрнѣе постоянная выставка, хорошо извѣстенъ въ Россіи и мнѣ совѣтовали посмотрѣть его многіе изъ помѣщиковъ, съ которыми приходилось встрѣчаться въ пути. Вопросъ о механической вспашкѣ начинаетъ все болѣе и болѣе интересовать землевладѣльцевъ; большія экономіи уже переходятъ къ нему, а крестьяне на остановкахъ автомобиля, часто спрашивали меня: можно ли приспособить его къ работѣ въ полѣ? Видимо, это вопросъ не такого далекаго будущаго и во всякомъ случаѣ для насъ очень существенный. У Кейса мнѣ показали остроумно устроенные молотилки, тракторы и паровые самоходы,—громадныя допотопныя чудища, обрабатывающія по 3 десятины въ часъ и молотящія съ экономіей въ 50% рабочихъ рукъ. Огромный нефтяной тракторъ, запу-

Сѣли.

. . . . Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивалъ,
Черный воронъ не пролетывалъ. . . .

Мосты мостятъ.

Въ лѣсу.

щенный при мнѣ, не безъ граціи ходилъ по небольшому двору, исполняя всевозможные маневры. Здѣсь на складѣ имѣются всѣ запасныя части механизмовъ, до малѣйшаго винтика и, продавъ машину, складъ не прерываетъ связи съ покупателемъ; не такъ давно у помѣщика пострадала подобная машина во время пожара, части были замѣнены и черезъ нѣсколько дней работа уже продолжалась.

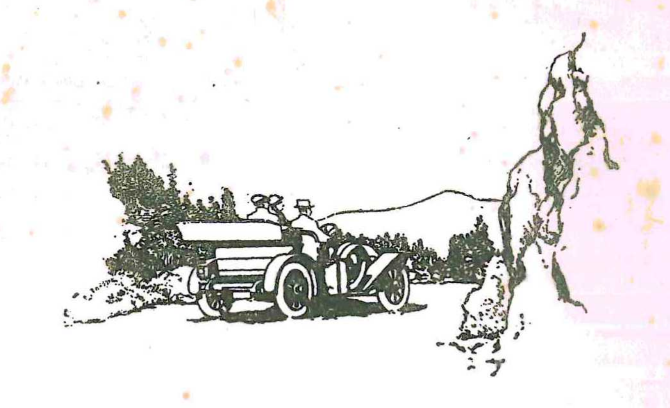
Посмотрѣвъ выставку Кейса, мы отправились на одесскій аэродромъ. Но аэродромъ этотъ оказался за тридевять земель, и мы пріѣхали туда уже совершенно въ сумерки,—пришлось вернуться обратно, ничего не увидѣвъ, тѣмъ болѣе, что началъ накрапывать дождь.

Что сказать про Одессу? Про ея значеніе и красоты писалось еще недавно такъ много, что врядъ ли можно прибавить что-нибудь новое. Предпріимчивые и умные Греки знали, что дѣлали, когда основывали Ольвію. И счастливая Ольвія, нынѣшняя Одесса, не можетъ не расположить къ себѣ всякаго, кто въ первый разъ пріѣдетъ сюда. Она потонула въ зелени, дающей отрадную прохладу въ знойные дни. И не говоря уже объ окрестностяхъ, знаменитыхъ Фонтанахъ и Аркадіи, одинъ бульваръ способенъ привести туриста въ неистовый восторгъ. Соленое дыханіе моря, безбрежный горизонтъ, особенные оттѣнки южнаго неба и южной воды съ одной стороны— и зелень деревьевъ, изящество домовъ и пестрая толпа съ другой—вотъ вамъ одесскій бульваръ, своеобразный, красочный и ни съ чѣмъ не сравнимый. Одесса можетъ смѣло похвастаться своими памятниками, великолѣпнымъ зданіемъ театра, мостовыми и вообще внѣшнимъ благоустройствомъ.

Говорятъ, что торговое значеніе ея нынче падаетъ и городъ остановился въ своемъ развитіи. Можетъ быть

это и такъ, но улицы кишатъ народомъ и напряженіе уличной жизни очень велико. Но... но Одесса городъ не русскій, а интернаціональный, и здѣсь скучно и тѣсно, несмотря на широкія улицы и огромный просторъ моря: на улицахъ заступаетъ дорогу Грекъ и Еврей, и море— на замкѣ...

XVI.

Изъ Одессы выѣхали мы довольно поздно. Автомобиль, постепенно надбавляя ходъ, мчится по улицамъ. Мимо стремглавъ бѣгутъ богатые дома, кафе, оживленная толпа,—на смѣну выскочили невзрачныя лачуги, грязныя заводскія зданія и нечесаные уличные ребятишки. Но вотъ и поле. Прекрасная грунтовая дорога вьется передъ нами, то поднимаясь въ гору, то змѣйкой сбѣгая внизъ. Впереди, въ клубахъ пыли, мчится машина съ одесситами, любезно вызвавшимися показать дорогу. Увы! Здѣсь повторилась старая исторія. Одесситы оживленно жестикулировали, споря о дорогѣ. Наконецъ они остановились.

— Вотъ мы и пріѣхали. Вы видите желѣзную дорогу? Вонъ тамъ группа деревьевъ и переѣздъ, видите? Переѣдете рельсы и все прямо, прямо, никуда не сворачивая, это ваша дорога.

Мы поблагодарили и, напутствуемые громкими восклицаніями, тронулись дальше. Вотъ группа деревьевъ, а вотъ и переѣздъ. Шлагбаумъ закрытъ; попыхивая дымкомъ, проходитъ нашъ старшій длинный братъ-поѣздъ,

влача множество вагоновъ. Наконецъ путь свободенъ. Мы переѣзжаемъ рельсы и видимъ предъ собой прямую, какъ стрѣла, дорогу въ... Одессу. Пришлось ѣхать назадъ и только благодаря доброму стрѣлочнику, выбрались мы на настоящую дорогу.

Погода начинаетъ хмуриться, небо постепенно заволакивается облаками. Они становятся все гуще и вмѣстѣ съ подкравшимся вечеромъ окончательно побѣждаютъ день. Иногда сквозь край растрепанной тучи солнце пытается послать намъ прощальный лучъ. Но это удается все рѣже и рѣже; наконецъ облака плотно сдвинулись въ нѣсколько рядовъ, наступила тьма.

И вдругъ небо словно разорвалось и дохнуло на степь яркимъ пламенемъ. Блеснула зарница, одна, другая — и ожило небо, и загорѣлось: со всѣхъ сторонъ, кругомъ по горизонту быстрыми зигзагами запрыгали ихъ мерцающіе огни. Въ промежуткахъ ночь стала еще чернѣй. Пришлось зажечь фонари и нестись полнымъ ходомъ въ темнотѣ, чтобы избѣжать грозы. Это намъ удалось и на ночлегъ, въ Бирзулу, мы пріѣхали до дождя. Но на утро дробная капель стучала въ окна, и начались давно знакомыя автомобильныя мытарства по жирной раскисшей дорогѣ, пока, послѣ Бердичева, не выбрались мы, наконецъ, на шоссе. Мы двигались черепашьимъ шагомъ и ѣхали до Кіева позорное количество дней, цѣлыхъ пять, и только подъ Житоміромъ сжалившіяся небеса подарили насъ доброй погодой, побаловавшей насъ и въ Кіевѣ.

Кіевъ, стольный градъ св. Владиміра, мать городовъ русскихъ! Сколько разъ не видѣлъ-бы я золотыя маковки твоихъ церквей, сколько не дышалъ-бы воздухомъ твоихъ садовъ,—не устану любоваться тобою и никогда не насытится мой жадный глазъ твоею прелестью и красотой. Среди крутыхъ холмовъ широко раскинулся тихій Днѣпръ. Свѣтлой лентой протянулся онъ по зеленой муравѣ луговъ. Въ ближнемъ оврагѣ буйной зарослью цвѣтетъ пышная мальва, и купаютъ въ рѣкѣ свои вѣтви прибрежные кусты. А тамъ, далеко, стали на стражѣ высокіе тополя, поднявъ къ небу свои острыя вершины, и творятъ молитву за тебя, Кіевъ древній, и за всю великую и недѣлимую Русь святую.

А ночью? Не забыть волшебной картины, которая открылась мнѣ у памятника князю Владиміру на высокомъ холмѣ, среди густой листвы.

Черная, бархатная, южная ночь съ тысячами огоньковъ небесныхъ, и поэтичный Днѣпръ внизу подъ крутымъ обрывомъ, и темная заднѣпровская даль безъ конца, и густая листва, притаившаяся въ тиши ночной, и теплый, теплый воздухъ... На высокомъ пьедесталѣ выше лѣса дремучаго, чуть ниже облака ходячаго, сторожитъ стольный князь Кіевскій свой городъ и любуется на Днѣпръ, что бороздили встарь, вспѣнивая волны, легкія струги его дружины. Сіяющій огнями огромный крестъ въ рукахъ князя освѣщаетъ мощную фигуру и высоко, выше всего горитъ надъ стольнымъ городомъ.

Кіевъ, Кіевъ, мать городовъ русскихъ!

Чье русское сердце не забьется сильнѣе при твоемъ священномъ имени?

Завелась и въ тебѣ нечисть, идетъ и на тебя рать посильнѣй и похитрѣй Батыевой, и что-то не видать пока Ильи Муромца. Но крестъ св. Владиміра съ тобою и не побѣдитъ тебя новый чернокудрый Печенѣгъ. Только помни про Русь святую и крѣпче, пуще глаза береги своихъ Божьихъ угодниковъ.

Конечно побывалъ я по обычаю въ лаврѣ, посѣтилъ и ближнія и дальнія пещеры. И если у меня была самая ничтожная вѣра, то она только окрѣпла и утвердилась послѣ посѣщенія пещеръ. Я былъ въ неурочное время никто меня не ожидалъ и по ближнимъ пещерамъ я ходилъ одинъ безъ провожатаго. Вездѣ горѣли лампады, достаточно освѣщая открытые гробы съ лежавшими въ нихъ, ясно обрисовывшимися подъ краснымъ суконнымъ покровомъ, фигурами. Для моей безхитростной вѣры этого было-бы достаточно; но, вотъ въ дальнихъ пещерахъ я ходилъ уже вмѣстѣ съ богомольцами, съ монахомъ.

— А какъ же, батюшка, вы ихъ иногда переоблачаете, или какъ? спросилъ я безъ всякаго умысла монаха.

— Каждый годъ. Вотъ и теперь только недавно окончили, отвѣтилъ онъ. Они лежатъ въ мантіяхъ, вѣдь монахи-же? Мы ихъ вотъ какъ обряжаемъ, поглядите.

Перекрестившись, онъ снялъ суконный покровъ и сдѣлалъ это съ большимъ уваженіемъ и любовью. Я, и самъ того не добиваясь, вполнѣ и воочію убѣдился въ полномъ нетлѣніи лежавшаго предо мною человѣческаго тѣла.

Нашъ монахъ былъ очень типиченъ; разсказывая мнѣ исторію святого, онъ повидимому старался примѣниться къ моему образу мыслей, какъ онъ его себѣ представлялъ. Здѣсь въ пещерахъ существуетъ трогательное сказаніе объ инокѣ, предсказавшемъ князю неудачный походъ: разгнѣванный князь приказалъ бросить инока въ Днѣпръ, что и было сейчасъ-же исполнено. Такъ вотъ монахъ передавая мнѣ эту легенду, сказалъ:

— А вотъ онъ здѣсь такъ и лежитъ съ камнемъ на шеѣ. Въ ту пору князь собралъ военныхъ и хотѣлъ идти воевать. Онъ и говоритъ князю:

„Не ходи, не будетъ побѣды“.

А князь ему:

„Ахъ ты, такой, сякой, монахъ мерзкій, ты это чтоже моихъ солдатъ смущаешь? Вали его братцы!„

Ну ему, камень на шею и въ воду,—утопъ.

Потомъ князя совѣсть зазрила, онъ и говоритъ преподобному:

„Мы тутъ немножко твоего монаха того... утопили“.

А преподобный засмѣялся.

„Такъ это ты его!? А мы никакъ не можемъ дознаться съ чего бы въ келіи своей мертвый монахъ сидитъ, мертвый и съ камнемъ на шеѣ“. Такъ и похороненъ...

Да, такъ и нашли его, мокраго и съ камнемъ на шеѣ, и такимъ положили въ гробъ; такимъ почиваетъ онъ по сіе время нетлѣнный и прославленный.

Но смыслъ этого безхитростного сказанія глубокъ. Насиліе надъ совѣстью не утверждаетъ силы. Князь давно забытъ, а къ мощамъ инока съ великимъ уваженіемъ прикладывается народъ и крѣпнетъ у его гроба и вѣра, и воля, и драгоцѣнный народный духъ. Здѣсь у гроба этого инока мучилъ меня бѣсъ противленія и думалъ я о имяславцахъ, вспомнилъ, что даже и въ глухихъ деревняхъ слышалъ разговоры о нихъ. Вѣдь вотъ святые Печерскіе угодники навѣрно творили „умную“ Іисусову молитву. А если имяславцы должны быть отвергнуты и наказаны, то нужно пожалуй отвергнуть и все „умное дѣланіе“, что-же тогда останется отъ подлиннаго монашества? Какъ-бы не вырвать съ плевелами и добраго злака...

Въ дальнихъ пещерахъ у гробовъ горѣли рѣдкія лампадки, едва разгоняя темноту. Длинный хвостъ богомольцевъ, со свѣчами въ рукахъ, змѣею шелъ по узкимъ переходамъ; преобладалъ простой народъ, но были и

интеллигентные. Въ одномъ мѣстѣ ходъ заложенъ: лѣстница очень стара и сгнила, итти небезопасно, а исправить не удосужились. Нѣкоторыя ниши пусты и оставлены безъ гробовъ.

— Это что же, мѣсто приготовленное такъ и осталось?

Идущій впереди сѣдоватый мужиченко обернулся, и, свѣтя мнѣ своей свѣчкой, сказалъ:

— Нѣтъ, не то. Это, баринъ, угодничекъ святой ушелъ и нѣтъ его. Куда ушелъ, и когда ушелъ, никто не знаетъ, значитъ время исполнилось. Когда всѣ они уйдутъ, тогда и Рассея рѣшится.

Подивился я вѣрѣ простого человѣка. А въ сердцѣ такъ и повторилось сказанное страшное слово. Правъ онъ, сѣдой мужиченко. Они на вѣрѣ построили землю и вѣрой крѣпка земля. И не слѣдуетъ трогать разумомъ этой вѣры. Какая бы ни была, а все-же своя собственная, выработанная, выстраданная, вымученная тяжкимъ душевнымъ мученіемъ, и пока крѣпка она, — не побѣдитъ насъ никакой врагъ, не страшенъ никакой лиходѣй.

Выйдя изъ пещеръ я направился къ великой церкви. Тутъ было радостно и свѣтло. Жарко горѣли на солнцѣ золотые купола, на колокольнѣ перезванивали куранты, пестрая толпа богомольцевъ и богомолокъ живописными группами сидѣла на лаврскомъ дворѣ. Въ сторонѣ, утопая въ цвѣтахъ, высился черный крестъ надъ могилой П. А. Столыпина.

Здѣсь стояла большая толпа паломниковъ и гудѣли разговоры. Преобладали женщины.

— Сто-лы-пинъ, — читала по складамъ молодайка. Это кто же буде?

— А винъ царю служилъ и народъ любилъ, вотъ его лихой человѣкъ и убивъ, — учила ее баба постарше.

Какъ это просто и хорошо сказано: царю служилъ и народъ любилъ. И передо мною какъ живой всталъ покойный Петръ Аркадьевичъ, такой, какимъ видѣлъ я его однажды, какъ разъ наканунѣ знаменитой рѣчи его въ Думѣ. Онъ можетъ спокойно спать въ своей могилѣ, доброе зерно бросилъ онъ на родную землю. И вѣрю я, есть на Руси много людей его школы и духа, что сумѣютъ также честно умереть на своемъ посту, какъ онъ, — не считая это даже и подвигомъ, а просто такъ, по долгу порядочнаго человѣка...

Могилка вся въ цвѣтахъ и зелени, и расположена въ достойномъ и историческомъ мѣстѣ. Можетъ быть эта зеленѣющая могила, чьи живые цвѣты говорятъ намъ о вѣчности и безсмертіи, положитъ основу пантеону русскихъ людей, — гдѣ же ему быть, какъ не въ Кіевѣ? Пусть тѣ, кто честно служили Россіи, лежатъ рядомъ съ тѣми, кто за нихъ молится.

— Были въ пещерахъ? — спросилъ меня по возвращеніи одинъ изъ пріятелей.

Мы хотѣли вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ лавру и наканунѣ уговаривались объ этомъ.

— Былъ. А вы?

— И я былъ. Вотъ жаль, что не встрѣтились. Ну, что, какъ?

— Очень понравилось. Вы обратили вниманіе на паломниковъ, особенно паломницъ? Такъ прямо на паперти и ночуютъ.

— Ну, знаете, это суевѣріе. Это только показываетъ, насколько народъ нашъ отсталъ отъ запада. Давно пора забыть всѣ эти лампадки...

— А гдѣ найдетъ исходъ поэтическому своему чувству рабочій человѣкъ? Кому понесетъ простая русская

женщина свое бабье горе? Вотъ такъ, по простому, возьметъ котомку и пѣшкомъ за сотни верстъ къ кіевскимъ угодникамъ. Лежитъ тамъ, скажемъ, Илья изъ города Мурома. Это вовсе не тотъ, не Илья Муромецъ; того можетъ быть вовсе никогда и не было... Да не все ли мнѣ равно, тотъ или не тотъ, былъ или не былъ? Былъ тысячу лѣтъ назадъ кто-то и отстаивалъ Русь отъ врага. И вотъ сохранился образъ его въ благодарной народной памяти до нашихъ дней, пожаловалъ его народъ въ угодники Божіи, и Богъ, понимаете-ли, русскій Богъ, а не иностранный, прославилъ его нетлѣніемъ. Печерскіе угодники въ большинствѣ не только въ затворахъ спасались, а государство строили и отстаивали, зато и дано имъ теперь слышать молитвы и знать народную душу. Они, лежа въ гробахъ своихъ, все слышатъ, все знаютъ, — знаютъ какія мысли зарождаются тамъ, въ святыхъ пещерахъ, какое зерно зрѣетъ и наливается никому невѣдомо въ священной темнотѣ.

— Это все можетъ быть и такъ. А вотъ что вы скажете на счетъ святой старой дѣвы, имени я уже не припомню? Самъ видѣлъ, такъ и написано надъ гробомъ: старая дѣва такая-то — недурно?

Но на повѣрку оказалось, что мой пріятель не понялъ славянскихъ титловъ и прочелъ „святая“, какъ „старая“. Вотъ такъ то иной полуинтелегентъ подхватитъ что-нибудь, а потомъ размазываетъ въ разговорахъ, и ползутъ темные слухи по всей землѣ.

Побывалъ я въ Кіевѣ и на выставкѣ. Что сказать про нее?

Прежде всего то, что въ самой организаціи ея была допущена крупная ошибка: всероссійская выставка должна быть организовываема правительствомъ, и никто

иной не можетъ и не долженъ брать на себя подобныя общеимперскія устройства. Поэтому-то и вышло такъ, что какъ *кіевская* выставка она была хороша, но какъ *всероссійская* — не удалась.

Территорія ея очень обширна и въ архитектурномъ отношеніи выставка, пожалуй, удалась: зданія красивы и стиль выдержанъ. Это не помѣшало однако же тому, что почти рядомъ съ строгой лѣстницей и античными портиками можно было любоваться легкомысленной колонной съ бочкой наверху.

Гвоздемъ выставки оказался павильонъ Строгановскаго училища съ его прямо-таки великолѣпными экспонатами. Меня лично болѣе всего интересовали отдѣлы автомобильный и авіаціонный. Первый былъ представленъ довольно полно, но послѣ недавней петербургской международной выставки о немъ много говорить не приходится. Авіаціонный отдѣлъ помѣщался на самомъ верху выставочной горы, причемъ за посѣщеніе взималась особая плата. Здѣсь было довольно пустовато и въ походныхъ ангарахъ, среди пустыни, помѣщались небольшое количество военныхъ аэроплановъ и обозъ. Отдѣлъ воздушнаго флота показалъ діаграммы и маленькія модели. Лучше всего аэропланъ мастерской Терещенка, о которомъ я всюду слышалъ самые лучшіе отзывы. Въ общемъ этотъ отдѣлъ выставки произвелъ на меня впечатлѣніе незаконченнаго и недостаточно продуманнаго.

Зато, что достойно всяческаго удивленія, такъ это аллея, ведущая на гору, гдѣ именно и помѣщается этотъ авіаціонный отдѣлъ. Здѣсь, по бокамъ этой аллеи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставлены были столбики съ прибитыми досками. На доскахъ углемъ написаны странныя надписи:

„Хо: по: о: во“

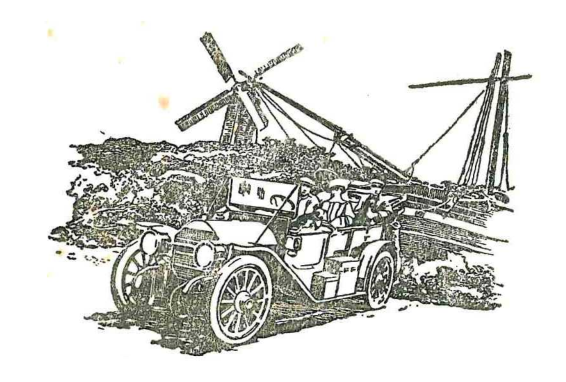
Я долго никакъ не могъ понять, что это такое. Не то какая то алгебраическая задача, не то какая то магическая формула. Ларчикъ, какъ оказывается открывался просто. Это означало: „ходить по откосамъ воспрещается“. Бѣдный русскій языкъ и бѣдный выставочный комитетъ! Зато внизу въ самомъ центрѣ выставки и на видномъ мѣстѣ, на двухъ безобразныхъ подпоркахъ стоялъ громаднѣйшій плакатъ съ жирной рекламой на польскомъ языкѣ.

Кто меня утѣшилъ, такъ это мой старинный знакомецъ Кейсъ. Въ его павильонѣ устроили кинематографъ, показывающій живьемъ работу земледѣльческихъ машинъ, молотилокъ и тракторовъ этой фирмы. Громаднѣйшіе тракторы, живо напоминавшіе допотопныхъ чудищъ, каждый часъ любовались на свое живое изображеніе, а вмѣстѣ съ этими ихтіозаврами любовалась и публика во множествѣ посѣщающая этотъ павильонъ. Неподалеку отъ Кейса помѣстилась фирма „Проводникъ“. Здѣсь очень остроумно устроены были государственные гербы: одинъ — изъ галошъ, другой — изъ набоекъ, третій — изъ сосокъ и четвертый изъ игрушекъ. Тутъ же рядомъ какой-то досужій итальянецъ, въ своемъ родѣ знаменитость, занимался вырѣзываніемъ силуэтовъ, которые онъ дѣлалъ съ поразительной ловкостью тутъ же на глазахъ у публики; сходство выходило дѣйствительно поразительное.

Картина выставки будетъ неполной, если не упомянуть о колесѣ смѣха, помѣщавшемся въ отдѣльномъ деревянномъ зданіи. Желающіе изъ публики садились на коврикахъ на полъ, который начиналъ двигаться по свистку распорядителя. Полъ движется быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, сбрасываетъ съ себя всѣхъ сидящихъ на потѣху и радость многочисленныхъ зрителей. Возбужденіе и радость зрителей доходили до неистовства, когда на кругъ приходили представительницы прекраснаго пола. Справедливость требуетъ сказать, что обыкновенно тутъ появлялись однѣ и тѣ же барышни. Ихъ было три, прехорошенькихъ и совсѣмъ юныхъ блондинокъ, очень умѣло и граціозно скатывавшихся съ круга. Каждый разъ онѣ смущались, что не мѣшало имъ показывать публикѣ красивыя ноги, подвязки и прочія соблазнительныя вещи, придуманныя сатаной для уловленія грѣшниковъ...

XVII.

Основательно отдохнувъ въ Кіевѣ, мы отправились дальше, на Гомель.

Самая трудная часть нашего путешествія окончена, и невозможныя грунтовыя дороги, въ грязи которыхъ утопалъ нашъ автомобиль, отошли въ область воспоминаній. Мы мчимся по превосходному шоссе, намъ не страшны теперь ни непогода, ни глубокія колеи, ни предательскіе ухабы и лужи. Но именно теперь, когда небольшой дождь былъ бы пріятенъ, снова установилась жаркая погода, и мы ѣдемъ въ тучахъ пыли, подъ безоблачнымъ небомъ и палящимъ солнцемъ. Есть и другая непріятная сторона пути: безпрестанно попадаются гвозди, безжалостно протыкающіе шины, иногда приходится вынимать ихъ изъ покрышекъ по пяти, по шести штукъ сразу. Но шоссе дѣйствительно великолѣпно. Оно гладко, какъ паркетъ, и содержится съ большой тщательностью и вниманіемъ, особенно въ Черниговской губерніи. Въ мѣстахъ, гдѣ оно ремонти-

руется, устроены хорошіе объѣзды съ фашинными настилами на топкихъ мѣстахъ, прекрасными мостиками и заборчиками. Нужно проѣхать столько, сколько проѣхали мы по проселкамъ и грунту, въ непогодь, слякоть и ненастье и вдоволь помучиться по гатямъ, болотамъ и разнымъ загугулинамъ, чтобы оцѣнить всю трогательную заботливость и вниманіе черниговскаго земства. Впрочемъ, это было то земство, которое первое завело у себя автомобиль.

Въ Гомель мы прибыли поздно вечеромъ.

Здѣсь русскихъ, какъ кажется, только офицеры и служилый людъ, все остальное — евреи всѣхъ фасоновъ, всѣхъ калибровъ, всѣхъ мастей.

Въ Гомелѣ прямо-таки поразила меня гостиница „Савойя“. Электрическое освѣщеніе, вышколенная прислуга, комфортъ до мелочей, вся мебель отъ Кона — и это въ грязномъ еврейскомъ городѣ, прямо чудеса! Внизу превосходный ресторанъ съ играющимъ на эстрадѣ очень недурнымъ дамскимъ оркестромъ. Кромѣ этой гостинницы, которая, вѣроятно, составляетъ гордость города, въ Гомелѣ имѣются еще нѣсколько довольно приличныхъ зданій, занятыхъ банками и весьма недурно устроенный трекъ; тутъ городской театръ гдѣ подвизается драматическая труппа, и ресторанъ съ неизбѣжной шансонеткой.

Все это вмѣстѣ взятое напоминаетъ анекдотъ о самоотверженной еврейкѣ:

— Послушайте, — ваша рыба отвратительно пахнетъ, она совсѣмъ гнилая.

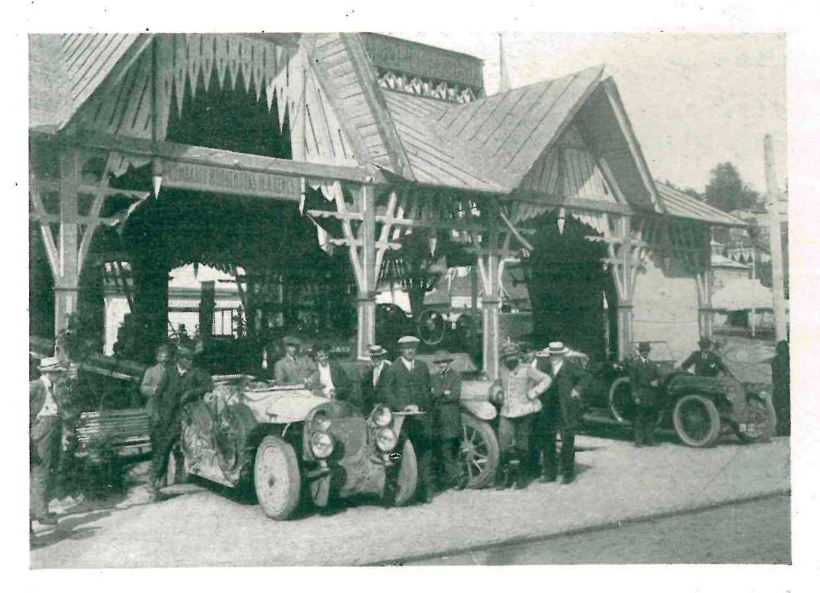
— Ну и что такое вы говорите? Ну и какая такая рыба дурно пахнетъ? Она нисколько себѣ не пахнетъ. Это я пахну. А рыба нисколечко не пахнетъ.

Такъ и Гомель. Онъ нисколечко не пахнетъ, — есть и гостиницы, и отели, и банки, и театръ, и трекъ, и публика нарядная, — совсѣмъ себѣ европейскій городъ.

Увы! Въ Гомелѣ насъ ожидало непріятное извѣстіе: вслѣдствіе бакинской забастовки бензинъ повысился въ цѣнѣ чуть ли не вдвое. Но дѣлать было нечего, и запасшись бензиномъ и вакуумъ-олемъ, который былъ благороденъ и не повысился въ цѣнѣ, мы на утро отправились дальше.

Дорога до Могилева была также хороша, какъ и раньше, но мы чуть было не миновали самый городъ: онъ лежитъ въ сторонѣ отъ шоссе и нужно сдѣлать порядочный крюкъ, чтобы въѣхать въ его бѣлыя ворота. Здѣсь, повидимому, автомобиль еще до сихъ поръ составляетъ довольно рѣдкое явленіе, судя по тому, какъ сильно пугались лошади при нашемъ появленіи. А у подъѣзда гостиницы „Бристоль", куда мы заѣхали перекусить, собралась порядочная толпа народа, тщетно разгоняемая городовыми. Не знаю почему, почти всѣ лучшія гостиницы во встрѣчавшихся намъ южныхъ городахъ назывались „Бристолями" и всѣ одного типа: въ верхнихъ этажахъ довольно приличные номера, а внизу, въ общемъ залѣ, непремѣнно шантанъ, но какой!... Подъ звуки рояля одна за другой выходили на сцену жирныя женщины преклоннаго возраста въ сомнительномъ трико и пѣли скабрезныя пѣсенки, выдѣлывая ногами незатѣйливыя па,—впечатлѣніе получалось прямо кошмарное.

Подкрѣпившись въ Могилевѣ сытнымъ завтракомъ, направились прямо въ Витебскъ, гдѣ былъ назначенъ по расписанію ночлегъ. Но по дорогѣ пришлось остановиться въ Оршѣ, чтобы вытащить изъ шины пуды завязшихъ

На выставкѣ въ Кіевѣ.

„Александръ, снимите цѣпи".

Подъ Псковомъ.

Вернулись въ Петербургъ.

въ нее гвоздей,—день ѣзды по шоссе. Такихъ остановокъ было не мало, можно было бы построить цѣлый гвоздильный заводъ. Все-таки въ Витебскъ прибыли засвѣтло, ибо временами развивали скорость до 90 верстъ въ часъ,—такъ пріятно нестись по шоссе и сознавать, что приближаешься къ Петербургу. Въ Витебскѣ на утро произошла драма: насъ забыли въ гостиницѣ разбудить во-время и вмѣсто 7 пришлось выѣхать въ 10 час., а перегонъ очень большой. Мы, изрыгая проклятія, набросились на номерного. Но гнѣвъ нашъ улетучился, когда мы узнали, что онъ въ одно и то же время и управляющій, и лакей, и номерной, и статистъ въ шантанѣ, и мы съ размягченными сердцами поѣхали дальше по залитой яркимъ солнцемъ дорогѣ...

Дорога отъ Витебска до Опочки очень хороша: шоссе приведено въ великолѣпный видъ еще къ международному пробѣгу 1911 г. Въ смыслѣ ландшафта оно обращаетъ на себя вниманіе туристовъ. Но большинство мостовъ требуетъ, и довольно настоятельно, ремонта. До Пскова и дальше до Риги дорога не представляетъ ничего особеннаго. Это хорошо содержимое шоссе, въ особенности въ предѣлахъ Лифляндской губерніи. Здѣсь оно очень живописно, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно пустынно: не видно ни деревень, ни хуторовъ, а навстрѣчу попадаются хмурыя латышскія лица. На полдорогѣ до Пскова, во время завтрака въ Невелѣ, автомобиль окружила толпа ребятишекъ, по преимуществу іудейскихъ, шумѣвшихъ и галдѣвшихъ около машины; черезъ нѣсколько минутъ къ намъ явилась депутація съ просьбой дать напрокатъ автомобиль проѣхать по городу.

— Вы не безпокойтесь,—мы заплатимъ, сколько назначите...

Позже, къ вечеру, недалеко отъ Пскова, пришлось остановиться, чтобы набрать воды для карбита. Погода испортилась,—небо заволокли тучи, стали блистать почти непрерывныя молніи. Одинъ изъ насъ, въ ожиданіи, пока шоферъ принесетъ воду, запѣлъ какую-то пѣсенку. Сейчасъ же изъ темноты послышался молодой голосъ, сказавшій весьма опредѣленнымъ тономъ:

— Вы не пойте. Здѣсь пѣть не полагается. Нельзя пѣть!

Говорилъ парень лѣтъ семнадцати, какъ видно изъ грамотеевъ; подальше стояла кучка парней и дѣвокъ.

— Почему нельзя пѣть?

— Развѣ не видите, молонья горитъ? Вашъ магнитъ молонью притянетъ, ударитъ молонья въ магнитъ, въ машину, и васъ убьетъ. Пѣть не полагается.

— Ну, это ты, братъ, вздоръ говоришь!

— Тогды, значитъ, машина нѣмецкая.

— Попалъ! Какъ разъ русская,—вся въ Россіи сдѣлана...

— Расчудеснѣйшая мотора, ишь ты? И колеса русскія?

— Вы бы насъ до нашей деревни доставили,—вмѣшалась въ разговоръ пригожая дѣвка. — Тутъ недалече, верстъ съ десятокъ въ сторону. А то, гляди, дождь пойдетъ,—вонъ молонья какая. Вы бы и Анютку свезли,—мы махонькія, умѣстимся.

— Я молніи не боюсь, я колдунъ, — пошутилъ я.

— Колдунъ, колдунъ, милаго наколдуй, — засмѣялись дѣвки, блестя великолѣпными зубами.

Но тутъ внезапно припустилъ такой дождь, что вся кучка живо пустилась наутекъ. А мы покрѣпче завернувшись въ непромокабли, отправились дальше и пріѣхали во Псковъ часамъ къ 10 вечера, мокрые, но безъ малѣйшей усталости: ѣхать по хорошему шоссе даже и въ непогоду совершенно не трудно.

На утро къ намъ присоединился на своей машинѣ одинъ изъ мѣстныхъ эдиссоновъ, инженеръ Герцъ. Онъ изобрѣлъ керосиновый карбюраторъ особой системы, приладилъ его къ автомобилю и, желая испытать его, поѣхалъ съ нами до Риги и обратно на керосинѣ. Карбюраторъ его выдержалъ это испытаніе блестяще, и мы не безъ зависти смотрѣли на Герца, ѣхавшаго на своей машинѣ, не жалѣя керосина, тогда какъ намъ приходилось покупать бензинъ по 7 р. 50 к. за пудъ. Цѣны на него поднялись больше, чѣмъ вдвое, вслѣдствіе бакинской забастовки. По дорогѣ на Ригу мы сдѣлали остановку въ Стопъ-Адзелѣ. Это единственная на всю Россію автомобильная станція, Здѣсь можно закусить, получить бензинъ, поставить моторъ, отдохнуть и даже переночевать съ полнымъ комфортомъ и самыми незначительными расходами. А въ Ригѣ насъ ожидала помпезная встрѣча—обѣ рижскія автомобильныя организаціи и администрація Русско-Балтійскаго завода на своихъ автомобиляхъ, и длинный рядъ машинъ всевозможныхъ системъ сопровождали насъ до остановки.

Рига—это картинка на табакеркѣ нѣмецкаго издѣлія. Издѣліе это было сработано очень давно, еще въ 1201 г.: епископъ Адальбертъ основалъ городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ за три года до того былъ убитъ цистиріанскій монахъ Бертольтъ; это и была Рига, названная такъ благодаря ручью Риге, на берегахъ котораго была построена. Съ тѣхъ поръ Рига переходила то къ архіепископамъ, то къ Тевтонскому Ордену, то къ Стефану Баторію, то къ Густаву-Адольфу. Въ 1709 г. городъ осадилъ Шереметевъ;

преданіе гласитъ, что во время этой осады въ Ригѣ погибло отъ чумы 22 тыс. человѣкъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1710 г. городъ былъ присоединенъ къ Россіи.

Балтійскій аэро-автомобиль-клубъ не допустилъ насъ остановиться въ гостиницѣ и радушно отвелъ квартиру въ превосходномъ своемъ помѣщеніи на Школьной.

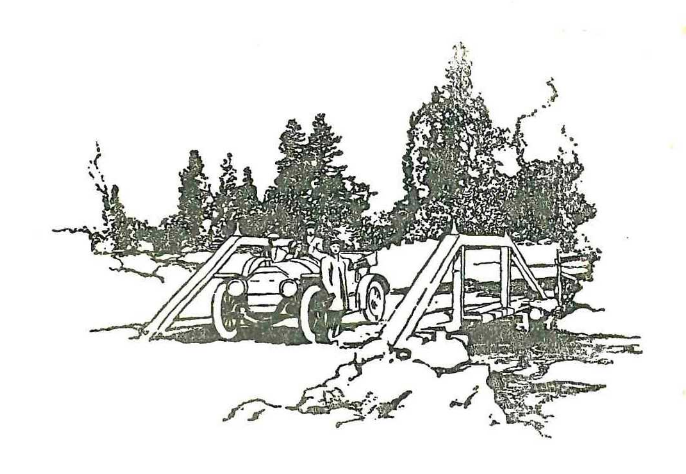
На другой день мы посѣтили Русско-Балтійскій вагонный заводъ, единственный крупный автомобильный заводъ въ Россіи. Онъ былъ основанъ въ 1868 году нѣкіимъ Ванъ-деръ-Зипеномъ изъ Кельна и вначалѣ представлялъ собою только отдѣленіе нѣмецкаго завода. Здѣсь собирались отдѣльныя части вагоновъ и производились мелкія кузнечныя работы. Затѣмъ уже стали строить вагоны. Заводъ расширился и сдѣлался самостоятельнымъ. Операціи увеличились, были выпущены акціи, въ дѣло вошли русскіе капиталисты, и предпріятіе стало русскимъ. По настоящее время заводомъ было выпущено 100,000 вагоновъ, т. е. $^{1}/_{5}$ часть всѣхъ вагоновъ, обращающихся въ Россіи; сейчасъ заводъ строитъ въ годъ до 6,000 товарныхъ и 500 пассажирскихъ вагоновъ, причемъ товарный изготовляется въ 6 дней. Собственно, автомобильный отдѣлъ былъ заведенъ какъ подспорье въ то время, когда заказы на вагоны временно понизились; оборудованіе мастерскихъ въ этомъ направленіи было почти готовое, нужно было только приспособиться и найти людей. Въ настоящее время мастерскія оборудованы превосходно и автомобильное дѣло на заводѣ поставлено достаточно прочно. На первоначальную постановку было затрачено 1.300,000 руб., а за три года работы расходовалось 300—400 тысячъ рублей въ годъ. Теперь дѣло расширяется еще больше, и новые кредиты, ассигнованные правленіемъ, составляютъ солидную сумму

около 2.000,000 руб. Таковъ первый и единственный крупный автомобильный заводъ въ Россіи. Говоря о немъ, нельзя не вспомнить добрымъ словомъ предсѣдателя совѣта, М. В. Шидловскаго, уже тринадцать лѣтъ стоящаго во главѣ дѣла. Человѣкъ русской складки, въ лучшемъ смыслѣ этого слова и русскій съ головы до ногъ, онъ энергично и твердо ведетъ заводъ по пути расширенія операцій и качественнаго и количественнаго улучшенія производства, и въ настоящее время уже имѣются отдѣлы автомобильный, военно-обозный, авіаціонный, земледѣльческихъ машинъ, производства вагоновъ и т. д.

Издѣлія „Руссо-Балта“ (таково названіе завода въ просторѣчіи) говорятъ сами за себя. Нынѣшній пробѣгъ былъ сдѣланъ на русско-балтійскомъ автомобилѣ,—машина покрыла разстояніе почти въ десять тысячъ верстъ, изъ нихъ шесть тысячъ по грунту, и пришла въ превосходномъ видѣ; въ общей сложности, она сдѣлала *шестьдесятъ двѣ тысячи верстъ,* безъ ущерба для себя. Говоря о Ригѣ слѣдуетъ сказать и о заводѣ резиновыхъ издѣлій и автомобильныхъ шинъ „Проводникъ“. Это—громадное предпріятіе съ многомилліоннымъ годовымъ оборотомъ; основанное всего 25 лѣтъ назадъ, оно пріобрѣло прочную и солидную репутацію. Достойно замѣчанія, что до сихъ поръ „Проводникъ“ употреблялъ иностранную матерію, какъ основу для шины. Въ настоящее время заводъ выработалъ свою собственную, и послѣдняя, по качеству, не хуже заграничной что подтверждается цифровыми данными и опытомъ нашего послѣдняго пробѣга.

XVIII.

Распростившись съ гостепріимной Ригой, 24 августа выѣхали мы обратно въ Псковъ куда и прибыли къ вечеру. Герцъ, проводивши насъ на своей керосинкѣ до самой гостиницы, затащилъ насъ къ себѣ на чаепитіе. Этотъ удивительный человѣкъ не ограничился чудесными своими опытами съ карбюраторомъ, и демонстрировалъ намъ піанолу собственнаго изобрѣтенія. Вотъ ужъ по истинѣ и швецъ, и жнецъ, и на дудѣ игрецъ! Но піанола его дѣйствовала превосходно и я съ удовольствіемъ прослушалъ мастерски исполненной Герцемъ дивный прелюдъ Рахманинова. Потомъ былъ Бетховенъ, Шопенъ и какой-то неизвѣстный англійскій композиторъ, имени котораго не припомню, Герцъ выкопалъ его гдѣ-то у Циммермана и на его нотахъ учился дѣлать свои. Вещица этого композитора оказалась очень хорошенькой и не вѣрилось, что она родилась въ странѣ плумпуддинговъ и вѣчнаго тумана. Распрощавшись съ милымъ хозяиномъ и опустошивъ у него всѣ банки съ вкуснымъ вареньемъ, поздней ночью

вернулись мы къ себѣ въ гостиницу, а утромъ отправились дальше въ Петербургѣ.

Передъ самымъ отправленіемъ въ Петербургъ мы посѣтили мастерскую все того-же Герца. У него нѣчто въ родѣ крохотнаго автомобильнаго завода. Автомобиль этотъ заводъ не построитъ, но починки произведетъ когда угодно и какую угодно.

Но вотъ мастерская осмотрѣна. Пора трогаться въ путь. Александръ заводитъ машину, стремглавъ бросается на заднее сидѣнье и автомобиль нашъ снова мчится по шоссе.

Мы ѣдемъ домой по торной дорогѣ, по широкому укатанному шоссе. Черезъ какихъ-нибудь три-четыре часа мы будемъ уже въ Петербургѣ, и конченъ нашъ длинный, долгій, богатый впечатлѣніями всякаго рода путь. Даже автомобиль понимаетъ это. Онъ шумитъ какъ-то по особенному, въ этомъ шумѣ слышны и горделивыя нотки и весь онъ какъ-то похорошѣлъ и какъ-то подтянулся. Здѣсь въ Псковѣ встрѣтилъ насъ пріѣхавшій изъ Петербурга автомобиль и присоединился къ намъ, чтобы провожать до Петербурга.

Что сказала бы блаженная княгиня Ольга, если бы увидала насъ въ своемъ родномъ Псковѣ? Она какъ умная правительница навѣрное принялась бы сейчасъ насаждать въ своей вотчинѣ автомобилизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не притти къ заключенію, что автомобильные пробѣги, какъ военные такъ и частные, какъ групповые, такъ и одиночные несомнѣнно имѣютъ большое государственное значеніе. Что автомобильное дѣло вообще имѣетъ подобное значеніе, это стало почти аксіомой. Отдѣльные же пробѣги содѣйствуютъ, во-первыхъ, развитію этого дѣла въ странѣ, а во-вторыхъ, са-

мымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на изученіе дорожнаго вопроса вообще и на исправленіе дорогъ въ частности. А при нашемъ бездорожьи и огромныхъ пространствахъ подобное изученіе является прямо-таки необходимостью. Послѣдній нашъ пробѣгъ доказалъ, что автомобиль можетъ пройти по всякой дорогѣ, и по шоссе, и по грунту, зачастую совершенно заброшенной и неисправной. Но вообще сдѣлавъ порядочное количество верстъ по нашимъ дорогамъ, я видѣлъ мѣста гдѣ не было не только содержимой въ исправности, но вообще *всякой* дороги. Теперь быть можетъ ихъ подправятъ и это одинъ изъ большихъ плюсовъ всякихъ пробѣговъ. Но что такое эти четырнадцать тысячъ верстъ Россійскихъ дорогъ? Это капля въ морѣ. Нужно чаще устраивать всякіе пробѣги и мѣнять направленія, нужно устраивать пробѣги не только массовыми, но и одиночными, попутно рекогносцировать пути и обращать вниманіе на отчеты въ дорожномъ отношеніи. Ну, а автомобиль въ военномъ отношеніи?

Ни на минуту не сомнѣваюсь, что мы ни въ чемъ сосѣдямъ не уступимъ. И кавалерія, и артиллерія, и пѣхота—все наше славное солдатство на войнѣ свое дѣло сдѣлаютъ. Но въ одномъ можемъ уступить,—въ службѣ связи. Участники минувшей войны говорятъ, что одной изъ причинъ неудачъ нашихъ была та, что служба связи стояла ни на должной высотѣ. Ясно, что при настоящихъ условіяхъ войны лошадь, какъ животная сила, съ этой задачей не справится. Нѣмецъ уже призналъ это: слышно, что у него на кавалерійскую дивизію полагается восемь автомобилей и команда мотоциклистовъ.

Довольно представить себѣ, что на автомобилѣ можно переброситься въ нѣсколько часовъ на двѣсти, а то и на триста верстъ, чтобы понять его роль въ будущей войнѣ. Конечно, существенны дороги. Но прошлогодніе пробѣги, а вотъ теперь и нашъ, какъ кажется рѣшили вопросъ о выносливости автомобиля въ этомъ отношеніи.

Ну, а городское грузовое движеніе? Давно бы пора нашимъ городамъ, или хотя столицамъ, перейти на грузовое автомобильное движеніе. Этапы въ этомъ направленіи установить не трудно. Они могутъ быть хотя бы слѣдующіе:

1) Удешевленіе провоза и соблюденіе интересовъ потребителя, ибо съ меньшимъ количествомъ людей, повезутъ больше груза и быстрѣе, — одинъ грузовикъ равняется приблизительно 3—5 подводамъ.

2) Разгрузка и упорядоченіе уличнаго движенія, ибо займутъ меньшую площадь улицы и на меньше время, въ особенности на мостахъ.

3) Сохраненіе мостовыхъ, ибо меньше будутъ изнашиваться, благодаря резиновымъ шинамъ, и можно будетъ примѣнить болѣе прочные типы.

4) Города примутъ хотя нѣкоторый культурный видъ, ибо прекратится отвратительная ругань дрогалей, какъ средство облегчающее лошадиную работу, и исчезнетъ классъ первобытныхъ дикарей.

5) Оплата труда лучше, а потому можно создать лучшія условія для жизни работника, что чрезвычайно важно для города во всѣхъ отношеніяхъ.

Можно развить эти положенія и найти новыя; можно найти и способы и средства осуществить на дѣлѣ эту мысль.

Но вотъ дорожки наши, дорожки-то плоховаты! Приходится съ грустью констатировать всю близорукость и

однобокость преслѣдовавшейся до сихъ поръ въ области нашего дорожнаго строительства политики. Едва занявшись въ началѣ минувшаго столѣтія болѣе или менѣе правильной постройкой шоссейныхъ дорогъ, правительство весьма скоро забросило работу въ этомъ направленіи, обративъ почти исключительно все свое вниманіе на развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Дѣйствительно, отношеніе общаго протяженія шоссейныхъ путей къ таковому же желѣзныхъ дорогъ въ Россіи поразительно ничтожно. Если принять за единицу длину желѣзнодорожнаго пути, то протяженіе сѣти шоссейныхъ дорогъ выразится въ различныхъ странахъ Европы слѣдующими цифрами: Франція — 10, Англія — 7, Германія — 4,3, Италія — 4, Австрія — 3, Бельгія — 2,5, а Европейская Россія (съ царствомъ Польскимъ и Сѣвернымъ Кавказомъ) — всего-на-всего — 0,6!

Слѣдующая таблица даетъ не менѣе краснорѣчивую картину, рисующую степень развитія шоссейно-дорожной сѣти Европейскихъ государствъ, въ связи съ пространствомъ и численностью населенія.

Государства.	Простр. въ тысячу кв. киллом.	Численность нас. въ милліонахъ.	Протяженіе шоссе въ тыс. киллом.
Германія	545	56	265
(Пруссія)	349	35	90
Франція	537	39	563
Англія	315	42	256
Австрія	300	26	100
Швеція	450	5	50
Европ. Россія (съ Ц. Польск. и Кавказ.) . . .	5.297	107,5	30

Превосходя всѣ другія государства по пространству и численности населенія Россія оказывается на послѣднемъ мѣстѣ по длинѣ шоссейныхъ путей. Насколько мало со-

знавалось до сихъ поръ все значеніе шоссейныхъ дорогъ, видно уже изъ того, что за послѣднія 20 лѣтъ на производство изслѣдованій, изысканій и новыхъ работъ по шоссейнымъ дорогамъ было отпущено всего-на-всего 82,5 м. руб., что составляетъ въ среднемъ 4,1 м. руб. въ годъ. На ремонтъ путей тратилось въ теченіе того же промежутка времени ежегодно около 5,6 м. руб. Замѣчу, что отпуски казны являются, въ концѣ концовъ, единственнымъ источникомъ для содержанія шоссейныхъ дорогъ, такъ какъ предназначенный для той же цѣли шоссейный сборъ взимается въ настоящее время лишь въ 5 изъ 16-ти завѣдующихъ казенными шоссе земствъ и приноситъ въ среднемъ лишь 133 т. руб. въ годъ, а мостовой сборъ вмѣстѣ со сборомъ судовъ, проходящихъ подъ мостами, даетъ ежегодно не больше 130 т. руб... Отбрасывая эти ничтожныя цифры, прихожу къ выводу, что Россія, бюджетъ которой превосходитъ въ настоящее время 3.000 м. руб., на все дѣло постройки новыхъ и содержаніе старыхъ дорогъ тратитъ, всего на всего, въ годъ около 10 м. руб... Но, вѣдь, это—капля въ морѣ, въ сравненіи съ огромнымъ значеніемъ шоссейныхъ дорогъ для всего благополучія страны!

Всѣмъ извѣстно вліяніе бездорожья на экономическую и духовную жизнь главной опоры нашей сельскохозяйственной страны—русскаго крестьянства. Недаромъ мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности рѣшительно указывали въ 1902 — 1903 гг. на невозможное состояніе нашихъ дорогъ, какъ на главную хозяйственную бѣду. Не покажется ли фантастичнымъ для любого иностранца предположеніе, что цѣлая деревня можетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представлять собой какой то островъ, оторванный отъ всего живого, а

между тѣмъ въ нашей прекрасной и богатой странѣ существуютъ такіе уголки, сообщеніе которыхъ съ міромъ совершается лишь по проложеннымъ черезъ лѣса и болота тропинкамъ. Малая нагрузка подводъ, надрываніе и порча лошадей, огромная переплата при перевозкѣ грузовъ, уничтоженіе подсобныхъ заработковъ крестьянина отъ извоза въ весеннюю и осеннюю распутицу—вотъ тѣ горести, которыя вноситъ бездорожье въ и безъ того невеселую жизнь нашего крестьянина. Гдѣ ужъ тутъ говорить объ улучшенномъ огородничествѣ и садоводствѣ—неспособные вынести всѣ тягости перевозки, нѣжные продукты гніютъ или выбрасываются на кормъ свиньямъ... Не менѣе сильнымъ тормазомъ является отсутствіе путей и въ другой области нашей экономической жизни. Возьмемъ хотя бы поразительно малую доходность нашихъ лѣсныхъ богатствъ, которыя издавна являются однимъ изъ главныхъ предметовъ зависти иностранцевъ. Вѣдь, въ настоящее время доходность нашихъ лѣсовъ въ Европейской Россіи выражается до комизма маленькой цифрой—въ 39 коп. съ десятины общей площади; въ 5-ти сѣверныхъ губерніяхъ доходность падаетъ до 9 коп., на Кавказѣ—до 5 к., а въ Азіатской Россіи до—1 к. Столь малая доходность объясняется главнымъ образомъ по признанію Главнаго Управленія Земледѣлія и Землеустройства, отсутствіемъ дорогъ. Въ Архангельской губ., напр., не имѣется вовсе ни сплошь-шоссированныхъ дорогъ, ни шоссированныхъ мѣстами, ни грунтовыхъ улучшеннаго типа, а проселочныхъ дорогъ имѣется всего только 1.722½ версты. Да и дороги эти таковы, что въ распутицу приходится примѣнять особаго вида упряжку, чтобы буквально предохранить лошадь отъ утопленія.

А какія колоссальныя богатства въ нѣдрахъ Россіи только ждутъ, чтобы капиталъ и предпріимчивость вызвали ихъ къ жизни! Вѣдь, попадаются руды чуть ли не съ 80% содержанія желѣза, мѣдь гнѣздами, съ содержаніемъ до 60%. Мѣсторожденіе же мѣди Бингъ-Чиху (Киргизская степь) имѣетъ общую мощность рудной жилы 3—4 саж. ширины... И пусть не говорятъ, что въ Россіи нѣтъ капиталовъ, что духъ предпріимчивости чуждъ русскому человѣку—времена Обломовыхъ канули въ вѣчность. Но любая предпріимчивость отступитъ предъ непреодолимой силой злого генія нашей экономической жизни—бездорожьемъ.

Бросимъ взглядъ за границу. Вѣдь, Западная Европа приступила къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ уже будучи покрыта густой сѣтью шоссейныхъ дорогъ, ей не приходилось заботиться о постройкѣ подъѣздныхъ путей, тогда какъ до сихъ поръ мы страдаемъ отъ полнаго отсутствія возможности доставлять наши грузы къ станціямъ и пристанямъ. А насколько велика потребность въ подъѣздныхъ путяхъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что наши земства вынуждены въ ущербъ, конечно, исправности уже имѣющихся шоссе, строить ихъ за счетъ „остатковъ“ отъ шоссейнаго сбора и казеннаго пособія. Да и самые-то шоссейные сборы установлены только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Совершенно очевидно, что вопросъ о постройкѣ дорогъ, имѣющій общегосударственное значеніе, долженъ находиться всецѣло въ рукахъ государственной власти, которая не въ правѣ останавливаться передъ такими безусловно производительными затратами, какъ покрытіе Россіи сѣтью дорогъ.

Дорожное строительство развилось у насъ при Императорѣ Александрѣ I и продолжалось при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, при которомъ сооружено большинство нашихъ шоссе. При Императорѣ Александрѣ II мы увлек-

лись желѣзнодорожнымъ строительствомъ и съ 60 годовъ установился взглядъ на шоссе, какъ на затѣю излишней роскоши. На нихъ перестали смотрѣть какъ на дороги государственнаго значенія и все вниманіе было сосредоточено исключительно на желѣзныхъ дорогахъ.

Началась передача шоссе въ вѣдѣніе земствъ.

Но къ сожалѣнію лишь немногія земства оправдали довѣріе,—Московское, Орловское, Черниговское,—эти земства содержатъ дороги въ надлежащемъ порядкѣ, хотя въ видахъ экономіи и сузили значительно первоначальную корку. Но другіе... Увы! въ рукахъ прочихъ земствъ нѣкогда славныя правительственныя шоссе пришли въ полный упадокъ.

Московское земство стоитъ впереди другихъ, оно покрыло сѣтью шоссе весь московскій промышленный раіонъ.

Валдайское земство тоже стоитъ впереди другихъ въ отношеніи... плохого состоянія шоссе. Впрочемъ, объ этомъ земствѣ я уже упоминалъ. Слѣдующимъ за нимъ въ этой почетной градаціи я ставлю нижегородское земство,—шоссе въ немъ содержатся не важно.

Да,—къ пятидесятилѣтнему своему юбилею, земства могли-бы подумать о дорогахъ, не правда-ли?

Дороги должны быть въ рукахъ правительства.

Сторонники передачи шоссе земству указываютъ на недостатки казеннаго управленія шоссе.

Дѣйствительно, это управленіе зачастую заставляетъ желать лучшаго и казенныя шоссе содержатся не такъ, какъ слѣдовало-бы. Но можно-ли отсюда заключить о неправильности самой системы управленія? Конечно, нѣтъ. Такое отношеніе подлежащаго вѣдомства къ шоссе объясняется общимъ господствовавшимъ взглядомъ на этотъ предметъ.

На новыя шоссе денегъ не давали, ими не интересовались, и даже старыя не чинили.

На должности инспекторовъ шоссейныхъ дорогъ назначали неподготовленныхъ людей, да и вообще на эти должности смотрѣли, какъ на синекуры.

Конечно, при коренной перемѣнѣ взглядовъ какъ правительства, такъ и общественнаго мнѣнія на дорожное дѣло,—въ эту отрасль государственнаго управленія долженъ проникнуть надлежащій порядокъ. И принципъ управленія долженъ быть, казалось-бы, такой:

Главныя магистральныя линіи должны находиться въ рукахъ правительства, строиться и содержаться правительствомъ.

Меньшія дороги—должны строиться губернскимъ земствомъ, подъ техническимъ правительственнымъ надзоромъ, причемъ постройкой завѣдуютъ смѣшанныя комиссіи изъ представителей земствъ смежныхъ губерній.

Дороги мѣстнаго значенія должны строиться уѣзднымъ земствомъ.

Главное зло безспорно заключается въ томъ, что въ настоящее время дорогами вѣдаютъ и Министерство Путей Сообщенія, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и земство.

Въ заключеніе два слова о грунтовыхъ дорогахъ. Здѣсь необходимы искусственныя сооруженія. Нужно стремиться улучшать грунтовыя дороги, окапывать ихъ канавами, дѣлать дренажи,—чтобы въ сухое время года онѣ были доступны для проѣзда. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ все то же Московское земство, которое устроило особую лабораторію для изученія изысканія способа улучшенія грунтовыхъ дорогъ.

Однако я заговорился о дорогахъ, а тѣмъ временемъ мы уже успѣли подъѣхать къ Лугѣ. Тутъ насъ встрѣтило еще нѣсколько автомобилей. Конечно, всѣ вмѣстѣ гурьбой отправились сдѣлать передышку на вокзалъ, гдѣ и закусили на скорую руку, чѣмъ Богъ послалъ. Пока мы насыщались, погода испортилась: стало холодно, небо нахмурилось и полилъ безконечный, мелкій дождикъ, пришлось облачиться въ резиновыя пальто.

Въ Гатчинѣ насъ ожидала автомобильная рота съ шампанскимъ и теплой рѣчью ея командира. Этотъ знакъ вниманія былъ намъ очень пріятенъ и вознаградилъ за всѣ лишенія и невзгоды пути. А къ Петербургу мы подкатили во главѣ длинной колонны сопровождавшихъ насъ машинъ. Подъѣхавъ къ Исаакіевской площади, мѣсту финиша, мы совсѣмъ сконфузились: вся площадь чернѣла народомъ, и изъ-за всѣхъ угловъ щелкали кодаки и кинематографщики крутили свои вертушки. Кто-то что-то кричалъ, кто-то кому-то аплодировалъ, какія-то незнакомыя дамы цѣловали насъ. Намъ поднесли возъ цвѣтовъ. И, утопая въ цвѣтахъ, мы видѣли представителей правленія Балтійскаго завода въ общемъ хорѣ восклицаній передавшихъ намъ привѣтъ и благодарность завода...

И вотъ я снова дома, у родныхъ пенатовъ, въ уютномъ своемъ кабинетѣ. Въ открытое окно смотритъ на меня старая лиственница: она уже была тутъ на вольной волюшкѣ, когда не существовало и самаго Петербурга, на ея глазахъ выросшаго въ многолюдный Вавилонъ. Теперь каменныя громады обступили ее со всѣхъ сторонъ, но волею судебъ не тронули цвѣтущее дерево ни человѣческая рука, ни жадный зубъ времени. И вотъ смотритъ она на человѣка, безпокойно переносившагося на легкой машинѣ изъ города въ городъ, по дорогамъ,

весямъ и градамъ родной земли. Ея покой невозмутимъ, глубоко заложены корни ея въ сырой землѣ и вершиной своей она касается неба, но... но что лучше, стоять-ли на мѣстѣ, сохраняя незыблемое холодное равновѣсіе, или сгорѣть въ лучахъ волнующагося пламени новыхъ впечатлѣній, знаній и непрестаннаго изученія самаго дорогого, что есть въ жизни, своей родины?

Истина, извѣчная правда, отражается въ вѣчно текущей рѣкѣ жизни. Но чтобы познать ее, нужно окунуться въ эту рѣку, нужно слиться съ движеніемъ ея волнъ, ибо жизнь — движеніе, а покой только на кладбищѣ...

Человѣкъ превращаетъ воду въ паръ, онъ приковываетъ его тяжелыми стальными цѣпями къ утлому суденышку. И могучій паръ, покорный волѣ человѣка, какъ вѣрный рабъ мчитъ суденышко туда, куда направляетъ его людской разумъ.

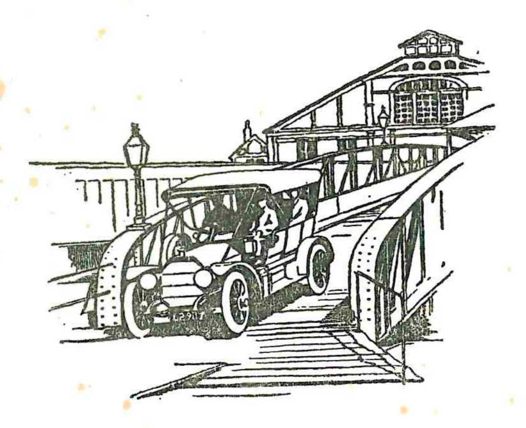
Человѣкъ превращаетъ воду въ паръ и приковываетъ его крѣпкими цѣпями къ стальной коробкѣ. И могучій, покорный паръ толкаетъ коробку впередъ по гладкимъ рельсамъ и тащитъ за собою длинную вереницу тяжелыхъ вагоновъ.

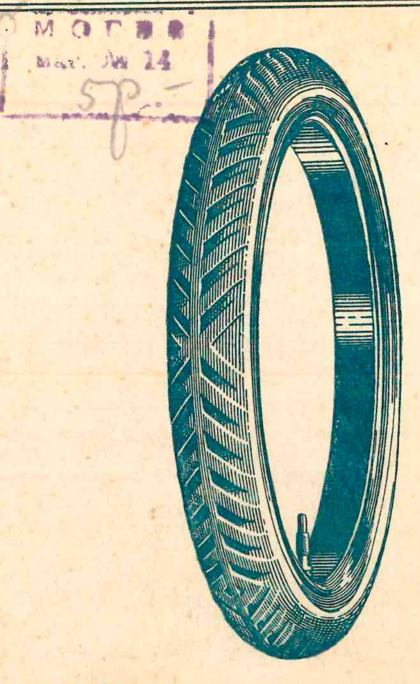
Человѣкъ превращаетъ воду въ паръ, онъ заковываетъ его въ тяжелыя цѣпи и паръ замѣняетъ ему тысячи рабочихъ рукъ.

Но человѣчеству мало этого. Оно уже не хочетъ довольствоваться паромъ. Онъ поймало на небѣ молнію, помѣстило ее на землю и заключило въ фонари на улицахъ, заставляя освѣщать мостовыя и тротуары. Оно заставляетъ молнію быть точнымъ почтальономъ, направляя ея свободный полетъ по узкой проволокѣ. Оно заключило ее въ моторъ, и вотъ мы мчимся на автомо-

билѣ среди полей и лѣсовъ. А теперь человѣчество направляетъ ея силу даже безъ проволоки, однимъ велѣніемъ своей могучей воли. Но и на этомъ не остановится ненасытное человѣчество. Оно покоритъ силу воображенія, какъ покорило электричество и паръ. Но гдѣ примѣнятъ тогда свободныя человѣческія руки? И если уже и теперь народился на свѣтъ Божій страшный рабочій вопросъ, антихристова предтеча, что будетъ тогда, когда паръ и электричество замѣнитъ эта страшная сила?

А ты, старый товарищъ, потрепанный невзгодами и бурями, испытанный другъ мой автомобиль! Палило насъ съ тобой горячее солнце, безжалостно обливалъ холодный, дробный дождь, не разъ утопали мы съ тобою въ грязи и завязали въ пескахъ, странствуя по удивительнымъ дорогамъ нашей матушки Россіи. Ты не выдалъ меня, не посрамилъ моей вѣры въ торжество техники и ума. Ты заслужилъ свои лавры, — отдыхай же въ гаражѣ подъ мягкимъ брезентомъ, отдыхай до новаго пробѣга: намъ еще придется поработать съ тобой, — еще не выпущенъ послѣдній патронъ, есть еще порохъ въ пороховницѣ...

Цѣна книги 1 р. 50 коп.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Инж. Н. КУЗНЕЦОВА

СПБ., НИКОЛАЕВСКАЯ, 77.